

ЖАК ПАУЭЛС

**ПРАВДА И ЛОЖЬ
ИСТОРИИ**

МИФЫ И ТАЙНЫЕ
СМЫСЛЫ XX ВЕКА

Жак Пауэлс

**Правда и ложь истории. Мифы и
тайные смыслы XX века**

Посвящаю эту книгу великому итальянскому философи и историку Доменико Лосурдо, который так много сделал для нас, чтобы лучше понять современную историю, но покинул нас слишком рано.

Жак Пауэлс.

Перевод с английского Ирины Маленко

© Жак Пауэлс, 2021
© Книжный мир, 2021
© ИП Лобанова О.В., 2021

Введение

Мифы это не ложь. Это рассказы, в которых переплетается много воображения, но они также содержат в себе и ядро истины. Например, греческий миф о Ясоне и аргонавтах отражает приключения первых эллинов в архаическую эпоху, когда они уже путешествовали далеко от своей Родины. Например, через Дарданеллы они мигрировали в экзотические регионы вдоль берегов Черного моря. Именно тамошние обитатели обычно привязывали овечьи шкуры на дно рек, чтобы ловить крупицы золота, которые несла быстротекущая вода с высоких вершин Кавказа. В рассказе о Ясоне и аргонавтах это превратилось в покрытые золотом овечьи шкуры, «золотое руно». Судьба Одиссея в «Одиссее» Гомера напоминает о первых разведывательных вылазках древних греков в Средиземное море. Песчаные отмели и завихрения в Мессинском проливе между Сицилией и материковой Италией в «Одиссее» превратились в морских чудовищ Сциллу и Харибду, с которыми пришлось сражаться Одиссею.

Типичным для этих древних мифов является то, что греческие персонажи там всегда изображались действительно героями, умными и храбрыми представителями народа, имеющего свой язык, культуру и общество, стоящее гораздо выше тех «варваров», с которыми они не так уж редко встречались в тех далеких землях в самых неприятных ситуациях. И это все не совпадение, потому что функция мифа – не говорить правду, а вести рассказ так, чтобы убедить слушателя, а позже и читателя в своей правоте о превосходстве того или иного народа и их языка, а также политических, социальных и экономических институтов, короче говоря, в том, что его образ жизни является лучше.

Мифы, таким образом, содержат ядро исторической реальности, но служат не для того, чтобы показать эту реальность. Они нацелены на то, чтобы социализировать людей, чтобы примирить их с состоянием своего общества даже – и особенно! – когда на самом деле есть веские причины быть недовольным статус-кво и желать перемен, возможно даже радикальных, революционных перемен.

То, как сегодня учат людей истории, – это, собственно, то же самое. В теории цель уроков истории – это не что иное, как открытие исторической «голой правды». Но так же как и в мифах древних времен была скрыта лишь некая доза истории, история, в том виде, как она сегодня преподается в системе образования и особенно как она подается в средствах массовой информации людям, часто хорошенько пропитана мифами. Эти мифы также направлены на то, чтобы помочь читателю, слушателю или зрителю примириться с состоянием нашего общества, а, считается, еще лучше, если они помогут заставить его этому состоянию аплодировать. А если не можешь сделать этого, то хотя бы убеди читателя или зрителя быть фаталистом в соответствии с печально известным девизом Маргарет Тэтчер: «Альтернативы нет».

Эта книга – о таких мифах в современной истории, то есть, истории, скажем, немногим старше нескольких столетий, прошедших с тех пор, как свершилась Французская революция 1789 года. Не так уж и давно это время относили к «современной истории», в то время как «современной историей» тогда считали время примерно с 1500 по 1789 год (эпоха, которая сейчас называется «ранне-современной»). В любом случае, речь идет о неспокойных временах и о драматических событиях, которые остались не так уж и далеко позади и которые часто обсуждаются учеными, политиками и простыми людьми, высказывающими о них различные мнения.

Возможно, именно по этой причине наши учителя истории во времена моей молодости, в шестидесятые годы, предпочитали ограничиваться далеким и таким образом «более безопасным» прошлым, подобно грекоримской античности и средневековью. О спорных проблемах девятнадцатого и двадцатого веков они редко или вообще никогда не высказывались вслух. О самых важных темах, таких, как русская революция и возвышение Гитлера нам никогда не говорили ничего, кроме банальностей.

Сегодня историческое образование еще печальнее, потому что истории уделяют все меньше и меньше внимания в школе. Однако большинство людей знают кое-что о самых важных событиях последних двух столетий. Они осознают, что в те времена происходили серьезные политические, социальные и экономические изменения, и что изменения эти сопровождались войнами и революциями. Они также знают имена личностей, которые играли в тех событиях главные

роли. И они обычно твердо убеждены в том, что они знают историю. Но их практически не учили истории ни в школе, ни в университете, тогда откуда же у них взяться знаниям и такой убежденности?

Важную роль в этом играют средства массовой информации. В газетах и журналах регулярно публикуются статьи на исторические темы, особенно когда отмечается очередная годовщина какого-то важного исторического события. В 2014–2018 годах мы были, например, завалены публикациями об истории Великой (Первой мировой) войны, столетие которой тогда отмечалось, а в конце 2017 года, ровно через 100 лет после Октябрьской революции в России, большое внимание было уделено этому историческому событию. На таких «поминках» телевизионные каналы угождают своим зрителям историческими документальными фильмами, где оригинальные документальные кадры щедро дополняются и комментариями историков. Так киноиндустрия, конечно, в первую очередь американская, голливудская, часто и охотно играет роль учителя истории. Многое из того, что бесчисленное множество людей знают о важных событиях, например, времен Второй мировой войны (они думают, что знают!), они на самом деле «выучили» из таких фильмов как «Самый длинный день», «Спасти рядового Райана», «Список Шиндлера» и т. п.

В дополнение к традиционным средствам массовой информации, общественность сегодня также более широко использует веб-сайты, такие как Википедия, для получения исторических знаний. Тем, что они узнают, они делятся и затем распространяют это, часто через социальные сети. А еще знания высокообразованных историков, работающих в престижных университетах, таких как Гарвард и Оксфорд, и «мозговых центрах», таких как Институт Гувера, просачиваются в США к широкой публике. Это происходит, например, когда вышедшее из-под их пера почему-то привлекает большое внимание СМИ и становится бестселлерами, поглощаемыми миллионами людей.

Таким образом, в прошлом знания людей об истории основывались главным образом на полученном в школах историческом образовании, в то время как сегодня эти знания преимущественно черпаются из СМИ. И эти СМИ практически полностью находятся в частных руках. Можно сказать, что историческое образование фактически в основном

приватизировано. В связи с этим возникает вопрос – почему эту задачу взяли на себя частные компании? Почему они чувствуют себя обязанными давать общественности информацию об истории?

Чтобы понять это мы должны прежде всего знать, что газеты, журналы, телевизионные станции, издательства и социальные сети – это часто транснациональные компании, или же они принадлежат крупным компаниям, банкам, холдингам или супербогатым предпринимателям типа Джека Безоса, владельца Amazon и газеты The Washington Post. Иными словами, они находятся в руках очень небольшой группы людей – 1 % «элиты», в чьих карманах находится львиная доля богатства всего мира. И эта львиная доля с каждым годом становится все больше. Кроме того, свое большое богатство эти немногие приобрели и накопили за счет многих, которые относительно или даже абсолютно беднеют по мере того, как «элиты» становятся богаче.

Эта эволюция огромного богатства в основном базирующихся на Западе миллиардеров и крупных банков и компаний и великой бедности чрезмерно большой доли населения в остальном мире, иными словами, развитие капитализма, в его глобальном контексте и форме, империализма – историческое явление. Этот феномен вы сможете понять во всей его сути, только изучая историю и, особенно, историю последних нескольких сотен лет^[1].

Короче говоря: чтобы понять, почему богатые становятся все богаче, а бедные становятся все беднее, вы должны изучать историю. Сегодня это осуществляется в первую очередь с помощью средств массовой информации, которые находятся как раз в руках... богатых. Так что именно привилегированные члены группы 1 % – или люди, которым они доверяют эту задачу и за это щедро платят, сегодня берутся за то, чтобы объяснять нам ход двух столетий истории, которая породила нынешний мировой порядок. Это те самые люди, которые повсюду в мире в настоящее время пользуются преобладающим социально-экономическим порядком, а также преимуществами политической системы, и потому имеют все основания желать, чтобы это продолжалось для получения ими огромной прибыли. А также и те, кто построил эту систему и таким образом накопил свои состояния. Этот процесс накопления капитала шел тяжело, с самой недобросовестной конкуренцией и часто с ожесточенной ему

оппозицией, и принес миру огромное количество бед и страданий. Например, крупномасштабное использование рабов – такая форма эксплуатации, которая приносила много денег и потому была упразднена достаточно поздно; или насильственное подчинение отдаленных земель и эксплуатация и угнетение их жителей; и, конечно, войны^[2]. Эти войны были конфликтами с конкурентами и особенно с людьми и странами, которые должны были заплатить цену за развитие капитализма и империализма и/или осмелились сопротивляться развитию капитализма и империализма. Но войны приносили много денег. Самые крупные компании и банки, например, заработали на двух мировых войнах огромные деньги. Недавние войны, такие как война в Ираке, также оказались весьма успешными с точки зрения получения прибыли, в том числе для поставщиков оружия и нефтяных корпораций. Ряд американских миллионеров – лишь 1 % американского общества – благодаря этому стали гораздо богаче, в то время как в Ираке миллионы людей погибли или еще глубже погрузились в нищету. И мы не должны забывать, что простые американские граждане – 99 % американцев – тоже стали беднее из-за этой войны. Как и все войны, она повысила государственный долг, и этот суверенный долг каждому американцу приходится выплачивать своими налогами.

Понятно, что у этого 1 % нет никакой заинтересованности в объективном взгляде на историю, раскрывающем историческую реальность.

Видимо, французский писатель Оноре де Бальзак был прав, когда утверждал, что за каждым большим капиталом скрывается преступление. На нем действительно много крови, на этом гигантском состоянии 1 процента населения. Чтобы не дать широким массам осознать это и создаются и запускаются в общественное восприятие мифы, распространяемые через средства массовой информации, – мифы, изображающие войны как «несчастные случаи» истории или же как «крестовые походы за демократию, свободу и справедливость».

Сочиняются также сказки и о политической и социальной демократии (например, о всеобщем избирательном праве и о социальном обеспечении). Например, что якобы капитализм обеспечивает больше демократии. В действительности демократический процесс смог добиться прогресса не благодаря

капитализму, а вопреки ему, особенно во время революций, которые обычно несли угрозу капитализму. Как бы капитализм ни размахивал знаменем демократии и прав человека, он, в своей империалистической форме, есть система для (преимущественно западного) 1 % населения – меньшинства, мизерной демографической группы. Поэтому капитализм по своей сути антидемократичен и контрреволюционен. Революционные движения подавляются им всеми возможными способами и не только в далеких странах, но и зародышевые революции в Европе, такие как движение желтых жилетов во Франции.

Поэтому неудивительно, что в исторических мифах, созданных 1 %, революции обычно рисуются как бессмысленные кровопролития и отвергаются, а революционные вожди изображаются как кровожадные чудовища. С другой стороны, войны, которые сделали возможной нынешнюю империалистическую мировую систему, прославляются или, по крайней мере, оправдываются, а их полководцев и воинов восхваляют. С тем, что при этом искажается историческая правда, никто не считается. Как было еще у древних греков, точно так же и современные мифы не намерены рассказывать правду. Они призваны заставлять людей смиряться с установленным порядком, поддерживать войны и отвернуться от революционных движений, которые выступают за перемены, выгодные большинству, а не пресловутому 1 %. Для 1 процента истинная правда об истории является подрывной, опасной и нежелательной. Для 99 % же, напротив, важно и нужно не быть одураченными мифами. А для того, чтобы не быть обманутым ими, необходимо лучше узнать историческую реальность. Чтобы знать, что будет дальше и что надо делать дальше, необходимо знать, как мы оказались в нынешней ситуации.

В этой книге исследуются 12 современных мифов и приводится их анализ.

Мы начнем с мифа о Французской революции, этой «первобытной катастрофе» современной истории и ее войн. В этом мифе фокус внимания сосредоточен на кровопролитии, которое связывается с «революционным топором», гильотиной и с самым радикальным из всех французских революционеров, Робеспьером, изображаемым как чудовище, в то время как Наполеон в этом мифе появляется на исторической сцене как великий герой. Однако Робеспьер много

сделал для развития демократии, например, для отмены рабства, в то время как Наполеон в ходе войн уничтожил сотни тысяч людей и восстановил рабство, отмененное Робеспьером. Деконструкция этого мифа покажет, что вопреки тому, что пытаются навязать нам мифотворцы, революции в целом содействуют делу демократии, а войны работают против него. (Конечно, мы имеем в виду истинные революции, а не те организованные и манипулируемые протесты и демонстрации, которые по своей сути являются контрреволюционными, но маскируются под «революции» и преподносятся нам как таковые средствами массовой информации.)

Затем у нас на очереди – Первая мировая война. Согласно традиционным клише, этот невиданно смертоносный конфликт был якобы «войной за демократию». Мы разоблачим этот миф. На самом деле Первая мировая война была настоящим крестовым походом против демократии – и против революций, которые продвигали демократию. Ирония истории в том, что этот контрреволюционный проект, в конечном счете, привел к Великой революции в России. Второй миф о Первой мировой войне – что эта война, якобы, была трагической случайностью в истории. На самом же деле она была закономерным результатом беспощадной конкурентной борьбы между империалистическими державами за территории внутри и за пределами Европы, которые служили источниками сырья и дешевой рабочей силы и рынками сбыта готовой продукции и инвестиционного капитала. И все это происходило в интересах крупных корпораций и банков империалистических держав.

Есть также мифы о русской революции, разбор которых вы также найдете в этой книге, – она была не бессмысленной, преступной резней, а реализацией видения – не только Ленина и большевиков, но и многих народов царской империи, которой Россия, Европа и весь мир сегодня действительно многим обязаны. Одним из геркулесовых подвигов Октябрьской революции или, по крайней мере, ее «ребенка», Советского Союза, была победа над нацистской Германией. И из нашей книги вы также увидите, что именно во многом благодаря Октябрьской революции в Западной Европе в течение XX века была невиданно высокая степень демократии и процветания.

Это подводит нас к следующим двум мифам, а именно к тому, что Гитлер якобы пришел к власти, опираясь на собственные силы или на

поддержку германского народа, и что Вторая мировая война была войной Гитлера. В действительности Гитлер смог прийти к власти только благодаря финансовой и прочей поддержке со стороны немецких промышленников и банкиров. Еще один очень важный миф – о том, что Вторая мировая война была войной Гитлера. Немецкая элита, и особенно промышленники и банкиры, все еще лелеяли в 1930-е годы так же, как и в 1914 году, большие надежды на войну. Они привели к власти Гитлера, потому что он был единственным политиком, готовым начать войну, они помогли ему подготовиться и развязать это войну и они же в конечном счете получили огромную выгоду от этой войны. Поскольку эта элита все еще и сегодня могущественна и влиятельна в Германии – а через Германию в Евросоюзе и во всем мире, – нагота этой исторической реальности остается целомудренно прикрытой мифологическим плащом «гитлеровской» войны.

История Второй мировой войны – это целое минное поле, полное мифов. Согласно одному из таких мифов, этот конфликт стал возможен из-за того, что нацистская Германия и Советский Союз заключили «пакт», известный под названием «Пакт Молотова-Риббентропа». Это тоже совсем не так. Этот пакт скорее можно назвать содержащим в себе семена поражения нацистской Германии. Еще одна широко распространенная на Западе сказка – представление о том, что ключевой перелом в войне произошел в Нормандии в июне 1944 года. К тому времени исход войны уже давно был предрешен. Ситуация изменилась уже к концу 1941 года, хотя почти незаметно, в ходе поражения гитлеровских войск под Москвой. Однако мир осознал это только после титанической Сталинградской битвы в начале 1943 г. Нацистская Германия была обречена на поражение. Высадка в Нормандии произошла гораздо позже и служила в первую очередь для предотвращения того, чтобы Красная Армия в одиночку окончательно разгромила нацистскую Германию, в результате этой победы получив влияние на всю Европу.

Существует также много мифов о роли США в этом конфликте, некоторые из которых предлагались илагаются вниманию аудитории в голливудских кинофильмах.

Начнем с мифа о том, что японское нападение на Перл-Харбор было трусливым и внезапным. В действительности же американские

политические и военные лидеры, включая президента Рузвельта, намеревавшиеся воевать против Японии (но не против Германии), всячески провоцировали Токио, и они были очень хорошо осведомлены о том, что японский флот готовил нападение на Перл-Харбор. Все, собственно говоря, шло по плану, они не учли только одного – возможности того, что Гитлер объявит войну Соединенным Штатам. Его союз с Токио этого не требовал, но все же именно так он и поступил спустя несколько дней после Перл-Харбора, к огромному удивлению Рузвельта и его советников.

Еще один особенно жестокий миф заключается в том, что сотни тысяч людей, в основном женщины и дети, но также и военнопленные союзники, – были варварски уничтожены в Хиросиме и Нагасаки с помощью атомных бомб, якобы, для того, чтобы вынудить Токио сдаться и/или помешать гибели тысяч американских солдат в ходе наземного вторжения войск США в Страну восходящего солнца. Это тоже совершенно не соответствует действительности.

Японцы капитулировали после того, как Советский Союз объявил им войну, потому что это лишило их надежды на то, что они еще смогут что-то выторговать для себя при ставшем уже неизбежном поражении. Вашингтон использовал атомные бомбы, чтобы запугать Москву и таким образом навязать волю Америки в отношении послевоенных договоренностей в Европе и на Дальнем Востоке. Эта истина настолько отвратительна, что этот миф стараются увековечить и удержать любыми необходимыми средствами. И президент Барак Обама внес свой вклад в это во время церемоний по случаю памятных дат в 2015 году в Хиросиме.

Наши размышления о Перл-Харбore, о высадке десанта в Нормандии и об атомных бомбардировках Японии неизбежно приведут к деконструкции всеобъемлющего мифа, а именно – широко распространенного представления о том, что Соединенные Штаты самоотверженно вновь и вновь сражаются за свободу, демократию и права человека. На самом деле американская элита почти непрерывно ведет войны, цель которых состоит, с одной стороны, в том, чтобы завоевать и удержать гегемонию внутри «клуба» империалистических держав, а с другой – в подавлении антиимпериалистических движений и стран (например, Советского Союза).

Книга заканчивается кратким, но лишенным мифов обзором истории с 1945 года по сегодняшний день. Мы проанализируем миф о том, что распад Советского Союза и падение коммунизма к 1990 году было якобы триумфом демократии. На самом деле это была катастрофа для демократии и в странах бывшего Восточного блока, и в развивающемся мире и, наконец, не в последнюю очередь, для США и Западной Европы, где люди еще недавно верили, что они всегда будут наслаждаться невиданным высоким уровнем свободы и процветания.

Эта книга написана не для того, чтобы произвести впечатление на профессиональных специалистов. Она предназначена для той части широкой общественности, которая интересуется историей вообще и в особенности современной историей. Для того, чтобы ее было легче читать, было решено воздержаться от библиографических ссылок. В конце книги указана краткая библиография.

Каждая глава этой книги может читаться отдельно и охватывает одну важную тему – такую как Французская революция, возвышение Гитлера или нападение японцев на Перл-Харбор. Тем не менее, рекомендуется читать книгу главу за главой в хронологическом порядке. В целом это обзор истории начиная с девятнадцатого и двадцатого веков, с особым вниманием к взаимодействиям между революционными и военными процессами (или, другими словами, к «диалектике»), которыми была отмечена эта история. Эта диалектика определила демократическую эволюцию. Простые люди добились значительного прогресса, особенно благодаря революциям. Но также иногда ход событий приводил к остановке прогресса и даже к откату назад, часто из-за войны. В результате этого взаимодействия, например, легче понимаешь суть Первой мировой войны, если знаешь о Французской революции. А возвышение Гитлера, например, вызывает меньше вопросов у тех, кто имеет хоть какое-то представление о Первой мировой войне и о том, что такое Русская революция. Но чтобы сделать возможным прочтение отдельных глав самих по себе, какие-то факты или наблюдения цитируются в нескольких главах.

Я хотел бы закончить словами благодарности бельгийскому издателю ЕРО, редактору Томасу Бломмерту, который подал мне идею для этой книги, Гаю Джейкобсу, который не пожалел сил, чтобы

вычитать мою рукопись, и моей жене Даниэль за ее терпение и поощрение.

Глава 1

Французская революция

Миф

Французская революция представляла собой бессмысленное побоище, в ходе которого кровожадный парижский сброд во главе с якобинскими злодеями вроде Робеспьера убил множество невинных людей. К счастью, на сцене появился гениальный человек, Наполеон Бонапарт, как бог из машины, чтобы восстановить порядок и одарить Францию невиданной силой и славой. За это он вечно будет пользоваться благодарностью великой нации, даже несмотря на то, что для него все, в конце концов, закончилось не очень хорошо, потому что ему не повезло в России, и он потерпел поражение под Ватерлоо.

Реальность

Несмотря на кровопролитие, которым она сопровождалась, причем революционеры были виноваты в нем меньше, чем роялисты, развязавшие контрреволюционный террор, Французская революция представляет собой чрезвычайно важный первый шаг вперед в истории политической и социальной эмансипации подавляющего большинства населения страны. Следовательно, это был шаг вперед в направлении демократии, не только во Франции, но в Европе и во всем мире. Наполеон, напротив, хотя и был во многих отношениях дитем революции, но он вовсе не был демократом, и его стремление к славе для себя и своей «великой нации» дорого обошлось – ценой была гибель сотен тысяч людей.

Политическая и социально-экономическая система Франции до 1789 года, когда началась Французская революция, называется «старым режимом». Это название справедливо предполагает, что в результате

революции появилась совершенно другая, новая и современная Франция.

Символами этой новой Франции, республики вместо королевства, стали сине-бело-красный флаг, молодая женщина, известная под именем Марианна и «Марсельеза» – пожалуй, самый известный национальный гимн в мире. Символом старого режима были королевская лилия, Флер-де-Лис и, хотя настоящего национального флага еще не было, белый и синий были типичными цветами для знамен учреждений, связанных с королем, таких как армия и флот. Три лепестка лилии не случайно напоминали о святой Троице. Французская монархия на самом деле с самого начала своего существования, с крещения ее основателя Хлодвига была католическим королевством, в котором церковь и государство не были разделены, как в либеральной Французской Республике.

Жанна Д'Арк, героиня своей страны и веры, часто была символом старого режима и изображалась с крестом и с флагом с лилией. Во время Революции благочестивой Жанне пришлось уступить дорогу довольно легкомысленной Марианне^[3].

Франция старого режима не была демократией. Простые люди («демос» по-гречески) не имели ни малейшей политической власти («кратос» по-гречески). Она находилась в руках небольшого меньшинства дворян, епископов и кардиналов (так называемых «князей церкви»), которые также были в основном дворянами. Все вместе они составляли не более пяти процентов населения страны. Так что это была олигархия, власть («архе» по-гречески) находящаяся в руках немногих («олигои» по-гречески) или даже монархия – монополия одного человека на власть. Король, который был первым среди равных между дворянства в течение многих столетий, постепенно прибрал к рукам львиную долю власти за счет остальной знати – эволюция, которую британский историк Перри Андерсон описывает в своей книге «Черты абсолютистского государства». То есть, французская монархия стала абсолютистской монархией. Своей знаменитой фразой «L'Etat, c'est moi» («Государство – это я!») Людовик XIV, прозванный «Король-Солнце», провозгласил, что французское государство принадлежало ему одному.

А Людовик XVI заявлял ещё накануне революции: что «Это закон, потому что я так хочу!». Таким образом, во времена старого режима

простые люди не имели никакого отношения к политической системе. Но демократия имеет не только политическую, но также и социальную сторону. В условиях демократии люди не просто наслаждаются возможностью внести определенный вклад в государственную политику, но также и определенными (социальными) услугами и мерами, предоставляемыми государством. При старом режиме об этом тоже не могло быть и речи. Французская монархия тратила огромные деньги на войны и на строительство дворцов вроде Версальского и больших городских площадей со статуями правителей. Но для простых людей не делалось почти или вообще ничего. Французы были подданными короля и имели всякого рода обязанности перед государством, такие как уплата налогов и несение военной службы, но у них почти или совсем не было прав. Можно было оказаться в тюрьме на неопределенный срок или даже подвергнуться казни просто потому, что король отдал такой приказ.

При старом режиме также не было принципа равенства между мужчинами и женщинами. Да и некатолики имели еще меньше прав, чем католическое большинство. И для «благородного» меньшинства, в отличие от недворянского большинства, применялись иные законы и нормы. Например, дворяне, приговоренные к смертной казни, «всего лишь» могли быть обезглавлены, в то время как все остальные подвергались повешению или еще хуже, колесованию. Этот зверский способ казни, который осуществлялся в Париже еще в 1757 году.

Старый режим был сословным обществом. Дворянство и духовенство представляли собой первые два сословия, в то время как так называемое «третье сословие» включало в себя остальную часть населения, как сельского, так и городского.

Первые два сословия образовывали высший класс, социальную элиту, которая была богата, могущественна и во многих отношениях привилегирована. Они были вполне довольны существующим положением вещей и считали перемены ненужными и нежелательными.

К обычным людям принадлежали наряду с крестьянами в сельской местности и городские сословия, такие как буржуазия (буквально «жители города», «бург» по-французски). Среди них были как представители высшей буржуазии, такие как купцы и другие «деловые люди», так и люди, которые были заняты в хорошо оплачиваемых

свободных профессиях, и гораздо менее зажиточная мелкая буржуазия, например, лавочники и другие мелкие торговцы и особенно тогда еще очень многочисленные ремесленники. Кроме этой буржуазии в городах также проживало множество бедняков, например, наемные работники, безработные, проститутки и нищие. Мы будем время от времени обозначать их римским термином «плебеи». Термин «маленькие» люди означает людей со скромным доходом и с некоторой собственностью, таких, как крестьяне, мелкие буржуа и ремесленники, но также и наемных работников, слуг и тому подобное. К плебеям также принадлежала и не имеющая собственности беднота, так называемый «пролетариат»^[4]. Однако большинство плебеев не были пролетариями, по крайней мере, в то время еще не были.

Так что третье сословие было комбинацией того, что мы сегодня именуем «средний класс», а также низший класс или подкласс. Дамы и господа из высшей буржуазии были богаты, иногда даже очень богаты, но не имели власти и пользовались относительно небольшим социальным престижем. По их мнению, назрела настоятельная необходимость это изменить. Сельские земледельцы и городские плебеи, пролетариат по отношению к мелкой буржуазии, были бедны и часто жили очень тяжелой жизнью в больших городах, даже когда они не были бедны, например, из-за частого голода и высоких цен на хлеб. Они становились все более и более недовольными, беспокойными, бунтовали, и именно они стали ударными войсками в 1789 году, штурмовавшими Бастилию и совершившими другие великие революционные дела.

Революция, разразившаяся в 1789 году, ясно отразила глубокие и болезненные классовые антагонизмы, которые были характерны для старого режима.

Большинство людей хотели покончить с этим режимом, а также с привилегиями для очень небольшого меньшинства и, следовательно, достичь определенной степени демократии. Крестьяне, буржуазия и плебеи (особенно парижские ремесленники, известные как «санкюлоты», выступили против прячущихся за спиной короля элиты, дворянства и высшего духовенства. Буржуазия возглавила революционное движение, но каштаны из огня для нее таскали санкюлоты. В сельской местности крестьяне буквально сжигали своих феодальных господ в их замках. Но после отмены ненавистных

феодальных повинностей, наложенных на крестьян знатными землевладельцами, в сельской местности наступил покой. Последующие революционные действия проходили в основном в Париже.

Революция привела к драматической перемене судьбы французского народа. И это изменение было улучшением, даже значительным улучшением. Это стало самым началом эмансипации среднего класса и даже бедняков. В 1789 году во Франции женщины и мужчины перестали быть «подданными» короля. Они стали гражданами (*citizens*) государства, с которым они могли идентифицировать себя, с установленными законом обязанностями, но также и с правами. Это государство больше не ассоциировало себя с какой-то определенной религией, а отделило церковь от государства и ввело идею свободы совести. Французы получили право влиять через выборы на осуществление государственной политики и стали равными перед законом, независимо от социального статуса или вероисповедания. Евреи и протестанты больше не были гражданами второго сорта. К великим заслугам Французской революции относятся также и меры, принятые под влиянием идей Просвещения, и создание «неделимого», централизованного, «современного» французского государства.

Вышеуказанные достижения датируются 1789–1791 годами, а именно, начальной фазой Французской революции. Они были очень важны, но все же они, конечно, не создали на практике демократической утопии. Они были просто первым шагом в долгом процессе демократизации на долгом, извилистом пути, с высотами и падениями, к совершенной демократии, до которой нам еще очень далеко.

Этот демократический прогресс прошел за счет ущемления власти короля, знати и церковников, которые не испытывали ничего, кроме отвращения к идеи «власти народа и для народа», ибо это означало конец их власти и привилегий. Начало демократизации особенно благоприятствовало верхушке буржуазии.

Этот класс теперь считал свою новоприобретенную власть внутри государства инструментом для получения преимуществ для себя, точно так же, как при старом режиме король, дворянство и духовенство извлекали выгоду из своей власти в государстве. Теперь буржуа, пришедшие к власти, в свою очередь принимали законы и

правила, с помощью которых они, как торговцы, банкиры и предприниматели, могли иметь преимущества. Например, произошло упразднение внутренних пошлин и введение новой единой системы мер и весов, сегодня известной как метрическая система. Но также был принят и закон Ле Шапелье, который запрещал их работникам объединяться в профессиональные союзы и бастовать.

Осенью 1791 года буржуазия в значительной степени достигла своих революционных целей. Королевский абсолютизм с его привилегиями для дворянства и церковников должен был уступить место парламентской монархии, в которой граждане могли бы «дергать за ниточки». Благодаря введению избирательного права, основанного на имущественном цензе, участие в голосовании стало возможным только для тех, кто заплатил относительно высокую сумму налогов. «Маленький народ», или рабочий народ оставался по-прежнему политически бесправным.

В народных собраниях – сначала Учредительном, а затем и в Законодательном собрании – были только богатые и не было бедных. Эта новая ситуация была формально закреплена в Конституции и обрела свое символическое отражение в новом флаге, триколоре, комбинации из голубого и белого цветов монархии с красным цветом пламени Парижа.

Но революционные требования были далеко не исчерпаны. Прежде всего парижский плебс продолжал продвигать вперед более радикальные идеи революции. А во-вторых, компромисс парламентской монархии подвергся контрреволюционному давлению как изнутри страны, так и из-за границы.

Парижские санкюлоты составляли ударные отряды революции, например, при штурме Бастилии. Именно благодаря им буржуазия смогла прийти к власти. Но в то же время она презирала и боялась народные массы столицы, считая их «хитрым и опасным» «сбродом». В списке желаний этих плебеев были вещи, с которыми буржуазным революционерам было трудно или даже невозможно согласиться. Например, введение того, что потом стало считаться самой сутью демократии – всеобщего избирательного права. Это угрожало приходом к власти представителей широких народных масс, от которых нельзя было ожидать проявления необходимого уважения к собственности, то есть, ключевому камню проповедей либерального

Евангелия Адама Смита, которое в то время начало распространяться во французской буржуазной среде, потому что оно продвигало интересы буржуазии.

Парижский плебс ожидал от нового зародыша демократического государства более высокой заработной платы и более низких цен – особенно установления максимальной цены на хлеб, который тогда был основной пищей французов. Для буржуазии меры такого рода в виде государственного вмешательства в экономическую жизнь полностью противоречили либеральной доктрине «*laissez faire*». Кроме того, было ясно, что буржуазии придется нести расходы на осуществление таких мер. Наёмные работники были также недовольны рядом законов, которые приняли новые буржуазные власти, такими, как вышеупомянутый закон Ле Шапелье.

Хотя плебеи не могли участвовать в собраниях «представителей народа», но они оказывали давление на этих представителей через громкие демонстрации на улицах и площадях столицы. Такие действия часто сопровождались насилием, например, 17 июля 1791 года десятки тысяч санкюлотов собрались на Марсовом поле, выражая свое недовольство безработицей, высокими ценами и низкой заработной платой.

Жирондисты – группа политиков из высшей буржуазии, которая весной 1792 года пришла к власти и состояла в основном из богатых купцов, приехавших из Бордо, города, расположенного на Жиронде, нашли средство избежать этого давления. Средством, с помощью которого могли направить революционную энергию санкюлов по менее опасному пути, вдали от Парижа, могла быть только война. Международная война, конфликт с внешним врагом, должна была положить конец внутренней войне, конфликту между классовыми врагами во Франции.

Для жирондистов война должна была послужить тому, чтобы заставить революцию замолчать, чтобы она не стала более радикальной, и чтобы из революционного ящика Пандоры не явилось на свет больше демократии, чем это было желательно буржуазии. Они также ожидали, что война даст им возможность свести счеты с теми, кто не на 100 % поддерживал новую, революционную Францию. Их можно было теперь заклеймить как предателей и обращаться с ними соответственно. К тем контрреволюционерам, которые жаждали

возвращения к старому режиму, принадлежал и сам король. Более того, жирондисты – как и многие другие революционеры – считали, что у революционной Франции была универсальная миссия: ей было суждено переделать остальной мир по собственному образу и подобию, если будет необходимо, даже с применением оружия. Ождалось, что население за границей будет приветствовать французские революционные войска как освободителей.

Наконец, жирондисты надеялись, что завоевательная война принесет деньги, необходимые для того, чтобы расплатиться с большими долгами, которые революционному государству достались в наследство от монархии. Ведь кредиторами в основном были как раз того сорта граждане, которые теперь пришли к власти, богатые банкиры и торговцы.

То, что жирондистам удалось повернуть дело к международной войне, во многом было связано с реакцией коронованных европейских правителей на события во Франции. Они вовсе не радовались появлению анти-абсолютистского и антиаристократического прецедента, созданного Францией. Они расценивали это как дурной пример, которому могут последовать их собственные граждане.

Главы христианских церквей, повсюду тесно связанные с абсолютистскими монархиями, поддерживали папское осуждение антиклерикальной Французской революции и его призыв начать европейский крестовый поход против нее. Эмигранты, многочисленные французские аристократы, те, кто бежал в Англию и в другие страны, поощряли идею международного вооруженного вмешательства с целью восстановления старого режима. То же делал тайно и король Людовик XVI собственной персоной. Это стало ясно после того, как провалилась его знаменитая попытка побега из Парижа, и из документов, которые были впоследствии обнаружены у него.

Когда в 1792 году разразилась война, в ряды парижских санкюотов влились бесчисленные добровольцы со всей Франции, чтобы защищать Отечество и революцию. Вопреки всем ожиданиям, им удалось разгромить австрийскую армию, вторгшуюся во Францию. Именно в этом контексте появилась и стала французским национальным гимном воинственная «Марсельеза», которую пел батальон патриотов из Марселя. Но война всё тянулась, пришли

тяжелые поражения, и с ними всё больше и больше тягот для простых людей. Новое вторжение в сочетании с контрреволюционными восстаниями в таких провинциях как Вандея, вызвали панику в Париже, *La grande peur*. Это усилило революционное давление внутри Парижа, что привело к драматическим и кровавым событиям, таким как штурм Королевского дворца, который не случайно рассматривался как воплощение контрреволюции, 10 августа 1792 года, и печально известная резня истинных и мнимых контрреволюционеров в парижских тюрьмах со 2 по 5 сентября того же года.

Революция становилась все более и более радикальной, а вместе с тем, во многих отношениях и более демократичной. В Законодательном собрании, которое пришло на смену Учредительному в сентябре 1791 года, народные представители были вынуждены идти на уступки парижскому сброду, которого они боялись и в котором они одновременно нуждались для борьбы с иностранными и отечественными контрреволюционерами.

Монархия была заменена демократической формой государства, а именно, Республикой, а короля судили за измену Родине и казнили. Само Законодательное собрание должно было уступить место Национальной Конвенции – совещанию избранных представителей, которые избрались теперь не на основе права голоса с применением имущественного ценза, а на основании почти всеобщего права голоса, хотя только для мужчин.

Однако по-прежнему продолжали избираться исключительно «добропорядочные» (то есть, зажиточные) граждане, ибо для парламентской деятельности у «маленького человека» не было ни времени, ни необходимого независимого дохода. Умеренные революционеры из верхушки буржуазии, из числа жирондистов, таким образом смогли остаться у власти еще на некоторое время, хотя они и потеряли престиж и популярность среди парижских плебеев. В отличие от их радикальных конкурентов, мелкобуржуазных якобинцев во главе с такими личностями, как Максимилиан Робеспьер. Якобинцы были противниками войны. На жирондистский аргумент о том, что французские войска за границей будут приветствовать как освободителей, Робеспьер ответил, что «никто не любит вооруженных миссионеров». Якобинцы считали, что нужно сосредоточиться на углублении революции в собственной стране вместо того, чтобы

пытаться ее экспортировать. В отличие от жирондистов, они были готовы сотрудничать с санкюлотами в становящейся все более беспощадной борьбе с контрреволюцией, но также и в том, чтобы принимать новые радикальные революционные меры на благо народа, санкюлов и плебеев.

Благодаря поддержке санкюлов Робеспьер и самые радикальные якобинцы – известные как «монтаньяры», потому что занимали места на самых высоких рядах парламентских трибун – весной 1793 года пришли к власти. Робеспьер и его сподвижники в Комитете Общественного Здоровья, руководящем органе, который был учрежден Конвенцией в апреле 1793 года, приняли ряд радикальных мер, которые представляли собой значительный шаг вперед к демократии во Франции.

В интересах крестьян, например, были полностью упразднены феодальные права. При жирондистах крестьянам еще приходилось платить за это выкуп, что было не по карману большинству из них. С помощью ценового контроля якобинцы пытались сделать хлеб дешевле, что было особенно важно для парижских санкюлов и городских плебеев в целом. Но такие меры противоречили принципы *laisser fall* («пустить на самотек», отдать на откуп рынка), к которым также были привержены и якобинцы, так что их реализация на практике была весьма неудовлетворительной.

Еще более важным было принятие новой Конституции. В «Конституции [республиканского] года I», или «Конституции 1793 года» в отличие от «либеральной» Конституции 1791 года, был сделан акцент гораздо больше на равенство (*égalité*), чем на свободу (*liberté*), даже несмотря на то, что, например, свобода печати и свобода вероисповедания (*liberté de culte*) специально признавалась в ней. Эта новая, более радикальная Конституция предусматривала всеобщее избирательное право для мужчин-французов, и даже некоторые социально-экономические права, такие как право на труд, на (государственное) образование и на общественную помощь нуждающимся. Полученное таким образом государство явно играло активную роль в социально-экономической жизни общества, вопреки либеральным принципам жирондистов и крупной буржуазии, в сущности, и мелкобуржуазных якобинцев, но это было именно то, чего жаждали санкюлы. С другой стороны, Конституция также

установила право на собственность и не отменила закон Ле Шапелье, что явно соответствовало интересам и отражало либеральные принципы, которые якобинцы разделяли с жирондистами. Якобинцы также оставались приверженными древнему патриархату, они не помышляли и не предпринимали ничего для эмансипации женщин, которые, например, по-прежнему не имели права голоса. Именно при правлении Робеспьера известная феминистка Олимп де Гуж была приговорена к смертной казни и гильотинирована, но не ясно, произошло ли это из-за ее феминизма или же из-за ее симпатии к жирондистам. Тем не менее, можно сказать, что дело демократии Французской революции, во время ее радикальной, «народной» и эгалитарной фазы, под покровительством Робеспьера достигло своего апогея в 1793–1794 гг.

Самым большим достижением в этой области, несомненно, была отмена рабства Якобинской конвенцией от 2 февраля 1794 года. Жирондисты выступили против такого шага, ведь многие из них были обязаны своим состоянием работорговле. Высшая буржуазия считала рабов законной формой существования собственности, которую нельзя трогать. При Робеспьере Франция стала первой страной, упразднившей этот институт, который за сотни лет унес миллионы жизней.

В своей умеренной фазе революция превратила французов из подданных в граждан; в своей радикальной фазе она трансформировала рабов в свободных людей. Разве это не означало огромный шаг вперед в деле демократии и освобождение народа? «Историческое событие освобождения для человечества», – вот как Синтия Стоукс Браун описывает в своей книге «Большая история. От Большого Взрыва до сегодняшнего дня» упразднение рабства в Англии, Соединенных Штатах и других странах. Но она делает это, не упоминая Робеспьера и Французскую революцию. Большая часть других историков общепринятой концепции уделяют им мало внимания или вообще не обращают внимания на это великое достижение Французской революции в ее самой радикальной фазе, когда Робеспьер был бесспорным лидером и самой значительной фигурой. Но зато на него сразу же указывают пальцем с написанным жирным шрифтом *J'accuse!* («Я обвиняю!»), когда речь заходит о

политике революционного террора, чьим ужасным инструментом и символом была гильотина.

Вина за это обычно возлагается на якобинскую идеологию и/или на так называемую «врожденную кровожадность, заложенную в этом сброде», благодаря которому якобинцы захватили власть и под чью дудку Робеспьер и его соратники якобы должны были плясать. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Углубляя революцию и тем самым предпринимая дальнейшие шаги Франции навстречу демократии, Робеспьер и его соратники вызвали глубокую ненависть не только контрреволюционеров внутри страны и за рубежом, но и революционеров из рядов высшей буржуазии. Они чувствовали, что с помощью формулы парламентской монархии, закрепленной в Конституции начиная с 1791 года, были достигнуты цели 1789 года и революционный процесс зашел уже достаточно далеко. По мнению высших слоев буржуазии, французы обрели достаточную свободу в 1791 году, и теперь их свободе угрожало государственное вмешательство в хозяйственную жизнь, которого требовала чернь, и которое были готовы ввести якобинцы. Кроме того, высшие слои буржуазии радовались тому, что на них больше не смотрят свысока дворяне, но они не хотели становиться равными с санкюлотами и другими плебеями, которых они презирали и в отношении которых они совсем не ощущали никакой солидарности. Они хотели придерживаться равенства для всех только по закону, формально, но не были готовы сделать ничего, чтобы воплотить в жизнь идеал социального равенства.

Так что понятно, что вовсе не контрреволюционеры свергли Робеспьера в июле 1794 года, – в месяце термидоре по революционному календарю – а те буржуазные элементы, которые хотели возвращения, но не к старому режиму, существовавшему до 1789 года, а к тому, что было раньше, к умеренной революции 1791 года. Хотя в то же время они сами хотели сохранить республику, ибо с королями ни один революционер не хотел иметь ничего общего. «Термидорианская реакция» породила республику, скроенную по выкройкам высшей буржуазии. Право голоса было оставлено для тех граждан, которые владели относительно большой собственностью. И во имя *«laisser faire»* («пусть все идет своим ходом») они упорно отказывались принимать меры ради блага простого человека, хотя

жизнь «плебеев» в больших городах становилась все тяжелее. Поэтому санкюлоты снова взбунтовались, и была угроза возможного повторения якобинского пожара.

В то же время падение Робеспьера и якобинцев вдохновило всякого рода контрреволюционные антиреспубликанские силы, и отныне они сражались открыто и агрессивно, по крайней мере, за конституционную монархию или, предпочтительно, за реставрацию старого режима.

Так что термидорианцам пришлось лавировать между якобинцами и контрреволюционерами. В этих тяжелых обстоятельствах в 1795 году возникла крайне недемократичная система правления, известная как «Директория». Когда и эта формула не устояла перед двойной угрозой, попытки создать видимость того, что революционная демократия существует, прекратились. Через государственный переворот в ноябре – месяце «брюмере» по революционному календарю – 1799 года была установлена военная диктатура во главе с Наполеоном Бонапартом, популярным генералом, от которого по праву ожидали, что он возьмет власть на себя для блага высшей буржуазии. Чтобы создать иллюзию, что начался новый режим в соответствии с республиканскими традициями Древнего Рима, Бонапарт получил титул первого консула в 1804 году, но в 1804 году он сам прекратил этот фарс и, в конце концов, был коронован и стал императором.

С государственным переворотом брюмера французская добная буржуазия перепоручила политическую власть Бонапарту, чтобы не отдать ее в руки роялистов или якобинцев. Официально Наполеон стал единоличным правителем Франции, но на самом деле он был на службе у крупных «деловых людей» и прежде всего банкиров из высшей буржуазии. В области финансов не только он, но и все французское государство было поставлено в зависимость от частных лиц – от учреждения, которое было и остается собственностью самой могущественной элиты страны, даже несмотря на то, что этот факт завуалирован с помощью названия, которое создавало впечатление, что это государственное учреждение – Банк де Франс. Именно эти банкиры и предоставили под высокие проценты те деньги, которые были нужны корсиканцу, чтобы править Францией, чтобы вооружаться и вести войну – и чтобы с большой помпой играть императора. Поэтому он правил с учетом интересов собственников земельных

участков и других капиталов. Свое уважение к частной собственности – краеугольному камню либеральной идеологии – Наполеон продемонстрировал впечатляющими усилиями по продвижению интересов буржуазии: в 1802 году он восстановил рабство, отмененное Робеспьером. Он послал армию в Сен-Доминго, чтобы бороться с мятежными рабами, но эта экспедиция провалилась, так что в 1804 году появилось первое в мире свободное государство бывших рабов – Гаити.

Наполеон также был выбран за его прекрасные антимонархические «верительные грамоты», потому что, когда он был офицером в Париже в 1795 году, он «железной рукой» рассеял группу протестующих роялистов.

Однако в отношении монархистов и других контрреволюционеров в дополнение к «кнуту» репрессий он также использовал «пряник» уступок и примирения. Аристократические эмигранты, которым после наступления термидорианской реакции было позволено вернуться в страну, например, получили свою долю в прибыли собственнического класса, полученной при его правлении. Многие из них смогли вернуться в свои замки в сельской местности, вместе со священниками и местными сановниками, чтобы снова управлять крестьянами. Таким образом, они научились жить при наполеоновской системе. С контрреволюционно настроенной по самой своей природе католической церковью Наполеон достиг договора, заключив конкордат с Папой Римским. Кроме того, хотя католицизм не мог быть объявлен государственной религией, но все же он оставался признанной религией большинства французов. Следовательно, он получил финансовую поддержку имперского государства.

Чтобы преодолеть якобинскую опасность, Наполеон охотно использовал инструмент, к которому уже раньше апеллировали жирондисты: войну. Когда речь заходит о диктатуре Бонапарта, да даже и о Директории, они вызывают у нас, в отличие от 1789–1794 годов, ассоциации не столько с революционными событиями во французской столице, сколько с бесконечной чередой сражений далеко от Парижа и во многих случаях – далеко за пределами Франции.

Это не случайно, потому что войны были очень полезны как инструмент для достижения основной цели буржуазной реакции против радикального эксперимента Робеспьера: закрепления

результатов буржуазной революции 1791 года и предотвращения как возвращения к старому режиму, так и повторения 1793 года.

Робеспьер и «монтаньяры» хотели не только защитить революцию, но и углубить ее. Это означало, что их революция оставалась в пределах Франции и особенно – сердца Франции, ее столицы Парижа. Неслучайно обезглавливания, с которыми так ассоциируется радикальная революция, происходили в середине площади в самом центре города и в самом центре страны. Желая направить их собственную энергию и энергию санкюлотов и всех истинных революционеров на «интернализацию» (углубление революции внутрь), Робеспьер и его якобинские соратники, в отличие от жирондистов, были в принципе против ведения международных войн. Они считали это пустой тратой революционных сил, энергии и опасностью для революции.

Бесконечный ряд войн, которые вела сначала Директория, а потом особенно Бонапарт, были «экспортом» буржуазной революции, достигшей своего апогея в 1791 году, цель которого состояла в том, чтобы предотвратить такую ее радикализацию, какая произошла в 1793 году. То есть, для того, чтобы покончить с революцией в самой Франции, термидорианцы, а затем и Наполеон оторвали революцию от ее парижской колыбели и экспортировали ее в остальную Европу.

Война, как по мановению волшебной палочки, убрала революционные горячие головы, санкюлов, из очага революции в Париже. Они были выряжены в военную форму, и их отправляли в самые дальние уголки Европы, даже в Москву. Многие из них так и не вернулись. Война сделала свое дело и положила, более или менее, конец социальным проблемам, стоявшим перед столицей, которые действовали как катализатор революции. Обязательная военная служба, например, решила проблемы безработицы. Война также оказали положительное влияние на национальную экономику: военные расходы стимулировали спрос на такие продукты, как пушки и униформа и потому создавали рабочие места. За успешной войной следовала оккупация и разграбление чужих земель, что тоже приносило прибыль французам. С помощью этих денег Наполеон смог возместить Банк де Франс его «услуги» (и помочь состоятельным гражданам стать богатыми), содержать армию, реорганизовывать финансы государства и бросать несколько крох простому народу,

особенно в Париже, например, в виде субсидирования низких цен на хлеб и другие продукты питания первой необходимости. Так был утолен и революционный голод. В течение года были решены социальные проблемы Парижа и Франции, так что в некотором роде и до определенной степени решены они были через войну и за счет иностранцев.

Наконец, для буржуазии войны тоже были прекрасным делом, потому что всякого рода «деловые люди», особенно дружки режима, заработали на них кучу денег. *La guerre* оказалась отличным вариантом для *les affairs*. Особенno поставки в армию после падения Робеспьера доверенные исключительно частным компаниям, приносили огромные состояния.

Пока наполеоновские войны были успешными, они давали результат не только в виде высокой нормы прибыли, но также и в виде источников сырья и материалов и доступных рынков для ускоренного развития французской промышленности. Благодаря этому французские промышленники играли все более важную роль среди буржуазии. При Наполеоне типичный промышленный (и финансовый) капитал девятнадцатого века постепенно вытеснял коммерческий капитал прошлых веков^[5]. Последствием такого развития событий было то, что внутри плебса начали преобладать безденежные наемные работники, пролетариат, которые теперь далеко превосходили прежних «независимых» ремесленников по количеству и значению.

Официально эти войны служили для того, чтобы остальная Европа якобы воспользовалась плодами буржуазной революции 1789–1791 гг. С таким благородным делом в помыслах санкюлоты с энтузиазмом пошли на войну.

Однако они обнаружили, что Робеспьер был прав, когда он предсказал, что «вооруженных миссионеров» не будут встречать с распостертыми объятиями.

У оставшихся дома санкюлов весть о великих победах вызывала патриотическую гордость, которая служила в качестве компенсации за потерянный революционный энтузиазм. С небольшой помощью бога войны Марса революционная энергия санкюлов и французского народа таким образом направлялась в другие, менее радикальные каналы. Французский народ постепенно терял свой энтузиазм по отношению к революции и идеалам свободы, равенства и

солидарности между самими французами и между ними и соседними народами. Все больше и больше он обожал Золотого Тельца французского шовинизма, территориальное расширение до так называемых «естественных» границ, таких как Рейн, и международную славу «великой нации» и ее лидера, Наполеона Бонапарта.

Таким образом, можно понять и неоднозначную реакцию народов Европы на войны и завоевания Франции того времени. В то время как некоторые – в том числе старорежимная элита и крестьяне, например, бельгийские крестьянские отряды – отвергали Французскую революцию в целом, другие – прежде всего местные якобинцы, такие, как голландские «патриоты» – почти безоговорочно хвалили ее, а многие колебались между восхищением идеями и достижениями Французской революции и ненавистью к милитаризму, безграничному шовинизму и беспощадному империализму Франции – в том числе и в области языка, между прочим, потому, что французский язык в то время был языком Революции, а другие языки были, так сказать, контрреволюционными. Многие не французы были охвачены одновременно и восхищением, и отвращением. У других первоначальный энтузиазм рано или поздно сменился разочарованием. Многие британцы, например, переключились с позитивных чувств к «умеренной» революции во Франции, создавшей парламентскую монархию, похожую на британскую, на отвращение к так называемым «эксцессам» Робеспьера и его соратников. Спустя полтора столетия Джордж Оруэлл напишет, что «для среднего англичанина французская революция означает не что иное, как пирамиду из отрубленных голов». Это же можно сказать и о почти всех остальных не франузах того времени – и сегодня тоже, даже в самой Франции.

На поле битвы при Ватерлоо подошла к концу так называемая славная военная карьера Наполеона. Победителями стали международные поборники контрреволюции, коронованные особы, среди прочих, Россия, Австрия и Великобритания. Они везде повернули часы вспять, к «добрым старым (для себя) временам» до 1789 года. Но вскоре снова вспыхнули революции, особенно в «безумный» 1848 год. В Центральной и Восточной Европе Австрия, под давлением и при поддержке России, подавила революционные движения с помощью войн. Но революция, разразившаяся тогда в

Париже, увенчалась успехом, и она добилась замечательного прогресса на пути к демократии.

Республика снова сменила монархию, рабство было окончательно отменено и введено всеобщее избирательное право. Крупная буржуазия, которая и на этот раз смогла взять власть в свои руки благодаря поддержке пролетариата, лишь неохотно дала свое благословение на эту новую волну демократизации. Но она решила, что этого достаточно, когда парижский плебс также требовал от государства принятия определенных социальных мер, что противоречило принципу «*laissez faire*». Народные выступления были потоплены в крови, а к власти снова приведен Бонапарт, Луи Наполеон, который в 1850 году стал императором Наполеоном III. Революция была вновь остановлена – и вместе с ней пришел конец и тому прогрессу демократии, который она успела осуществить.

Опасаясь новых революций со стороны пролетариата, буржуазия сама теперь перестала играть революционную роль. Вместо этого она присоединилась к дворянству и духовенству в контрреволюционном лагере. В Германии, Австрии и других странах, где произошли неудавшиеся революции 1848 года, крупная и мелкая буржуазия окончательно перешла на сторону контрреволюции.

Именно в контексте торжества контрреволюции в 1815 году и конца революционных амбиций буржуазии в 1848 году начали писаться работы по истории Французской революции и, конечно же, они были очень критичными. В отличие от своих собратьев из рядов дворянства и духовенства, которые осудили революцию в целом, влиятельные буржуазные историки все же одобряли развитие революционных событий до 1791 года и после 1794 года.

Так возник широко распространенный миф, который предполагает, что Французская революция, несмотря на некоторые кровавые эксцессы, достигла значительного прогресса в период между 1789 и 1791 годами, то есть в период, когда буржуазия пришла к власти – но что она, якобы, «сошла с рельсов» с захватом власти чрезмерно радикальными якобинцами; и что она вернулась в нужное русло благодаря термидорианской реакции и особенно Наполеону, великому защитнику дела буржуазии. Робеспьер и другие радикальные якобинцы были демонизированы, а Наполеона почти обожествляли, и не только в книгах по истории. Во многих городах были воздвигнуты

статуи корсиканца, и в его честь были назвали улицы, площади, кафе и рестораны. Робеспьера, с другой стороны, активно пытались стереть из коллективной памяти. Во всей Франции нет ни одного памятника и почти или совсем никаких названий улиц или школ, напоминающих о нем. Только с величайшими усилиями в 2017 году в его родном доме в г. Аррас^[6] в северофранцузском регионе Артези, наконец, был открыт посвященный ему скромный музей.

Исторические исследования и историческое образование сохраняют в жизни этот миф. Конечно, трудно открыто осуждать Робеспьера и радикальную якобинскую фазу Французской революции из-за их вклада в процесс демократизации, такого, как самая первая отмена рабства. Однако этот чрезвычайно важный вклад систематически и тщательно скрывался. Даже сегодня все еще очень мало французов и еще меньше не французов по заслугам оценивают его. В чем убеждены почти все, кто все-таки знает о существовании Робеспьера, так это в том, что он был «кровожадным чудовищем». Почему? Потому что большинство историков при обсуждении Французской революции традиционно уделяют огромное внимание террору, тому, что во времена нахождения у власти Робеспьера пролилось много крови. Вина за это возлагается на него самого и его якобинских друзей и их идеологию. Давайте рассмотрим «царство террора», взяв на себя роль защитников имени Робеспьера, так сказать, роль «адвоката дьявола».

Прежде всего, терроризм должен рассматриваться в историческом контексте.

Насилие революции было – как и с революциями вообще – прежде всего, реакцией на насилие, которое было присуще всему миру дореволюционного статус-кво, как хорошо подмечено у афроамериканского историка Герберта Аптекера в его замечательной книге «*Природа демократии, свободы и революции*». Дореволюционная ситуация во Франции сложилась через бесконечную череду войн и сражений и другие формы насилия и означала для большинства населения страны прежде всего эксплуатацию, угнетение и удручающую нищету. При старом режиме – и вообще в древней феодальной Европе – более того, на протяжении целых столетий государство использовало террор и насилие в качестве средства достижения политических целей и, в частности, для того, чтобы держать население нижних слоев социальной пирамиды под

контролем. Достигалось это при помощи публичных казней с многочасовыми пытками, сожжением ведьм, гнусными репрессиями против еретиков вроде альбигойцев на юге Франции, включая и организованное убийство в Париже, которое вошло в историю как Варфоломеевская ночь^[7].

По сравнению с этими «дикими» формами террора «дисциплинированный» террор Французской революции можно считать относительно «гуманным». Пытки после Революции были официально отменены, они не применялись, а из-за применения гильотины осужденный «наслаждался» очень быстрой и относительно безболезненной смертью, к тому же обезглавливание считалось «привилегией» знати. Для простого человека до тех пор применялись ужасные и унизительные форм казни, такие, как повешение.

В то же время повешения на фонарных столбах летом 1789 г. и печально известные сентябрьские убийства 1792 г. представляли собой террор таким, каким он был при старом режиме. Они отражали жестокость простого народа как последствие варварских репрессивных мер старого режима. Гракх Бабеф, еще более радикальный революционер, чем Робеспьер, который стал жертвой термидорианских репрессий, отмечал в этой связи, что «своими четвертованиями, пытками, колесованиями, сожжениями заживо и т. д... наши господа пожинают то, что они сами посеяли». Террор Робеспьера и его сторонников был, несомненно, менее жесток и гораздо гуманнее, чем террор старого режима и самой начальной фазы Французской революции. И это было намеренным. Своим кровавым, но дисциплинированным террором они хотели предотвратить еще более кровавый, «дикий террор», который народ применял, например, во время сентябрьских убийств врагов революции в 1792 году. «*Soyons terrible pour dispenser le peuple de l'être*», – говорит Жорж Дантон, один из спутников Робеспьера, – «Давайте будем ужасными, чтобы помешать людям быть такими».

Во-вторых, необходимо учитывать фактор, который американский историк Арно Майер подчеркнул в своей книге «*Ярость. Насилие и террор во французской и русской революциях*», в которой он рассматривает кровопролитие во время французской и русской революций. Революционный террор вспыхивает не от революционной идеологии или из-за кровожадной природы революционеров, но в силу

конкретных исторических обстоятельств. Это, прежде всего, тот случай, когда внутренние и внешние враги оказывают огромное давление на революцию. У осажденных революционеров рождается ощущение, что больше не может быть компромисса, что либо они сами должны погибнуть, а вместе с ними и революция, либо будут уничтожены враги революции и вместе с ними контрреволюция. Другими словами, революция убеждена, что она должна убивать для того, чтобы выжить.

Это определенно можно сказать о том терроре, свидетелем которого стала Франция, в частности, в 1792–1793 годах. Летом 1792 года на войне, которую жирондисты развязали с таким оптимизмом в апреле, дела пошли из рук вон плохо. Австрийские войска вошли в страну, и в то же время вспыхнули роялистские бунты в Вандее. Это вызвало панику среди революционеров в столице. Именно в этом контексте парижские санкюлоты и отряды добровольцев из таких городов как Марсель штурмовали Тюильри, в результате чего были убиты швейцарские телохранители короля, чуть позже произошли сентябрьские убийства. Ситуация заметно улучшилась после победы французов в битве при Вальми 20 сентября 1792 г., за этим последовали и другие военные успехи, такие как «освобождение» Австрийских Нидерландов. Тогда «дикий» террор закончился, а «дисциплинированный» террор на самом деле еще не начался, даже несмотря на то, что происходили отдельные казни, например, бывшего короля Людовика XVI, не без оснований обвиненного в государственной измене.

Весной 1793 года, однако, гидра контрреволюции опять подняла голову. Начались восстания в Вандее, Тулоне и других местах, это сопровождалось беспорядками в Париже, поражениями в войне и другими невзгодами, особенно шокирующим убийством ведущего революционного лидера Жана-Поля Марата. Для его глубоко потрясенных товарищей-революционеров этот поступок стал доказательством того, что революции угрожают не только опасность из-за рубежа, но и внутренний враг. Они должны принять решительные меры против этого. В таких тяжелых обстоятельствах и разразился якобинский террор, хотя надо признать, что такие беспощадные действия помогли спасти революцию. Еще одной радикальной мерой, которую пришлось принять, была мобилизация

всех имеющихся патриотических сил для обороны. Таким образом, течение удалось повернуть вспять в пользу революции с победами в Вандее в декабре 1793 года и в битве при Флерюсе близ Шарлеруа в июне 1794 года.

Революционный террор, организованный Робеспьером и якобинцами, несомненно, был ужасен. Но мы не должны забывать о том, что контрреволюция в равной степени жадно стремилась использовать силу, насилие и террор для достижения своих целей. Этот контрреволюционный террор был, по крайней мере, так же ужасен. «Фурии революции», по словам Майера, «питались главным образом противодействием сил и мыслей, которые были нацелены против нее», – та самая термидорианская реакция, например, производила на свет преимущественно недисциплинированный, дикий террор как это было во времена старого режима. Но, поскольку традиционная историография настроена преимущественно враждебно радикальным революциям, она мало или совсем не обращает внимания на контрреволюционный террор или же преуменьшает его важность. Контрреволюционный террор, кроме того, свирепствовал главным образом в сельской местности и в провинции, а не в городах, и поэтому он меньше «виден» с исторической точки зрения, менее заметен, чем те впечатляющие обезглавливания с помощью гильотины, страшной, но «фотогеничной» «революционной бритвы», установленной на площади в самом центре столицы.

Следует также иметь в виду, что, хотя бы отчасти благодаря террору, не только радикальная революция якобинцев, но и умеренная буржуазная революция была спасена из лап контрреволюции.

Террор был направлен не только против контрреволюции, но также, хотя и в меньшей степени, против «левой» оппозиции в революционных рядах. Наглядной иллюстрацией этого было казнь Жака Эбера, предводителя одной из группировок, более радикальной, чем сторонники Робеспьера. Через террор радикальная, по существу мелкобуржуазная революция, следовательно, освободила умеренную революцию высшей буржуазии и от угрозы еще одной, более радикальной революции.

Также имеет смысл сравнить кровопролитие при Робеспье с насилием после наступления термидорианского режима и, особенно, при Наполеоне. Во время режима террора Робеспьера, связанного с

прогрессивной демократизацией Французской революции, по разным оценкам погибло до 50 000 человек, т. е., скажем, около 0,2 % тогдашнего населения Франции. Это очень мало по сравнению с количеством жертв террора и войн, сопровождавших «экспорт» революции, а вместе с ним и прекращение революционного процесса демократизации. Одна только битва при Ватерлоо, последняя из наполеоновских, привела к гибели илиувечьям от 45 000 до 50 000 человек. В ходе предварительных «стычек» у Линьи и у Катр-Бра было 80–90 тысяч убитых и раненых. Когда Наполеон проиграл битву при Лейпциге в 1813 году, теперь почти забытую, погибло около 140 000 человек. И в ходе своего катастрофического похода в Россию Бонапарт оставил позади себя много сотен тысяч убитых и раненых. Однако никто не говорит о наполеоновском терроре, и в Париже есть бесчисленные памятники, улицы и площади, увековечивающие «героические дела» корсиканца. В качестве замены перманентной революции во Франции и, особенно, в Париже на перманентную войну по всей Европе, как писали Маркс и Энгельс, термидорианцы и их преемники «довели до совершенства» террор и в конечном итоге пролили гораздо больше крови, чем было пролито, когда у власти были Робеспьев и его союзники. Демократия была целью революции, и чем радикальнее становилась революция, тем больше демократии она добивалась. Контрреволюция использовала войну для противодействия демократии, буржуазия использовала войну, чтобы остановить часы революционного времени на удобном для нее моменте. И все эти действующие лица пользовались террором для достижения своих целей: террор может привести к демократизации или же, напротив, ей противодействовать. Все еще широко распространенное представление о том, что Робеспьев был кровожадным чудовищем, а Наполеон – великим героем не согласуется с исторической действительностью, это миф. И это в высшей степени недемократический миф, потому что он демонизирует революцию, которая создала и развивала демократию. Это миф, который прославляет войну, типичный инструмент контрреволюции, великого врага демократизации. Это ложный миф, ибо он вызывает отвращение и страх перед революциями среди широких народных масс – тех самых 99 процентов, которые сегодня больше, чем когда-либо

выигрывают от прогресса в демократизации, которую делает возможной революция, как учит нас история революции Французской.

Этот миф также помогает прославлять военачальников и оправдывать войны – несмотря на их крайне недемократичный характер и побочные эффекты, такие как репрессивный Патриотический акт, который принял американский президент Джордж Буш-младший по случаю кровопролитной и преступной войны, которую он развязал против Ирака. Так же, как и во Франции во времена Наполеона, войны такого рода раздувают бездумные шовинистические настроения у американских «маленьких людей» (которые платят за эти войны!), а самые бедные, как и во Франции при Наполеоне, получают работу и возможность «карьеры» в армии. И точно так же, как в империи Наполеона, войны, которые ведут сегодня США, приносят огромные прибыли американским производителям оружия и всевозможным другим компаниям и банкам, захватывая рынки и сырье, такое, как нефть. Сходство этих войн с войнами Директории и Бонапарта очевидны. Как это говорят французы? – «Plus ça change, plus c'est la même Chose» («Чем больше это меняется, тем больше все остается по-прежнему»).

Такие историки, как француз Франсуа Фюре, немец Эрнст Нольте, британец Саймон Шама также любят противопоставлять жестокую и кровавую Французскую революцию американской революции, которая, в их глазах, была гораздо «цивилизованнее», которую иногда описывают как «революцию без революции», выбравшую путь мирной «эволюции» к современности и демократии, которым, как утверждается, затем последовали и в Великобритании. Однако итальянский историк Доменико Лосурдо подчеркивает, что события в США и Великобритании можно назвать «мирными», только если проигнорировать целый ряд важных исторических фактов. Хваленая британская эволюция к демократии и другим формам современности, например, растянулась на века. Она начала свой путь задолго до Французской революции, но значительных достижений, например, всеобщего избирательного права, там добились значительно позже, чем во Франции, а именно, только после Первой мировой войны – в том числе и после Русской революции, без которой всеобщее избирательное право было бы невозможно, как мы увидим в главе 4. Тот факт, что эта эволюция шла крайне медленно, в основном был

связан с систематическим противодействием этому сверху. Здесь и кроется огромное количество насилия, особенно из-за того, что стало британским эквивалентом французской контрреволюции. Подумайте о гражданских войнах во времена Кромвеля, о массовых убийствах католических «мятежников» на ирландской и шотландской периферии и, наконец, об обезглавливании короля, Карла I на площади в центре Лондона – по старинке, топором.

Американская революция на самом деле не была революцией, она была больше похожа на «восстание»: колониальная «английская» элита оптовиков и владельцев плантаций и, следовательно, рабовладельцев – это американская версия французской крупной буржуазии, поддерживаемая «мелкими» колонистами (американская версия французских санкюотов), взялась за борьбу против британской колониальной власти. Эта псевдореволюция сопровождалась не только регулярной войной против англичан – это своего рода кровопролитие, за которое историки не дают никаких плохих баллов, но и массовыми убийствами и депортациями. Жертвами были не только многочисленные американские поселенцы, известные как «лоялисты», которые поддерживали «британскую корону», но также и коренное население, индейцы. Об этом многие белые историки почти ничего не упоминают.

Кроме того, Американская революция продолжалась с сохранением рабства – одной из самых очевидных форм принуждения и насилия, скажем так, террора в мировой истории! Так что, это была явно далеко «не законченная симфония». Потребовался второй этап, чтобы окончательно законодательно уничтожить рабство в так называемой «стране свободы» – и даже тогда рабство все еще долго оставалось в форме грубой и систематической дискриминации чернокожих американцев. Эта вторая фаза была Гражданской войной в Америке с 1860 по 1865 год. Этот внутренний конфликт стал гигантской резней, унесшей больше жизней американцев, чем Вторая мировая война.

Но фокусникам от историографии, таким, как Фюре, удается практически стереть Гражданскую войну из американской истории и не обращать внимания на судьбу индейцев. Только таким сомнительным путем можно доказывать, будто британская и американская история мирны и восхитительны, в отличие от французской истории.

Французские революционеры боролись за равенство всех французов, и они добились – пусть даже чисто формального результата – равенства всех перед законом. О революции американской и британской такое можно сказать только в том случае, если спрятать значительную часть их истории. Американская революция ничего не сделала для чернокожих в США, потому что там они оставались рабами дольше, чем в какой-либо иной «цивилизованной» стране мира. А для индейцев она была катастрофой, коренное население не получило ни малейших прав в новом государстве, и более того, его ждал настоящий геноцид^[8]. Ведь лозунгом новых независимых американцев стало «хороший индеец – это мертвый индеец».

Чтобы противопоставить американскую историю «кровожадной» Французской революцией, историки вроде Фюре просто закрывают глаза на миллионы жизней индейцев, которых американцы уничтожили в течение 18-го и 19-го веков. Как «оправдание» такого «закрывания глаз» можно также утверждать, что кровопролитие это было гораздо меньше «заметным», чем казни на городской площади, потому что точно так же, как во Франции в ходе термидорианского переворота, реакционные силы действовали в сельской местности, в этом случае, на американском Диком Западе. Заметил ли кто-то в Нью-Йорке, что в декабре 1890 г. несколько тысяч индейцев – в том числе и женщин, детей и старииков – были уничтожены в Вундед Ни, затерянной дыре в далекой Дакоте? Дикий Запад, собственно, был «диким» не потому, что его населяли «дикари», ибо индейцы не были «дикарями», а потому, что «цивилизованные» американцы развязали против коренных жителей этих мест такой «дикий» террор, который был во много раз хуже как революционного, так и контрреволюционного террора во Франции.

Результатом Французской революции стало создание инклюзивного общества однородной «нации», сообщества, в котором бывшие аутсайдеры, такие как протестанты и евреи, пользовались теми же правами, что и католики. В то время как результатом американской революции стала «демократия «народа господ», как ее называет Лосурдо: общество, в котором только часть населения – белые американцы – имели свободу и равенство, в то время как большинство населения – чернокожие и индейцы – были этих прав лишены. Французская революция была первым случаем, когда маргиналы

старого режима были интегрированы в общество, Американская революция «вытолкнула» негров и индейцев. Что-то похожее произошло также и в Великобритании, где произошел переход от абсолютистской монархии к монархии, основанной на демократизации и современности в пользу англичан, но за счет (католических) ирландцев и шотландцев. Их убивали в битвах тысячами – скорее, это были просто массовые убийства – как было в Дрогеде и в Куллодене, или сгоняли с их собственных земель, чтобы они уступили место английским помещикам и их овцам.

Глава 2

Великая война за демократию?

Миф

Первая мировая война разразилась в 1914 году как гром среди ясного неба. Это был непредвиденный, непреднамеренный и трагический несчастный случай на оживленной скоростной дороге новейшей истории. Военные цели западных союзников были идеалистическими: они боролись за свободу и справедливость, и это была война за демократию.

Реальность

Первая мировая война была желанной, тщательно спланированной и подготовленной, она была спровоцирована элитой – дворянством и высшими кругами буржуазии, которые в начале XX века все еще находились у власти в большинстве европейских стран. Эта элита считала, что с помощью войны можно будет успешно остановить процесс демократизации и даже повернуть его вспять и прогнать призрак революции, воплощенный в рабочем движении, которое несло на своих знаменах революционный социализм Карла Маркса. Это была война не в защиту демократии, а против нее.

Мы сможем понять так называемую «Великую войну» 1914–1918 годов только рассматривая ее как порождение мира девятнадцатого века. Многие историки описывают его как «долгий девятнадцатый век». Началом этого «долгого» века можно считать 1789 год, Французскую революцию, Великую революцию, которая, помимо международного резонанса, привела еще и к серии международных войн. Дальнейший ход этого «долгого столетия» ознаменовался и другими революциями, которые также сопровождались войнами,

например в 1848 и 1870–1871 годах. «Долгий девятнадцатый век» закончился в 1914 году с началом невиданной по своим масштабам Первой мировой войны, а она породила новую Великую революцию, которая отозвалась эхом во всем мире, – революцию в России.

С этой точки зрения ясно, что конфликт 1914–1918 годов вовсе не был исторической аномалией, а вполне соответствовал диалектике взаимодействия между революциями, т. е. вспышкой политической и социальной напряженности внутри страны и войнами, конфликтами между двумя и более странами. Чтобы понять Первую мировую войну, необходимо рассматривать ее через призму этой диалектики. Французская революция изначально была чисто французским делом. Как мы видели в предыдущей главе, нет никаких сомнений в том, что ее можно определить как классовый конфликт. Она начиналась как конфликт между традиционным феодальным правящим классом – владевшей землей знатью, которая тогда монополизировала власть во всех европейских странах при поддержке высшего католического духовенства и сословиями, которые совместно описываются как «третье сословие», а именно: буржуазией, состоящей из богатых высших слоев буржуазии, гораздо менее зажиточной мелкой буржуазии, тогда еще очень многочисленного крестьянства в деревнях и в городах – ремесленников, наемных работников, безработных и прочих плебеев.

Поначалу это был вопрос о том, кто должен нести бремя ответственности за огромный государственный долг. Он был вызван главным образом американской войной за независимость 1775–1783 годов, в которой в своем бесконечном стремлении к славе и территориальной экспансии французская монархия воевала против Англии. При старом режиме богатое дворянство и духовенство не платили никаких налогов, а буржуазия и крестьяне считали, что они уже и без того были ими перегружены. В то же время городские плебеи были недовольны все более высокими ценами на хлеб. Дворянство и духовенство не смогли справиться с объединенными силами буржуазии, крестьян и «санкюотов», как называли парижских плебеев, сформировавшими революционные ударные отряды. Однако именно высшие слои буржуазии взяли власть в свои руки, и они не собирались делиться ею с беспокойными и опасными плебеями. Для того, чтобы революция не радикализировалась больше, чем того хотела

буржуазия, режим начал вести войну, якобы, ради того, чтобы позволить соседним странам воспользоваться благами «свободы, равенства и братства», а на самом деле, чтобы снизить революционное давление в своей собственной стране. Эта стратегия была разработана жирондистами – богатыми бордосскими буржуа, продолжена Директорией и достигла пика при Наполеоне Бонапарте. Санкюлоты двинулись на Москву в поисках славы для «ля патри» и ее императора вместо того, чтобы продолжать бороться за демократию в Париже и других местах в самой Франции. Таким образом, Французская революция была лишена возможности добиться своего идеала равенства в форме равенства социального и ограничилась равенством формальным, перед законом. Робеспьер, главный герой революционного радикализма, был противником войн за рубежом и хотел еще больше радикализировать революцию в самой Франции. Именно поэтому он был свергнут в результате печально известного Термидорианского переворота в 1794 году.

В то же время коронованные особы соседних с Францией стран – все они были христианскими монархиями – не желали допустить, чтобы существовавшие, как говорилось, «по воле божьей» монархии были свергнуты и заменены антиклерикальной республикой, тем более, что французский революционный пример нашел и за пределами Франции множество поклонников и потенциальных последователей среди буржуазии. Началась серия войн между Францией, желавшей экспортовать революцию за границу, чтобы подавить революционное движение в своей собственной стране, и монархиями, которые хотели искоренить революционные «сорняки» во Франции, чтобы предотвратить их распространение на их собственный задний двор, которые тянулись до 1815 года. На поле битвы при Ватерлоо «Священный Союз» контрреволюционных королевств и империй, наконец, одолел страну революции. Стрелки часов были повернуты вспять к «старым добрым временам» до 1789 года, когда всем заправляли монархи, дворянство и церковь. Война положила конец начатому Французской революцией процессу демократизации и даже в значительной мере повернула его вспять.

В течение реакционных десятилетий после 1815 года буржуазия вела себя во Франции и в других местах тише воды, ниже травы. Но по мере того, как продолжалась промышленная революция, она

становилась все более и более экономически сильной, и у банкиров и промышленников из кругов высшей буржуазии опять появились политические и социальные амбиции. Они оставались проникнуты идеей революции и с нетерпением ждали возможности свергнуть неофеодальный порядок. Но и рабочий класс в городах становился все более революционным. Индустриальная революция была крайне тяжелым временем для ремесленников и особенно для все более многочисленных неимущих рабочих, пролетариев, которых становится все больше и больше, и которые жили в тесноте в ужасных городских трущобах, работая по многу часов в день за крайне низкую зарплату на фабриках, в мастерских и на шахтах. Они во все большей и большей мере формировали ударные войска революции. Крестьяне же, напротив, оставаясь под влиянием феодалов и церковников, которые по-прежнему заправляли всеми делами в сельской местности, обычно были настроены очень консервативно.

Через революции 1830 и 1848 годов, в которых городские низшие классы в очередной раз принесли необходимые жертвы, в Париже пришел к власти буржуазный режим. В других местах буржуазия тоже проявляла амбиции и революционную энергию. Примером тому может служить Королевство Нидерландов, где в 1830 году буржуазия перехватила восстание пролетариата в быстро индустриализирующихся южных регионах и превратила его в национальную революцию. В результате появилась новая страна, Бельгия, в которой долгое время будет господствовать высшая буржуазия, хотя и в сотрудничестве с дворянством и католической церковью. Этот компромисс нашел свое отражение в форме государства, старомодной монархии с католическим королем во главе, но оснащенной отвечающей веяниям времени и чрезвычайно либеральной конституцией. В Англии буржуазия тоже смогла это сделать – через реформы, а не через революцию, – в 1830-1840-е годы она начала играть большую роль, хотя дворянство в этой стране оставалось в правящих кругах еще долгое время. Однако в Центральной и Восточной Европе буржуазии не везло. Революции, вспыхнувшие в 1848 г. в Берлине, Вене, Варшаве и других городах чтобы установить буржуазную политическую систему, потерпели поражение, несмотря на то, что плебеи снова приняли в них активное участие. Коронованные особы и высшие круги дворянства и церкви

смогли удержать в своих руках монополию на политическую власть в стране. При разгроме революционного движения опять пригодились войны, в которых ведущую роль играла царская Россия. Та самая Россия, где у буржуазии, кстати, никогда не было ни малейшего шанса на то, чтобы перехватить хотя бы даже какую-то частичку власти.

Несмотря на это, благодаря революциям 1848 года демократия продолжала набирать обороты. Во Франции было окончательно отменено рабство и введено всеобщее избирательное право. На бескрайних просторах Империи Габсбургов были отменены феодальные формы принудительного и неоплачиваемого труда на службе у знатных помещиков. События 1848 года также показали, что революции означают прогресс на пути к демократии, в то время как войны связаны с контрреволюционными и антидемократическими целями.

Но практически ничего не изменилось в незавидной судьбе городских рабочих. Например, не было никаких повышений заработной платы или законодательно установленного сокращения рабочего дня. Причина этого заключалась в том, что представители буржуазии, которые выступали как руководители революционных движений, а затем брали в свои руки бразды государственной власти – по крайней мере во Франции и Бельгии, – часто являлись и владельцами банков, фабрик, газет или других компаний и яростно верили в либеральные принципы «*laissez faire*». Поэтому они не были готовы к тому, чтобы пойти даже на символические уступки плебеям, которых они презирали и которым они не доверяли, видя в них угрозу «порядку» и своей собственности.

В 1830 году революционной буржуазии было еще легко отправить восвояси несолено хлебавши своих товарищей по революции из низших слоев, после того, как те оказали им свои услуги. Но в 1848 году впервые дела пошли совсем по-другому. В Париже, Вене, Берлине и других городах, где разгорелась революция, плебеи-революционеры выступили с такими словами, делами и планами, которые пришли вовсе не по душе их буржуазным собратьям-революционерам и даже напугали их до чертков. Некоторые требования пришлось волей-неволей принимать, например, об отмене рабства во Франции, но по мере того, как революция под давлением снизу становилась все более и более радикальной, буржуазия поняла, что с этим пора кончать.

Во Франции новая буржуазная революционная власть послала войска на усмирение наиболее беспокойных и опасных «повстанцев»-плебеев. В конце концов они организовали государственный переворот, который привел к власти еще одного Бонапарта, как черта из табакерки, для того, чтобы защитить интересы буржуазных «благородных господ» от тех, «кто был никем». В Германии и империи Габсбургов первоначально революционная буржуазия была так травмирована радикализмом революционных плебеев, что она встала на сторону тех самых войск, которые имперское правительство использовало для подавления революции.

С 1789 по 1848 год буржуазия и плебеи были революционерами-союзниками в классовой борьбе против дворянства и духовенства. Но страх перед радикальными революционными устремлениями городских рабочих в 1848 году – das tolle Jahr, «безумном году», как его стали потом называть в Германии – заставил европейскую буржуазию отказаться от своего революционного прошлого. Она присоединилась к дворянству и духовенству в консервативном, контрреволюционном и антидемократическом лагере, чтобы создать общий фронт против трудящихся и всех остальных народных масс. Отныне возникло партнерство или «активный симбиоз», как его назвал австрийско-американский экономист и политолог Йозеф Шумпетер, из двух имущих классов, партнерство, общим врагом своим считавшее трудовой народ, причем не только «независимых» ремесленников, но и прежде всего становящихся все более многочисленными наемных работников – пролетариат. Традиционный высший класс, владеющий землей, политически консервативное и часто клерикальное дворянство и верхушка среднего класса, промышленная и финансовая высшая буржуазия, которая была политически либеральной и в философском смысле свободомыслящей, отныне составляли единый высший класс, единую «элиту». Они стали истеблишментом. Несмотря на то, что между ними существовало немалое количество различий, их объединяли общие страхи и презрение к плебеям и, особенно, к пролетариату, к «злым массам», к опасному классу, угрожающему их привилегиям.

После 1848 года европейское дворянство, церковь и буржуазия трепетали от мысли о революции, в которой руководящую роль будет играть пролетариат. Ведь это была бы социальная революция, которая

устроила бы подлинный переворот в установившемся полуфеодальном-полукапиталистическом экономическом и политическом порядке.

Символом такой революции отныне стал красный флаг, за которым в 1848 году следовали парижские плебеи. То, что страх перед таким революционным сценарием не был беспочвенным, подтвердились уже относительно вскоре после 1848 года, когда красные флаги в 1871 году поднялись над баррикадами Парижской Коммуны – «восстания рабовварваров» (по словам Ницше), которое не без труда удалось задушить в ходе кровопролития.

Парижская Коммуна стала плодом войны, а именно, франко-прусской войны 1870–1871 гг. Это сценарий, который потом повторится в 1905 году, когда русско-японская война приведет к революции в Российской империи Романовых – еще раз демонстрируем уже упоминавшуюся ранее диалектику революции и войны. Мы уже видели, как революции ведут к войне, но почему войны рождают революции?

Вооруженные международные конфликты означали славу для аристократических генералов, вроде Гельмута Граффа фон Мольтке и коронованных особ, вроде прусского короля Вильгельма I, который в 1871 году в Версале стал императором всей Германии. И они приносили огромные прибыли промышленникам из высших слоев буржуазии, таким, как Альфред Крупп, поставщик пушек и других видов вооружения. Но для простых людей, которым и без того уже было очень трудно, война приносila смерть и неописуемые страдания. Как Маркс объяснил это в своей теории распределения: войны имеют тенденцию делать страдания пролетариев невыносимыми, в чем последние видят вину «сильных мира сего», что в итоге и доводит их до попытки свергнуть устоявшийся порядок. Это уже другая сторона диалектики революция-война: революция ведет к войне, но и война ведет к революции. В период 1914–1918 гг. разразилась гораздо большая война, чем франко-прусский конфликт 1870–71 гг., и она привела к гораздо большей революции, чем Парижская Коммуна, а именно, к Революция в России.

Для дворянско-буржуазной элиты угроза со стороны класса пролетариев после трагических событий 1848 и 1871 годов вовсе не исчезла. Напротив, она становилась все сильнее и сильнее.

Пролетариат, изначально бесформенная масса без программы, идеологии или способных лидеров, во второй половине 19-го века вырос в дисциплинированное рабочее движение, хорошо организованное в собственные политические партии. И большинство этих партий выступало под знаменами революционного социализма Карла Маркса, что означало, что они стремились к полному свержению существующего порядка. Эти социалисты беспрестанно «мучили» дворянство и буржуазию конкретными требованиями, демократический характер которых едва ли можно было отрицать, например, расширение избирательного права, повышение тогда еще крайне низких заработных плат, улучшение условий труда, запрет на детский труд и так далее. Социалистические партии получили поддержку со стороны профсоюзов, которые не стеснялись использовать грозное оружие стачек. То есть, социалисты стремились одновременно к тому, чтобы революционным путем изменить существующий порядок и боролись за политические и социальные изменения внутри этого порядка, а именно, за изменения в демократическом смысле.

Архиконсервативное дворянство и духовенство уже с 1789 года проявили очевидное отвращение к демократии. После 1848 и 1871 годов и либеральная буржуазия также разлюбила революцию, а вместе с тем и связанный с нею идеал демократии. Это вполне понятно. Для большей демократии, в социальном смысле, например, нужны более высокая заработка плата и более короткий рабочий день, а для этого они, «работодатели» городской и сельской рабочей силы, должны будут оплатить расходы. Ну, а от еще большей демократии в политической сфере, например, от всеобщего избирательного права или даже от ограниченного расширения права голоса они, конечно, не могли ожидать ничего хорошего. Ведь на самом деле элита составляла настолько незначительное меньшинство, что она не имела ни малейшего шанса выиграть выборы, на которые были бы допущены и широкие народные массы. Демократия была не в интересах дворянства и буржуазии.

Эти элитарные близнецы могли оставаться у власти только при авторитарной, недемократической государственной системе правления, такой, как при Наполеоне III или при германском, австрийском или русском императоре или же при зачаточно

демократической системе, например, как в Великобритании и Бельгии, где они использовали всевозможные уловки, чтобы подорвать демократию и обеспечить привилегии знати и безопасность церкви и буржуазии.

Самым известным трюком было цензовое избирательное право, при котором право голосовать остается только для тех граждан, которые выплачивают относительно высокую сумму налоговых платежей. Другими уловками, которые делают плебеев даже в кажущейся внешне демократической системе на практике отодвинутыми на второй план, являются множественные избирательные права, непрямые выборы (как это происходит и сегодня, например, на американских президентских выборах) и сокрытие информации о власти в институтах, которые могут быть монополизированы элитой потому, что их сотрудники не избираются демократическим путем, а назначаются на основании благородного происхождения, университетского образования и (или) связей. Сюда входят сенаты и другие парламентские группы, Верховные суды, дипломатические и другие бюрократические структуры и, что не менее важно, военное руководство. Даже в самой Республиканской Франции генералы еще долгое время были преимущественно выходцами из кругов с аристократическими и/или клерикальными связями, что ясно проиллюстрировало дело Дрейфуса^[9]. В Британии генералы из числа верховного командования без разрешения парламентского комитета, который они презирали (Палаты общин), в 1914 году давали обещания Франции, для выполнения которых Великобритания не могла оставаться нейтральной.

Все эти ухищрения были почти непреодолимым препятствием на пути к победе демократического процесса, сторонниками которого выступали формирующиеся социалистические партии и рабочее движение. Поэтому не должно удивлять, что даже в Западной Европе демократизация еще не очень продвинулась вперед, когда в 1914 году началась война. Даже Британию к тому времени еще нельзя было назвать истинной демократией. Всеобщего права голоса в то время еще не существовало, низшие классы все еще имели мало или вообще никакого влияния в политике, а что касается системы социального обеспечения, то она была ниже того уровня, который можно ожидать

от демократии. То, что Британия якобы боролась за демократию в 1914–1918 годах, – это не более чем басня.

Даже в тех странах, где пришлось ввести всеобщее избирательное право как во Франции после революции 1848 года, элиты нашли способ минимизировать его демократическое воздействие. Оказалось, что на выборах на основе всеобщего избирательного права все же легко победить известной личности с хорошо подвешенным языком, знаменитости вроде преуспевающего генерала или выходца из престижной семьи, кого-то, кто будет представлять элиту, или на кого можно было рассчитывать, что он будет защищать ее интересы.

Прототипическим примером этого были президентские выборы, которые были проведены во Франции после революции 1848 года, на которых одержал победу племянник Наполеона, Луи-Наполеон. Позднее он станет императором Наполеоном III. Эта система стала известна как «бонапартизм», и она достигнет наивысшего триумфа во Франции и в Соединенных Штатах с избранием генералов вроде Шарля де Голля и Дуайта Эйзенхауэра или голливудской кинозвезды вроде Рональда Рейгана.

Дворянско-буржуазный истеблишмент боролся с революцией – и, таким образом, против демократии! – не только беспощадными репрессиями, как в случае парижских коммунаров, но и с помощью уступок. Чтобы предотвратить революцию, консервативные и либеральные лидеры элиты иногда считали полезным проводить демократические реформы в политике и/или социальных вопросах. Например, канцлер Отто фон Бисмарк пытался перехватить инициативу у крупной германской социал-демократической партии путем введения национальной системы социального обеспечения, которая позволяет считать Германию первым европейским «государством всеобщего благосостояния». А в таких странах, как Бельгия и Великобритания, было расширено избирательное право. Это привело к тому, что социалистические и социал-демократические партии смогли добиться успеха на выборах и таким образом расширили свое представительство в парламентах.

Политическая и социальная эмансипация народа началась в 1789 году и продолжалась и во второй половине XIX века, даже несмотря на то, что прогресс оставался очень скромным. Но это было совсем не по вкусу монархам, аристократам и буржуазии, которые ненавидели

демократию. Они боялись, что все эти уступки приведут к еще большим требованиям, и в конечном итоге будут иметь тот же эффект, что и революция: крах дорогого их сердцу существующего порядка. Особенно элита все еще была чрезвычайно обеспокоена вопросом, казалось бы, неизбежного введения всеобщего избирательного права, в то время как простой народ, вместе с Марксом, возлагал на это большие надежды. Из-за упорной оппозиции свыше в отношении всеобщего избирательного права к 1914 году его не было еще почти нигде, в том числе и в Великобритании и Бельгии.

Но страх оставался, и элита искала способ предотвратить приход к власти «глупых и жестоких масс», как через революцию, так и через эволюцию в форме постепенных демократических перемен. Как можно было разогнать призрак революции и остановить тенденцию к демократии, а желательно и повернуть прогресс вспять? Ответ, который давали на этот вопрос многие философы, ученые и другие интеллектуалы, такие как Фридрих Ницше, Якоб Буркхардт, Гюстав Ле Бон и Вильфредо Парето: война!

С этим были совершенно согласны бесчисленное множество политиков и военных из числа дворянства и высшей буржуазии. Например, в Великобритании было много воинственных лордов. Одним из них был тогда еще молодой Уинстон Черчилль, другой был лордом Фредериком Робертсом, прославившимся как генерал в колониальный период, в конфликтах в Индии и Южной Африке. Робертс считал, что война – это единственное настояще эффективное противоядие от «всей этой человеческой гнили в наших крупных промышленных городах». Еще одна известная консервативная личность – Бэзил Томсон, начальник Скотленд-Ярда, говорил, что Англия «находится на пути к революции, если только в Европе не начнется война».

А один офицер британской армии написал в письме, что «нужна хорошая, большая война для того, чтобы покончить со всей этой социалистической ерундой и положить конец беспорядкам среди работяг». Такие же голоса раздавались и в Германии. Среди аристократических старших офицеров в армейском руководстве преобладало мнение, что война поможет остановить социал-демократическую волну, которая представляет собой угрозу для статуса Германии как сверхдержавы и для их собственной власти.

Адмирал Альфред фон Тирпиц объявил, что только война может служить средством против всех форм «марксизма и политического радикализма» народных масс. Подобные мнения нашли живой отклик в средствах массовой информации и, особенно, в многочисленных националистических газетах, например, в британской «Дэйли мейл». Это желание развязать войну было очень модно в то время даже в Соединенных Штатах, где Теодор Рузвельт, президент США с 1901 по 1909 год, пользовался дурной славой из-за его жажды войны. Он тоже считал, что вооруженный конфликт за рубежом – это лекарство против домашних «болезней», особенно массовых волнений и мятежей. Однажды он сказал своему другу, что он «надеялся на войну, на любую войну, потому что страна срочно нуждается в войне».

Огромное достоинство войны для дворянства и буржуазии заключалось в том, что в военное время правила якобы неэффективной парламентской системы считаются бесполезными, и от них нужно отказаться в пользу авторитарных отношений и дисциплины, характерной для военных организаций. Разве не очевидно, что в военное время участие в политике дилетантов из числа плебеев и бесконечные дискуссии – иными словами, демократия! – невозможны? На войне как на войне: во время войны элита должна отдавать четкие приказы, которым рядовые должны были подчиняться безоговорочно.

Таким образом, война предоставила элите возможность остановить демократический процесс и с честью восстановить так называемый «естественный» (или «данный Богом») порядок вещей, как в частном секторе, так и в публичной сфере. Война должна была также дать элите – и особенно знати, издавна «боевому классу», который по-прежнему оставался чрезмерно представлен среди высших военных кругов, возможность показать свой талант в политическом и военном руководстве. А также война была призвана заставить замолчать плебеев и дисциплинировать их, чтобы они снова уважали своих «начальников» – она должна была превратить непочтительные, неугомонные, слишком часто непослушные и мятежные толпы в дисциплинированный и послушный отряд подданных.

Итак, через войну элита хотела восстановить контроль над народными массами, которые социализм увлек на «скользкую дорожку». Но, кроме того, война также являлась решением проблемы того, что «опасных плебеев развелось слишком много». Согласно

влиятельному тогда мальтизианству, удручающая нищета была так широко распространена из-за перенаселения. Другими словами, проблему бедности можно было бы решить путем сокращения количества людей. Об этом позаботились, конечно, болезни, такие, как туберкулез, который значительно сократил ряды пролетариев, и эмиграция, принудительная в случае необходимости, как, например, депортация ирландских пролетариев в далекую Австралию. Но и война тоже могла внести свою лепту в считавшееся необходимым предполагаемое сокращение избытков демографического процесса, ибо в вооруженных конфликтах, как правило, в качестве пушечного мяса использовались низшие классы. В мальтизианском и социал-дарвинистском учении^[10] плебеи рассматривались как своего рода дичь, количество которой, как и на охоте, должно было регулярно прореживаться, чтобы улучшить ее качество. С этой точки зрения мы можем понять, как во время Великой войны сотни тысяч солдат, главным образом, рабочих и крестьян, были брошены на верную смерть своими собственными генералами, в основном лордами благородного или высшего буржуазного происхождения

Была еще одна причина, по которой дворянству и буржуазии могла пригодиться война. Одна из характерных черт революционного социализма, которая делала его таким страшным в глазах элиты, был его интернационализм, идея о том, что пролетарии всех стран должны объединяться в борьбе против своих классовых врагов. Кроме возможности одной революции, была еще и возможность революционного цунами, которое смело бы границы отдельных стран революционным потопом, и сама мысль об этом была невыносима для элиты. Она отреагировала на это, воспользовавшись картой крайнего национализма, – тогда известного в Англии как «джингоизм», а во Франции как «шовинизм» – чтобы настроить пролетариат разных стран друг против друга по принципу «разделяй и властвуй». Эта стратегия была очень успешной. По причинам, которые мы объясним позже, большинство европейских социалистов и социал-демократов попались на удочку национализма, и в 1914 году начали борьбу друг с другом. Дворянство и высшая буржуазия с удовлетворением будут наблюдать, как пролетарии всех стран станут убивать друг друга в течение четырех лет.

Так что война была как нельзя лучше приспособлена для контрреволюции и антидемократической позиции европейской элиты. Во всех странах разжигался милитаризм, и была введена долгосрочная военная служба, создавались гигантские и вооруженные до зубов армии, которые можно было сразу бросить в бой. Армию повсюду нахваливали как школу обучения для нации, что означало, что рекруты должны повиноваться своим командирам и другим правителям, воспитывались в уважении к существующей системе и ненависти ко всему, что могло считаться подрывным, прежде всего, к социализму. Армия также повсюду пользовалась доверием и считалась верхом человеческой организации, так что в то время возникли и молодежные ассоциации, такие как скауты, и благотворительные учреждения, такие как Армия Спасения, которые вдохновлялись военной моделью.

То, что война также принесла несчастье, не отрицалось, но с помощью церквей, связанных с правящими кругами повсюду, народу хорошо заговаривали зубы. Во Франции, например, католические церковные авторитеты разносили весть, особенно через долористическое поклонение кровоточащему Святому Сердцу Иисуса, о том, что война – это суровое испытание, которое должно будет искупить те «грехи», которые были у Франции, в случае с заменой католической монархии на антиклерикальную Республику и с восстанием безбожных парижских коммунаров.

Но даже те, кто был менее богобоязненным, смотрели на неизбежно сопровождающие войну страдания stoически-оптимистично. У известного английского писателя, сэра Артура Конан Дойла его герой Шерлок Холмс накануне Первой мировой войны объясняет своему помощнику Ватсону следующее: «*Надвигается восточный ветер, такой, какого в Англии никогда не видели. Это будет холодный и резкий ветер, Ватсон, и многие из нас погибнут от него. Но это ветер, посланный самим богом, и как только буря закончится, более чистая, лучшая и сильная страна сможет согреться в лучах солнца*»[\[11\]](#).

В последние десятилетия девятнадцатого века в Европе больше не было собственных войн. Вооруженные конфликты были отголоском колониальных войн, и они были почти все без исключения краткими и победоносными, с небольшим числом жертв на европейской стороне. Современное оружие, такое как пулеметы, существовало уже

некоторое время, но как смертоносна будет война в эпоху пулеметов, не догадывались даже военные специалисты. Таким образом, до 1914 года Европа питала большие иллюзии относительно войны.

Последняя четверть девятнадцатого века была не только тем периодом, в который эффективно выступили социалистические партии, но также временем, в которое резко возросла заморская экспансия европейских держав. В следующей главе мы поговорим более подробно об этой заморской экспансии, но эти два события были близко связаны, и на это нам нужно взглянуть здесь.

Девятнадцатый век был веком промышленной революции. Во всех страны, в которых произошла эта революция, экономика становилась все более и более продуктивной. Но в результате этого предложение стало превышать спрос. В 1873 году это впервые привело к экономическому кризису перепроизводства^[12]. В Западной и Центральной Европе и в США бесчисленные мелкие производители исчезли со сцены в результате экономической депрессии. Относительно небольшая группа гигантских фирм, в основном это были акционерные общества с ограниченной ответственностью, группы компаний, (картели) и, конечно же, банки теперь доминировали в экономике. С одной стороны, эти крупные компании находились в конкурентной борьбе друг с другом, но они также заключали соглашения и сотрудничали, чтобы разделить источники сырья и рынки сбыта, определять цены – другими словами, чтобы как можно более сгладить недостатки конкуренции свободного (теоретически) рынка и отстаивать свои интересы против иностранных конкурентов и против своих собственных рабочих и служащих. В этой системе крупные банки играли важную роль. Они выделяли кредиты на крупные проекты, которых требовало промышленное производство, и инвестировали свои полученные через гигантские прибыли «излишки» капитала в любой точке мира. Таким образом крупные банки становились партнерами, акционерами и даже владельцами крупного бизнеса. Концентрация, гигантизм, олигополии и даже монополии – это был новый этап в развитии самого капитализма. Ученые-марксисты говорят в этом контексте о монополистическом капитализме.

Финансово-промышленная придерживалась классического буржуазия либерального первоначально невмешательства

государства в экономическую жизнь в духе Адама Смита, для которого государство играло лишь минимальную роль в экономической жизни, а именно, роль «ночного сторожа». Но теперь роль государства становилась все более важной, например, в качестве заказчика серийно выпускаемой промышленной продукции, например, как пушки и другое современное оружие, поставляемой гигантскими компаниями, такими как «Крупп», финансировавшимися крупными банками. Финансово-промышленная элита в то время состояла почти исключительно из «национальных» банков и компаний, потому что так называемые «транснациональные корпорации» возникнут намного позже. Вот почему элита рассчитывала на вмешательство государства – для защиты крупных компаний от иностранной конкуренции с помощью высоких таможенных пошлин на импорт готовой продукции, даже если это противоречило традиционной либеральной доктрине о свободном рынке и свободной торговле. Так возникали национальные экономические системы, которые все интенсивнее соревновались друг с другом. Государственное вмешательство – известное среди экономистов как «дирижизм», или «этатизм» – с этого момента также начало быть популярным, потому что только сильное государство помогало промышленникам получать под свой контроль территории за рубежом. Они должны были служить рынками сбыта готовой продукции и инвестиционного капитала, а также как источники редкого сырья и дешевой рабочей силы.

В их собственных странах такого обычно не было в достаточном количестве и/или по достаточно дешевым ценам. Обладание такими областями увеличивало прибыльность компаний и помогало промышленнику (или банкиру) получать преимущество перед иностранными конкурентами.

Но даже знать видела что-то для себя в территориальных приобретениях. Банкиры и промышленники везде пользовались гораздо большей экономической властью, но политическая власть была и оставалась в большинстве стран в квазимонополии аристократов, особенно в крупных империях, таких, как Россия, Германия и Австро-Венгрия. Для аристократии, которая находилась там у власти, престиж своей страны так же, как и в Средние века, все еще ассоциировался с максимально большой территорией, поэтому территориальное расширение для них было важным. Предприимчивых

выходцев из знатных семей манила престижная офицерская карьера в завоевательных армиях или должность высокопоставленных чиновников в колониальной администрации в завоеванных землях. Дворянство традиционно было классом крупных землевладельцев, и в этом отношении тоже территориальные завоевания были для него интересны. Старший сын традиционно наследовал вместе с титулом все семейное достояние. Новые завоевания за океаном или, как в случае с Германией и Дунайской монархией – в Восточной Европе, позволяли и младшим сыновьям аристократов обзавестись собственными землями и властвовать над местными жителями, для которых была уготована роль занятых трудом послушных крестьян и покорных слуг. Дворянство во второй половине девятнадцатого века все больше и больше инвестировало в капиталистическую деятельность, например в добычу полезных ископаемых, а потому его манили заморские территории, богатые полезными ископаемыми, такими, как медь, золото и алмазы [13].

Проекты территориальных приобретений в виде колоний или протекторатов, осуществляемые под эгидой сильного, активного и даже агрессивного государства, таким образом, приносили большую выгоду как аристократической, так и буржуазной фракциям элиты. Вот так оно и вышло, что во второй половине 19-го века почти везде в мире началась крупнейшая территориальная экспансия европейских стран и двух неевропейских промышленных держав, Соединенных Штатов и Японии. Но завоевание районов, где можно было найти полезные ископаемые и рабочую силу, представляющие собой большой потенциал для инвестиций, редко возможно было осуществить «по соседству». Исключением из этого правила были Соединенные Штаты, которые расширялись за счет обширных охотничьих угодий индейцев до берегов Тихого океана и к тому же силой оружия отняли значительную часть территории соседней Мексики.

Под впечатлением от американского захвата Дикого Запада в Германии начали фантазировать о великих завоеваниях на европейском Востоке. В силу этого в 1914 году территориальные аннексии на Востоке входили в германский список целей войны. Однако территориальные завоевания были легче и значительно масштабнее в отдаленных районах, особенно в Африке, которая стала целью печально известной «схватки за Африку». Этот континент богат

большими запасами такого важного сырья как медь и каучук, но также и различными сельскохозяйственными культурами, такими как кофе и бананы. Кроме того, там были массы рабочей силы, которую можно было вынудить работать за гроши на плантациях и в шахтах для прибыли белых хозяев. И в Африке фактически не было крупных государств, которые могли бы устоять перед завоевателями.

Англия и Франция завоевали множество территорий не только в Африке, но и в Азии. США расширили свои завоевания не только на континенте, но и за счет владений колониальной Испании, таких, как Филиппины. Япония через войну против большого, но слабого Китая захватила Корею. У Германии дела шли хуже, потому что она оставалась сосредоточенной на создании собственного национального государства и его консолидации внутри самой Европы. Она должна была довольствоваться относительно малыми и относительно неинтересными колониальными владениями. В любом случае, в тот период промышленные державы, живущие по законам капитализма, превратились в «материнские земли», или «метрополии» огромных империй. Эту новую форму, в которой капитализм, первоначально чисто европейский феномен, напыщенно зашагал всему земному шару, британский экономист Джон А. Хобсон в 1902 году назвал новым термином – «имperialism».

Империалистическая заморская экспансия служила в первую очередь для национальной экономики, чтобы покупать сырье и находить рынки и дешевую рабочую силу. Но эта экспансия также оказалась и чрезвычайно полезным инструментом для антисоциалистической, контрреволюционной и антидемократической стратегии, разработанной элитой в то время.

Путем мобилизации для своих колониальных проектов в Африке и в других странах мира они отвлекали низшие классы от социализма. Почему? В колониях плебеям разрешалось быть солдатами и даже сержантами, надсмотрщиками и служащими на плантациях и в шахтах, а также чиновниками колониальной администрации и, конечно же, миссионерами.

Имperialизм, следовательно, был полезен – за что его так громко нахваливали его сторонники, например британец Сесил Родс – и для того, чтобы выманить из метрополий часть потенциально опасных представителей низших классов, дать им работу и сделать так, чтобы

они могли командовать, чувствуя свое «превосходство» над «черномазыми» и другими цветными, якобы, «недоразвитыми» туземцами.

Этот «социал-империализм» – империализм как предохранительный клапан для решения общественных проблем – также помогал интегрироваться в существующую систему той части пролетариата, которая продолжала находиться в метрополии. С помощью сверхприбыли, получаемой за счет систематической и беспощадной сверхэксплуатации колоний, элита могла теперь идти на частичные уступки трудящимся своих стран, которые становились все более организованными, более воинственными и более требовательными, выплачивая им чуть более высокую заработную плату, улучшая условия труда и успокаивая их при помощи скромной социальной защиты. Это привело к созданию так называемой «рабочей аристократии» в империалистических странах Западной Европы. Жизнь пролетариев в метрополиях, таким образом, улучшалась за счет покоренных и эксплуатируемых колониальных народов. Примерно также, путем эксплуатации и угнетения афроамериканцев и индейцев, Соединенные Штаты Америки обеспечивали процветание и свободу белого населения.

В самих метрополиях у большинства социалистов и социал-демократов появились теплые чувства к «Отечеству», которое теперь с ними лучше обращалось. Они становились более националистическими и менее интернационалистическими, они интернационализировали даже расизм – важнейший элемент империализма, который помогал улучшить их жизненные условия. Социалисты не проявляли ни малейшей солидарности в отношении «цветных» людей в колониях, даже напротив. Социалистические лидеры, такие как Эдуард Бернштейн в Германии и Эмиль Вандервельде в Бельгии были страстными сторонниками колониализма, сторонниками «социал-империализма». Немногие лидеры и члены Социалистической партии по-прежнему верили в необходимость и неизбежность революции. Большинство из них молча перешли от революционного к реформистскому социализму. Вот почему в 1914 году социалисты не воспользовались возможностью войны для совершения революции, не вынесли на повестку дня

интернациональную солидарность и, когда дело дошло до боевых действий, начали защищать свое «драгоценное Отечество».

Таким образом, благодаря в основном стратегии «социал-империализма» революционная опасность социализма на рубеже веков миновала. Но понимали ли это дворяне и буржуазия? Видимо, нет. Официальной целью европейских социалистических партий и Социалистического интернационала оставалась революция. И хотя большинство социалистических лидеров незаметно перешли к реформистскому социализму, шумное меньшинство оставалось верным революционной ортодоксальности Маркса. Кроме того, начальные годы 20-го века, так называемая «прекрасная эпоха», были временем больших общественных потрясений, с демонстрациями, волнениями и забастовками.

«Волны пролетарской агитации» захлестнули промышленно развитые страны. В Великобритании период с 1910 г. до 1914 года назывался и описывался как «великие волнения», «как годы, беременные революционной угрозой». В России же, например, ситуация была еще хуже. Как выразился один аристократ, «нам вот-вот предстоит испытать то, чего никто не видел со времен набегов варваров». Особенno пугали элиту многочисленные крупные стачки, которыми руководили все более крупные, более воинственные и более требовательные профсоюзы. Элита видела в них предвестников неминуемой великой революции.

Почти так же травматичны для дворянства и буржуазии были крупные победы на выборах социалистических партий в Германии, Франции, Бельгии и даже в США. Эти победы показывали, что социалистические партии пользуются большой поддержкой и мелкой буржуазии. В парламентах социалисты становились все более и более многочисленными, и им удавалось добиваться все новых и новых уступок в виде демократических реформ в политической и общественной сферах. И чем же все это закончится? Самым большим страхом правящих кругов была возможность того, что рано или поздно социалисты завоюют в парламентах большинство, а затем с таким же успехом смогут реализовать свои планы по общественной «великой трансформации», как они сделали бы это путем революции.

В многонациональных странах, помимо призрака социальной революции, бродили и призраки революции национальной, другими

словами, восстания этнического или языкового меньшинства. В Великобритании например, ирландский вопрос вот-вот должен был вылиться в гражданскую войну. В Австро-Венгрии были очень неспокойны славянские меньшинства. А в Бельгии большое беспокойство вызывал «фламандский вопрос». Проблемные меньшинства в собственных странах были опасны, но еще большую угрозу представляли собой миллионы так называемых «цветных», считавшихся неполноценными людьми в колониях вроде Индии и в полуколониях вроде Китая. В этой стране, где европейцам ранее уже пришлось подавить антизападное восстание – так называемое «Боксерское восстание», в 1911 году победила революция, в результате которой, как и в «отвратительной» Французской революции 1789 года, монархии пришлось уступить место республике. Ее лидер, националистический политик Сун Ятсен, проявлял гораздо меньше покорности в отношении Запада, чем прежний имперский режим. В Европе вновь возникла фобия – страх перед «желтой опасностью».

И последнее, но не менее важное: существовавший порядок, который был патриархальным и подавляющим женщин, также подвергался давлению в борьбе за эмансипацию тех, кто тогда еще общепринято именовался «слабым полом». В Британии так называемые суфражистки боролись за избирательные права для женщин, за сексуальную революцию и во многих случаях одновременно за пацифизм и социализм. Элита была не в восторге от них, и один из ее видных членов, писатель Редьярд Киплинг выразил опасение, что Альбион будет «лишен мужественности» и тем самым станет бессильной в военном отношении нацией, обретенной вылететь из рядов великих держав.

И здесь война, по преимуществу мужское занятие, казалось, могла предложить решение проблемы.

На самом деле, дела у элиты все еще обстояли замечательно, просто-таки превосходно. Для истеблишмента это время действительно было прекрасной эпохой, золотым веком. Хотя им приходилось пойти на демократические уступки, буржуазия и (особенно) дворянство все ещеочно сидели в седле власти. Еще почти нигде не было настоящей демократии в смысле политического участия и социального обеспечения для плебеев.

В то же время элита чувствовала себя осажденной со всех сторон и жила в полном страхе перед революционной опасностью. Но насколько велика была эта опасность в реальности? Разразится революция завтра, или, может быть, ее не будет вообще никогда?

Ситуация была неясной и неопределенной, напряжение – невыносимым. Уступки не были решением проблемы, уступок и без того уже было сделано слишком много. Нужно было твердое средство, радикальное и окончательное решение всех проблем. И этим решением была война, Великая альтернатива революции, как показал ход истории со времен Французской революции, и о чем во весь голос вещали многие интеллектуалы.

По всей Европе элита чувствовала, что идет соревнование между войной и революцией. Исход этой гонки должен будет очень скоро решиться. Когда именно, никто не знал, да и чем все это кончится, тоже. Но можно было с уверенностью сказать, что революция означала конец власти, богатства и привилегий дворянства и буржуазии – крах их мира, «конец цивилизации».

Война, с другой стороны, была бы концом революции, таким образом, сохранился бы установленный порядок. Так что элита надеялась на успех войны и боролась за то, чтобы она скоро началась. Потому что пока она не начнется, опасность внезапной революции сохранялась. А сколько еще можно позволить себе ждать освобождающую войну?

Поэтому европейские правители с нетерпением ждали возможности ее начать. В Германии армейское руководство уже некоторое время вынашивало идею ведения «упреждающей войны» против Франции и России. Этот план возник, когда Россия ослабла в результате конфликта с Японией и революции 1905 года, но, в конце концов, от него отказались. Было осознание того, что для такой войны необходим предлог. В 1911 году произошел дипломатический конфликт, так называемый Второй Марокканский кризис, также известный как Агадирский кризис, давший маньякам войны в Берлине и Париже прекрасную возможность выхватить меч из ножен. Но политические лидеры, включая императора Вильгельма II, в последнюю минуту струсили. Как мы могли упустить такую замечательную возможность, сокрушались немецкие лидеры через год, когда состоялась крупная победа социал-демократов на выборах в Рейхстаг, которая, по всей

видимости, привела страну на край революционной пропасти. Следующую возможность, какой бы тривиальной она ни была, нельзя упускать, решили в Берлине. В других столицах думали в том же духе.

В конце концов, необходимым предлогом для войны послужил относительно незначительный инцидент – убийство наследника австро-венгерского престола в Сараеве 28 июня 1914 года. Теракт в Сараеве, конечно, не был причиной войны, которая «вспыхнула» тогда, или, вернее сказать, была развязана. Такие нападения уже случались раньше, например, в 1881, 1894, 1898 и 1901 годах, когда были убиты, соответственно, русский царь, французский президент, австро-венгерский император и американский президент. Никто не начинал войну из-за этих убийств.

Нападение в Сараеве ничем особым от них не отличалось. Это было, правда, кровавое и сенсационное событие, но в Европе к подобным покушениям привыкли давным-давно. Тем не менее, на этот раз нападение давало идеальный повод развязать войну – повод, которого европейские элиты давно ждали.

Великая война не разразилась неожиданно. Правительства дворянства и высшей буржуазии, которые тогда оставались у власти в Европе, вовсе не были похожи на лунатиков, застигнутых войной, как намекало название книги австралийского историка Кристофера Кларка, *«Лунатики: как Европа вступила в войну в 1914 году»*. Они шли на войну с ясной головой и с открытыми глазами, хорошо подготовленные и уверенные в себе, и, прежде всего, испытывали облегчение от того, что война «предотвратила революцию».

Дворянство, духовенство и буржуазия приветствовали начало войны летом 1914 года с большим энтузиазмом. Фотографии, отражающие этот энтузиазм, были в основном сделаны в лучших кварталах больших городов, например, вдоль бульвара Унтер ден Линден в Берлине. Ликующие люди, которые запечатлены на этих фотографиях, – дамы в больших шляпах и аккуратно одетые джентльмены – очевидно, принадлежали к высшей и в меньшей степени к мелкой буржуазии. Но большинство людей, особенно рабочие, пришли в ужас, когда услышали новости о войне. Большинство рабочих и крестьян не были воинственными по своей природе, как и значительная часть мелкой буржуазии. Они не разделяли иллюзий элиты о войне и слишком хорошо понимали, что

именно им придется нести на своих плечах ее последствия. Крестьяне из Франции и России не проявляли ни малейшего энтузиазма, в лучшем случае подавленность. Для них было ужасным стать мобилизованными и оставить женщин и старииков одних как раз тогда, когда надо было собирать урожай. Преобладали меланхолия и недовольство также и в рабочих кварталах больших городов. Но в деревнях и в рабочих кварталах никто не делал фотографий, которые правительства потом предъявляли миру. В то же время простой человек не отказывался идти на войну. Он уходил послушно, покорно, убеждая себя в том, что его «начальники» были правы, когда уверяли его, что война скоро закончится, а потом все будет лучше.

Элита была полна энтузиазма, потому что считала, что война будет триумфальным крестовым походом против революции и против демократии, скачком назад, в «старые добрые» времена. Таков был их план. Но, как и все планы, сделанные в ходе подготовки к войне, например, знаменитый план Шлиффена^[14], он в конце концов потерпит неудачу, несмотря на первоначальные успехи. В воюющих странах социалистические партии отказались от своих революционных и интернационалистских идеалов, парламенты были распущены или отодвинуты на второй план, и были установлены более или менее диктаторские и даже тоталитарные режимы, забастовки были запрещены, рабочее время продлено, а также начали преследовать пацифистов и других «подрывных элементов».

Но Великая война привела к небывалому числу погибших и постоянно обостряющейся нищете. Вот так и свершилась, наконец, великая и успешная революция 1917 года в России. Чтобы избежать подобной революции, элита многих других стран в конце войны была вынуждена провести демократические реформы в политической и социальной сфере, например, всеобщее избирательное право и восьмичасовой рабочий день.

То, что война сможет предотвратить революцию и демократию, было, используя название классического фильма 1937 года о Первой мировой войне, «Великой иллюзией».

Глава 3

Великая империалистическая война

Миф

В том, что в 1914 году разразилась Первая мировая война, общие экономические соображения и капиталистические интересы в частности не играли никакой значимой роли. Промышленники и банкиры не были поджигателями войны, потому что от нее они почти ничего не выигрывали и многое теряли. Так что Первая мировая война не была продуктом империализма – всемирной формы выражения капитализма с конца девятнадцатого века.

Реальность

Чрезвычайно важную роль в развязывании этой войны сыграли экономические факторы. Логика капиталистической системы в ее империалистической стадии развития по своей сути ведет к войне. Большинство промышленников и банков многоного ожидали от империалистической войны, в первую очередь, завоевания территорий, богатых источников сырья (например, каучука и нефти), которые были крайне важны для национальной экономики их страны. Потому не случайно именно крупные компании и банки в 1914–1918 годах получили небывалые прибыли, а также другие выгоды от Великой войны, как и то, что в конечном итоге причиной конфликта стали экономические факторы.

В предыдущей главе мы видели, как европейская аристократическая и буржуазная элита желала и планировала войну, чтобы избежать революции и бороться с демократией, то есть, для того, чтобы сохранить свою политическую власть и социальный статус. В то же время в контексте беспощадной конкуренции между

империалистическими державами она видела войну как средство продвижения своих экономических интересов и возможность существенно увеличить свое богатство.

Рост производительности, характерный для капитализма после совершения промышленной революции, также требовал больше свободы действий, больше пространства. Национальные экономические системы нуждались в рынках сбыта, источниках сырья и дешевой рабочей силе. Вот почему индустриальные державы стремились к прямому или косвенному контролю над областями, где это можно было заполучить. Они приобретали колонии и протектораты или лишали владения отдельными областями слабые страны, такие как Китай, которые таким образом были низведены до положения полуколоний. В метрополии выгоды от империалистической экспансии получала особенно верхушка буржуазных предпринимателей и банкиров, но и землевладельческое дворянство извлекало выгоду из расширения территории. И, как мы уже видели, с империалистического стола также сыпались крошки, которые попадали к части рабочего класса, рабочей аристократии. Поэтому они отрекались от революционного социализма в пользу социализма реформистского и от интернационализма в пользу национализма и даже расизма.

Это всемирное соперничество в борьбе за колонии порождало все больше и больше напряженности и конфликтов между конкурирующими державами, стремящимися заполучить контроль над как можно большим числом экономически интересных территорий. Таким образом, «развитие капитализма необратимо толкало весь мир к соперничеству между государствами... конфликтам и войне», – пишет британский историк Эрик Хобсбаум. Нельзя сказать, что традиционные факторы в конце девятнадцатого века больше не играли никакой роли в развитии отношений между великими державами. Но империалистическая конкуренция быстро становилась все более важной и стала главным фактором на рубеже веков, который определил, какие страны будут воевать против каких стран в 1914 году.

Например, Великобритания и Франция, враждебно настроенные по отношению друг к другу со времен средневековья, крайне жестко боролись за владения и влияние в Африке и Азии. Было ясно, что именно империалистическая конкуренция привела их на грань войны в

1898 году в районе реки Нил в Восточной Африке. И то, что англичане постоянно конфликтовали с Россией, союзником против Наполеона, но противником в Крымской войне 1850-х годов, также имело причины империалистического характера, а именно, контроль над огромной «ничейной землей» между Британской Индией и российскими активами в Средней Азии^[15].

С другой стороны, у Германии почти не было проблем с Лондоном. Уже со времен Прусского королевства Германская империя, которая была объединена в 1871 году, не просто была традиционно дружественной страной, союзником против Наполеона и, более того, колыбелью английской королевской семьи, но она и долгое время имела весьма ограниченные колониальные амбиции.

Несмотря на все эти трения и кризисы, европейские империалистические державы смогли успешно разделить между собой огромные территории по всему миру без значительных военных столкновений друг с другом. Во второй половине 19-го века Великобритания, крупнейшая империалистическая держава, заполучила около 12 миллионов кв. км территориальных приобретений, Франция – 9 миллионов кв. км, а Германия «всего лишь» 2,5 миллиона кв. км. Таким образом, на рубеже веков казалось, что мир уже поделен. По мнению таких историков как канадка Маргарет Макмиллан, у империалистических держав больше не было причин сражаться, и из этого они делают вывод, что империализм не мог быть причиной Великой войны. Но в частности, французский историк Анни Лакруа-Риз, в своей недавней работе очень убедительно пишет о том, что оставалась еще «голодная» империалистическая держава, считавшая себя обделенной со стороны «насытившихся» империалистических стран вроде Британии, которая так и не приняла статус-кво, но агрессивно выступала за перераспределение существующих колониальных владений.

Этой сверхдержавой была Германия, у которой в конечном итоге тоже пробудились империалистические аппетиты, и которая после восшествия Вильгельма II на престол в 1888 году потребовала своего «места под солнцем», как выразился новый император. То, что перераспределение империалистических владений, вероятно, произойдет не мирным путем, а через войну, продемонстрировали испанские колонии Филиппины, Куба и Пуэрто-Рико, которые в ходе

испано-американской войны 1898 г. стали составной частью «неформальной империи» Соединенных Штатов.

Кроме того, значительная часть мира еще оставалась доступной для частичного или полного прямого закрепления в виде колоний, косвенной зависимости в виде протектората или экономического проникновения и косвенного доминирования в американском духе. Сам Макмиллан признает, что «серезная борьба за Китай», в том же духе, в каком прошла борьба за Африку, оставалась одной из возможностей, тем более что США и Япония также проявили большой интерес к Китаю.

Другие страны, которые до сих пор оставались независимыми – например, Персидская и Османская империи – также продолжали быть приманкой для империалистических волков. В 1911 году это едва не привело к войне, когда Франция, к огромному неудовольствию Германии, заграбастала Марокко в качестве протектората. Этот случай показывает, что даже так называемые «насытившиеся» империалистические державы на самом деле не были насытившимися – как и сверхбогатые люди, которые никогда не считают, что им хватит их богатства, – но продолжали искать способы расширить свои колониальные владения еще больше, даже если это создавало угрозу войны.

Германия поздно включилась в борьбу за колонии в Африке и в других местах. В конце концов, на ее долю все же досталось несколько колоний, например, Танганьика, или «Немецкая Восточная Африка» и «Немецкая Юго-Западная Африка», ныне Намибия. Но это были всего лишь вершки, а не корешки, по сравнению, например, с Конго, огромной территорией с обилием каучука и меди, которая попала в жадные лапы маленькой, суетливой Бельгии. Таким образом, в отношении доступа к сырью и экспортным возможностям для готовой продукции и инвестиционного капитала крупная немецкая промышленность и банки намного уступали британским и французским конкурентам. Важнейшие сырьевые материалы, такие как медь, Германия должна была импортировать и, таким образом, они дорого ей обходились, в результате чего готовая продукция немецкой промышленности была более дорогой, поэтому менее конкурентоспособной на международном рынке. Это противоречие между чрезвычайно быстро растущей производительностью и

относительно ограниченными возможностями для реализации ее продукции требовало решения.

По мнению многих – хотя, конечно, не всех – немецких промышленников, банкиров и других представителей элиты, было только одно решение, а именно: война. Она должна была предоставить Германской империи то, на что она имела право, и – выражаясь языком социал-дарвинизма – то, что ей было необходимо, чтобы выжить: заморские колонии, но также, возможно, прежде всего, территории внутри самой Европы. Германская империя в годы до 1914 года вела экспансионистскую и агрессивную политику для достижения этой цели и для превращения Германии в мировую державу. Эта политика, во главе которой стоял император Вильгельм II, вошла в историю как «*Weltpolitik*» – эвфемизм для обозначения империалистической политики. Имануэль Гейс, немецкий ученый и авторитет в области истории Германии до и во время Первой мировой войны, подчеркивает, что эта *Weltpolitik* является одним из факторов, которые «делали ту войну неизбежной».

Берлин надеялся отобрать колонии у таких небольших государств как Бельгия и Португалия^[16]. Но Германия также видела возможности для себя в бесконечных просторах европейского Востока и Юго-Востока. Украина, например, с ее плодородными сельскохозяйственными угодьями походила на идеальную глубинку для высокоразвитого в промышленном отношении германского центра. При помощи хлеба и мяса с Украины немецких рабочих можно было бы дешево кормить, что позволило бы держать их зарплату на низком уровне. Германия присматривалась и к Балканам в качестве источника дешевой сельскохозяйственной продукции, рынка сбыта промышленной продукции и своего рода моста к дружественной Османской империи и к богатым нефтью районам на Ближнем Востоке. Из этого возникла идея великолепного проекта – *Багдадбана*, железной дороги из Берлина через Константинополь в Багдад^[17].

Берлин мечтал, что восток Европы в будущем станет для Германии тем же, чем была Индия для Великобритании и Дикий Запад – для Соединенных Штатов, а именно, богатой добычей. Сырец, сельскохозяйственная продукция и многочисленные, хотя и отсталые, но сильные физически жители в качестве дешевой рабочей силы – все это безоговорочно оказалось бы в германских руках. Кроме того,

Германия могла бы отправлять туда в качестве колонистов собственные потенциально опасные «демографические излишки» – хорошее решение для социальных проблем. Печально известные фантазии *Lebensraum* («жизненного пространства») Гитлера, которые он описал в «Майн Кампф» в 1920-е годы, и которые он попытался воплотить в жизнь во время Второй мировой войны, возникли именно в духе того времени. В этом отношении Гитлер был вовсе не аномалией, а типичным продуктом своего времени, продуктом германского империализма.

Более промышленно развитая и густонаселенная Западная Европа прежде всего манила Германию как рынок сбыта ее промышленной продукции, хотя там можно было найти и интересное сырье. Влиятельные владельцы немецкой сталелитейной промышленности не скрывали своих аппетитов в отношении французской территории вокруг Бри и Лонгви, где в изобилии были запасы высококачественной железной руды. Без этой железной руды немецкая промышленность, по словам некоторых ее тогдашних представителей, в перспективе была обречена. Они также полагали, что немецкое *Volkswirtschaft* (народное хозяйство) очень выиграло бы от поглощения Бельгии с ее антверпенским портом и с Валлонией, с недавно открытым Лимбургским угольным бассейном. Вместе с Бельгией, конечно, и Конго с его минералами, попадет в немецкие руки. Насчет того, должно ли завоевание Бельгии, Нидерландов и других стран включать прямую аннексию, или скорее сочетание формальной политической независимости с экономической зависимостью от Германии, внутри немецкой элиты были серьезные расхождения во мнениях. Так или иначе, в результате реализации этих планов почти вся Европа, как большая экономическая зона, подпадала бы под контроль Германии. И Рейх, наконец, присоединился бы к британцам и другим своим крупным империалистическим конкурентам, чтобы нежиться на своем, якобы, законном «месте под солнцем».

Было ясно, что немецкие амбиции, направленные на восток, не смогут быть удовлетворены без вступления в серьезный конфликт и, возможно, даже в войну с Россией. А немецкие амбиции на Балканах создавали угрозу возникновения проблем с Сербией. Эта страна поссорилась с союзником Германии, Австро-Венгрией. Сербию открыто поддерживала Россия, которая к тому же была глубоко

обеспокоена немецким проникновением на Балканы в направлении Константинополя. Санкт-Петербург раздумывал над тем, чтобы в случае необходимости пойти на войну и не дать Германии заполучить прямой или косвенный контроль над морскими проливами Босфором и Дарданеллами.

Германские амбиции в Западной Европе в целом и в Бельгии в частности сталкивались с интересами англичан. Со времен Наполеона Лондон не хотел допускать ни одну другую великую державу к порту Антверпена и фланандскому побережью. И уж точно не Германию, которая и так давно уже была мощной военной силой на суше, а теперь, с ростом ее военного флота, также представляла собой серьезную угрозу на море. Если бы Германия заполучила Антверпен, то в ее руках оказалась бы не только «пушка, направленная на Англию», как называл этот город на реке Схелде Наполеон, но также и один из самых крупных в мире портов. Это сделало бы немецкую международную торговлю гораздо менее зависимой от британских портов, торговых путей и коммерческого флота, важного источника доходов британцев. Проект железной дороги от Берлина до Багдада, если бы он реализовался, также стал бы в этом отношении занозой в боку у англичан, ибо такая сухопутная связь представляла собой угрозу для прибыльного судоходства через Суэцкий канал.

Истинные или предполагаемые интересы и потребности Германии как промышленной и империалистической сверхдержавы, таким образом, толкали эту страну, с ее агрессивной внешней политикой, все быстрее и быстрее в направлении войны. О возможности войны политическая, военная, экономическая и интеллектуальная элита той военной сверхдержавы, в какую превратилась тогда Германия, практически совершенно не беспокоились. Напротив, многие промышленники, банкиры, генералы, политики и другие представители немецкого истеблишмента хотели начать войну как можно скорее. Они были даже сторонниками провоцирования войны, чтобы начать превентивные военные действия. Конечно, среди немецкой элиты были и менее воинственно настроенные люди, но среди них царило чувство, что война неизбежна. Это чувство рьяно возбуждалось верхами. Например, с помощью книги *Das Volk im Waffen* («Вооруженный народ»), бестселлера генерала Кольмара фон дер Гольца, который 1914 году приведет ко всякого вида зверствам

против бельгийских мирных жителей. Этот опус гласил, что «решительная борьба за выживание и величие Германии тоже... рано или поздно должна будет осуществиться, со всякого рода неизбежным насилием».

То, что жестокая конкуренция между великими империалистическими державами вела к войне, можно увидеть и если мы хорошенько посмотрим на Великобританию. Эта страна вступила в 20-й век как мировая сверхдержава, обладающая невиданной коллекцией колониальных владений. Но это могущество и богатство империи явно зависело от того, что Королевский флот царил на семи морях. А на рубеже веков он столкнулся с серьезной проблемой – начался переход с угля на нефть, гораздо более эффективное топливо для морских судов. В Альбионе угля было более чем достаточно, но не нефти. Не было ее – во всяком случае, в достаточном количестве – и в его колониях. Это означало, что британцы приступили к поискам обильных и надежных источников «черного золота». Пока же мазут приходилось импортировать из США, которые тогда были его крупнейшим производителем. Но это не могло продолжаться в долгосрочной перспективе, потому что эта бывшая британская колония, с которой Лондон частоссорился, например, из-за американо-канадской границы и из-за влияния в Южной Америке, становилась все более и более амбициозным империалистическим соперником.

Британцам удалось немного утолить свою нефтяную жажду в Персии, в проекте, ради которого была создана англо-персидская нефтяная компания, позже ставшая известной как British Petroleum (BP). Окончательное решение проблемы, казалось бы, появилось, когда источники нефти были обнаружены в окрестностях города Мосул, расположенного в Месопотамии, области, которая позже стала известна как Ирак, но тогда она еще была частью Османской империи. Лондон решил, что эта, до тех пор не считавшаяся важной, часть Ближнего Востока должна будет перейти под британский контроль. Это была реалистичная цель, потому что Османская империя в ту пору была великой, но слабой страной, у которой англичане уже раньше урезали территории в свою пользу, например, Египет и Кипр. Но в 1908 г. османы заключили союз с Германией, так что планируемое завоевание Месопотамии почти наверняка означало бы также войну с Германской империей. Однако потребность в нефти была настолько

велика, что строились планы военных действий, планы, которые требовалось осуществить как можно скорее. Немцы и османы начали строительство железной дороги из Берлина в Багдад. Это означало, что месопотамскую нефть скоро можно будет отправлять по этому пути на благо могучего германского военного флота, который являлся самым опасным соперником Королевского флота Британии! Ождалось, что эта железная дорога будет введена в строй в... 1914 году.

Именно в этом контексте подошла к концу старая дружба Лондона с Германией, случилось так, что Великобритания присоединилась к своим старым заклятым врагам Франции и России в так называемой «троице» Антанты, а руководство британской армии разработало детальные планы войны против Германии в сотрудничестве с Францией. Предполагалось, что французские и русские огромные армии нападут на немцев, в то время как британцы из Индии вторгнутся в Месопотамию, чтобы отделать там османцев и отобрать у них нефтяные месторождения. Взамен Королевский флот не позволил бы германскому флоту использовать Ла-Манш для того, чтобы атаковать Францию, а французская армия получила бы поддержку (в основном символическую) со стороны относительно небольшого британского экспедиционного корпуса. Этот достойный Макиавелли проект разрабатывался в обстановке строжайшей секретности. Ни парламент, ни британская общественность не были о нем проинформированы.

В течение нескольких месяцев, предшествовавших началу войны, еще сохранялась возможность компромисса с Германией. Эта идея даже пользовалась поддержкой определенных фракций внутри британской политической, промышленной и финансовой элиты. Компромисс означал, что Германии была бы выделена хоть часть месопотамской нефти. Но Альбион добивался не части, а полной монополии. Во всяком случае, начиная с 1911 года уже были готовы планы по ведению все более вероятной войны с Османской империей, которая началась бы с занятия стратегически важного города Басра, и оттуда уже планировалось завоевывать Месопотамию.

Когда в 1914 году разразилась Великая война, англичане были готовы к тому, чтобы вторгнуться на Ближний Восток из Египта и Индии и, либо вдоль Тигра, либо через Иерусалим и Дамаск, продвигаться к Багдаду. Печально известный Лоуренс Аравийский не с

неба свалился. Он был одним из бесчисленных британцев, которые в предшествовавшие 1914-му годы были тщательно отобраны и обучены, чтобы в нужное время защищать британские интересы на богатом нефтью Ближнем Востоке.

Завоевание нефтяных месторождений Месопотамии было подлинной причиной вступления англичан в войну в 1914 году. Когда началась война, и Германия и Австро-Венгрия начали военные действия против Сербии и франко-русского дуэта, казалось бы, не было никаких причин для вовлечения Британии в этот конфликт. Правительство в Лондоне столкнулось с болезненной дилеммой: оно должно было выполнять обещания, данные Франции, но в этом случае стало бы явным то, что такие тайные планы были составлены заранее. Однако немецкое нарушение нейтралитета Бельгии обеспечило лондонское правительство идеальным предлогом для начала войны. В действительности же судьба маленькой Бельгии не волновала британских лидеров, по крайней мере до тех пор, пока немцы не попытались бы взять в свои руки Антверпен. В ходе войны Британия и сама не гнушалась тем, что нарушала нейтралитет других стран, к примеру, Китая, Греции и Персии.

Как и все планы, которые строились для подготовки Великой войны, сценарий, разработанный в Лондоне, тоже провалился. Французам и русским не удалось подавить немцев, наоборот. Чтобы помочь Франции избежать поражения, британцам пришлось посыпать гораздо больше войск на материк, и там, в течение многих лет войска эти несли гораздо больше потерь, чем предполагалось. А на Ближнем Востоке османская армия – при содействии немецких офицеров – оказалась гораздо более трудным противником, чем ожидалось. Но, несмотря на такие «неудобства», в том числе на британские потери в количестве около трех четвертей миллиона человек, в основном рабочих, все завершилось «хэппи-эндом»: в 1918 году над нефтяными месторождениями в Месопотамии и других странах Ближнего Востока взвился британский флаг.

Совершенно очевидно, что в ходе Первой мировой войны британские власти вовсе не интересовала независимость маленькой Бельгии или уважение к нормам международного права. Ими руководили экономические интересы британского империализма, то есть, на практике, интересы богатых и сильных мира сего, британцев,

чье companies и banks охотились за таким сырьем как нефть. Также совершенно очевидно, что эта война для тех, кто находится у власти в Лондоне, вовсе не была никакой войной за демократию. Завоевав Ближний Восток, британцы вовсе не собирались продвигать там демократию. Они правили оккупированной Палестиной примерно так же, как немцы оккупированной Бельгией. И в Аравии Лондон принимал во внимание только свои собственные интересы и интересы горстки семей, которые действовали как полезные партнеры. Обширные арабские земли были разделены и розданы подобным партнерам, которые основали такие государства, как Саудовская Аравия, государства, которыми им было позволено управлять как личной собственностью. И когда многочисленные месопотамцы мужественно сопротивлялись своим новым британским хозяевам, Черчилль сбросил на их головы массу бомб, включая бомбы с ядовитым газом.

В преддверии начала Великой войны, таким образом, во всех империалистических странах были промышленники, банкиры и аристократы, которые выступали за «военный экономический экспансионизм». Однако многие капиталисты видели и отрицательные последствия войны и вовсе не были ее «поджигателями», как заметил британский прогрессивный историк Эрик Хобсбаум. Это замечание, однако, тут же было использовано его коллегой – консервативным историком Найлом Фергюсоном, чтобы заявить, что экономические интересы, якобы, не сыграли никакой роли в развязывании Великой войны. Большинство промышленников и банкиров, включая самых воинственных из них, конечно, понимали, что война принесет также и неприятности. Но, будучи членами элиты, они имели основания полагать, что все эти беды в значительной степени постигнут других, в первую очередь, рядовых солдат, крестьян и рабочих, на долю которых традиционно оставляют убивать и быть убитыми. Это было не в счет, когда речь шла о перспективах захвата колоний, рынков сбыта, сырья и дешевой рабочей силы – того, о чем только и идет речь при империализме.

Гипотеза Фергюсона о том, что капиталисты предпочитали мир войне, кроме того, отражает двоичный, черно-белый образ мышления, а именно: предположение что мир – это альтернатива войне и наоборот. Однако реальность гораздо сложнее. Была и еще одна

альтернатива миру – революция. И эта альтернатива была в глазах большинства капиталистов и других буржуазных и аристократических членов элиты гораздо хуже войны. Дворянство и буржуазия были одержимы страхом перед революцией после событий 1848 и 1871 годов, когда революционный потенциал пролетариата исчерпывающее продемонстрировал себя. А тем временем рабочие партии, которые придерживались революционного социализма Карла Маркса, пользовались все большей популярностью и становились все более влиятельными. Годы перед началом войны стали свидетелями революций (в России в 1905 году и Китае в 1911-м) и многочисленных забастовок, демонстраций и беспорядков в Европе, которые казались предвестниками революционной «гибели богов».

В этом контексте элита рассматривала войну как сильное противоядие против революции.

В годы, предшествовавшие 1914 году, многие представители буржуазии и аристократы ощущали, что они являются свидетелями борьбы между войной и революцией, которая может разразиться в любой момент. Кто из них двоих победит? Те, кто боялся революции, поддерживали войну. С революцией вместо мира, в качестве альтернативы войне, даже самые миролюбивые капиталисты выступали за войну. А поскольку они боялись, что революция вспыхнет еще до войны, капиталисты (и буржуазные и аристократические представители элиты в целом) надеялись, что война начнется как можно скорее. Поэтому они с энтузиазмом приветствовали начало войны летом 1914 года в качестве события, освобождавшего их от невыносимого напряжения и революционной опасности.

Капитализм в его империалистической форме был, несомненно, ответственен за многие колониальные войны до 1914 года, а также и за Великую войну, разразившуюся в 1914 году. Уже в то время многие люди хорошо это понимали. «Капитализм несет в себе войну, как туча несет в себе грозу», – говорил французский социалистический лидер Жан Жорес в 1895 году. Жорес был откровенным антикапиталистом, но даже представители буржуазно-дворянской элиты знали слишком хорошо, что войны были связаны с экономическими интересами. Они и не скрывали этого. Например, генерал Дуглас Хейг, главнокомандующий британскими войсками с 1915 года и до конца

войны, заявил, что «он не стыдился войн, которые нам пришлось вести, чтобы открыть рынки всего мира для наших торговцев».

Таким образом, именно развитие империалистической формы капитализма «непреодолимо подталкивало мир к конфликтам и войнам», – как писал Эрик Хобсбаум. То, что многочисленные отдельные промышленники и банкиры выбрали мир, а не войну, в конечном счете имеет очень небольшое значение или вообще не имеет никакого значения, и уж точно не позволяет нам сделать вывод, что к мировой войне привел не капитализм^[18].

Именно империалистические амбиции ответственны также и за то, что война, разразившаяся в 1914 году, – по существу, европейский конфликт – переросла в войну мировую. Мы не должны забывать, что она шла не только в Европе, но и в Азии и Африке, что великие империалистические державы набросились друг на друга, как стервятники в их колониальных владениях в Африке, на Ближнем Востоке и даже в Китае. В конце концов, победители в Версале жадно разделят между собой не только ничтожные трофеи – немецкие бывшие колонии, но и, в частности, те районы Ближнего Востока, которые ранее находились под властью Османской империи.

Давайте посмотрим на роль Японии в этой Великой войне. С победой над Китаем в 1894–1895 годах – что превратило Корею в японскую колонию – и над Россией в 1905 году Страна восходящего солнца стала империалистической державой и единственным незападным членом эксклюзивного клуба великих империалистов. Так же, как и все остальные империалистические сверхдержавы, Япония теперь тоже стремились к завоеванию новых областей в качестве колоний или протекторатов с тем, чтобы таким образом приобрести для своей промышленности сырье, дешевую рабочую силу и рынки сбыта, для того, чтобы укрепить свои позиции перед лицом конкуренции.

Война, разразившаяся в Европе в 1914 году, стала поворотным пунктом и золотой возможностью для Токио. 23 сентября того же года Япония объявила войну Германии. Единственная причина этого заключалась в том, что Япония положила глаз на немецкие концесии в Китае и на германские островные колонии в северной части Тихого океана. Таким образом, в случае Японии также очевидно, что эта

страна пошла на войну для достижения своих империалистических целей.

Великая война была порождением империализма и, в конечном счете, была направлена на получение прибыли для крупных корпораций и банков. Именно под их покровительством и в их интересах начал разворачиваться империализм. В этом отношении война их не подкачала. Она стала катастрофой для миллионов людей, для пролетариата, для народных масс, которым она не принесла ничего, кроме смерти и несчастий. Но для промышленников и банкиров каждой воюющей страны (да и нейтральных стран, таких как США до 1917 года) война стала своего рода рогом изобилия невиданных доселе заказов и прибылей. Война 1914–1918 годов была промышленным конфликтом, в котором решающую роль играли современные виды оружия, такие как минометы, пулеметы, отравляющие газы, огнеметы, танки, самолеты, колючая проволока и подводные лодки. Эти типы боевого оружия производились в массовом масштабе на заводах промышленников и приносили им непомерные прибыли, на которые, к тому же, в большинстве стран налоговое бремя было минимальным. Рентабельность можно было также повысить за счет того, что во всех воюющих странах заработная плата (но не цены!) снизилась, рабочий день стал более длинным, забастовки были запрещены, потому что преимущественно реформистские профсоюзы к началу войны самоустранились. Самым известным производителем оружия был Крупп, немецкий производитель пушек, в том числе печально известной «Толстой Берты». Во Франции торговцы смертью занимались «золотым бизнесом», например, компания мсье Шнайдера, также известного как французский Крупп, испытала *«une véritable explosion des profits»* («всплеск прибыли») между 1914 и 1918 годами, а так же Хотчкисс, самый известный специалист по пулеметам.

Государственные заказы на военную технику означали огромные прибыли, это относится не только к промышленникам, но и к банкирам, к которым воюющие государства начали обращаться за невиданными суммами займов, необходимых им для того, чтобы совершать подобные покупки. В Соединенных Штатах компания Дж. Пи Моргана, также известная как «Дом Моргана», стала самым большим выгодополучателем. Морган не только брал высокие

проценты по кредитам с англичан и их союзников, но и получал комиссионные за британские покупки у таких связанных с Морганом американских компаний как Дюпон и Ремингтон. В начале 1917 года, после революции в России, были опасения, что Великобритания могла потерпеть поражение в войне, что привело бы к тому, что британцы не смогли выплатить свой военный долг. Вот почему лобби с Уолл-стрит, возглавляемое Морганом, успешно надавило на президента Вудро Вильсона, чтобы он объявил войну Германии с целью спасения британцев и тем самым предотвращения финансовой катастрофы для банков. Этот случай также иллюстрирует, что Первая мировая война в большой степени и, возможно, даже в первую очередь определялась экономическими факторами, что она была результатом империализма.

Конфликт принес промышленникам и банкирам еще и другие существенные преимущества. Во всех воюющих странах война усилила и ускорила тенденцию к гигантизму и возникновению и развитию монополий, – другими словами, уже происходившего возвышения относительно небольшой группы элиты гигантских компаний и банков. Именно эти гиганты извлекали основную выгоду из госзаказов на оружие и другие материалы. Малые предприятия почти не пользовались преимуществами войны. Слишком многие из них потеряли либо своих сотрудников, либо своих поставщиков, либо своих клиентов. Они получали все меньше и меньше прибыли и в конце концов исчезали со сцены.

В этом смысле верно, что, как указал Найл Фергюсон, во время войны средняя прибыль компаний была не особенно высока. Но прибыли крупных корпораций и банков, капиталистических актеров, которые играли ведущую роль со времен создания монополистического капитализма и империализма, были значительными, что признает и сам Фергюсон.

Классовый конфликт – это сложное, многогранное явление, как подчеркивал в своей книге о классовой борьбе философ и историк итальянского происхождения Доменико Лосурдо. Это не просто двусторонний конфликт между капиталом и трудом, он отражает и противоречия между буржуазией и дворянством, и между промышленниками разных стран, и между метрополиями и колониями, а также между фракциями внутри промышленной буржуазии, например, между крупными и мелкими производителями,

между большим бизнесом и малым бизнесом, между крупной буржуазией и мелкой буржуазией.

Империализм был и остается капитализмом крупных сил, и именно он привел к Великой войне. Поэтому не случайно, что Великая война тоже отдавала предпочтение крупным капиталистам перед мелкими.

Великая война благоприятствовала также верхушке буржуазии, господам от промышленности и банковского дела, по сравнению с их партнером внутри элиты – землевладельческой знатью. У знати тоже были свои большие ожидания, и поэтому она не хотела войны. Но эта война оказалась не тем старомодным конфликтом, которого ожидало дворянство, и в котором ведущую роль играла бы их любимая кавалерия и холодное оружие. Эта война была, как писал шведский историк Петер Энглунд, «экономическим соревнованием, войной между фабриками». В ходе войны владельцы предприятий и банков стали играть все более важную роль в правительствах и в государственной бюрократии. Таким образом, они преуспели, помимо своего богатства, и в приобретении политической власти в ущерб аристократам. До войны высшие слои буржуазии все еще оставались почти везде младшим партнером дворянства внутри элиты, но война перевернула все с ног на голову.

В конце концов, дворянство стало младшим партнером промышленной и финансовой крупной буржуазии.

Первая Мировая война произошла из-за экономических факторов, из-за непрекращающегося соперничества между империалистическими державами в их борьбе за природные и человеческие ресурсы. Так что вполне логично, что и итоги войны были окончательно определены экономическими факторами: победителями стали те империалистические сверхдержавы, которые уже передвойной были лучше всего обеспечены колониями, полными сырья, которое оказалось стратегически незаменимым в современной промышленной войне. Давайте посмотрим, как это было на практике.

Сейчас уже мало известно, что в последний год войны Германия была очень близка к окончательной победе, а именно весной и летом 1918 года. Армейское командование под руководством генерала Эриха Людендорфа воспользовалось мирным договором с революционной Россией, заключенным 3 марта в Брест-Литовске, чтобы перебросить войска с востока на Западный фронт и начать там мощное

наступление. Поначалу немцы добились немалого продвижения. Однако союзникам раз за разом удавалось доставить на фронт необходимую живую силу и технику, чтобы закрыть бреши в своих оборонительных рубежах, приостановить немецкое наступление и, наконец, остановить его. 8 августа, наконец, наступил перелом в ходе войны. Этот успех союзников стал возможным потому, что они – и особенно французы! – имели в своем распоряжении более тысячи грузовиков, чтобы быстро перевозить свои войска повсюду. Немцы, с другой стороны, все еще перевозили свои войска по железной дороге, как и в 1914 году, но таким способом было трудно или даже невозможно добраться до решающих участков фронта. То есть, превосходящая мобильность союзников имела решающее значение. Недаром Людендорф позднее говорил о том, что триумф его противников в 1918 году означал, что победу одержали французские грузовики над немецкими поездами. Можно также считать этот триумф победой таких компаний, как «Данлоп» и «Мишлен», которые производили резиновые шины для легковых и грузовых автомобилей союзников, над сталелитейным производством компании Крупп, выпускавшей колеса немецких поездов, и вообще как победу союзной экономики над экономикой Германии и Австро-Венгрии. Экономика этих стран страдала из-за британской блокады на море, от нехватки сырья. Превосходство союзных экономик было очевидным, оно было связано с тем, что англичане и французы (и даже итальянцы и бельгийцы) пользовались колониями, откуда они могли вывезти все, что угодно, все, что им было нужно для победы в современной войне, не только сырье, но и колониальных рабочих, которые прокладывали и восстанавливали дороги там, куда весной и летом 1918 года перевозили войска союзников^[19].

Каучук был не единственным стратегическим сырьем, в котором нуждались немцы, и которого им не хватало, а союзники имели его в избытке. То же самое можно было сказать и о других источниках сырья, например, о нефти, которая все больше была необходима для моторизованных армий и флотов. К 1918 году французы имели не только множество грузовиков, но и большой воздушный флот. В последний год войны как они, так и англичане также имели в своем распоряжении автомобили, оснащенные пулеметами или пушками и особенно значительное количество танков. Если у немцев было мало

или вообще не было грузовиков и танков, то главной причиной этого было то, что им не хватало нефти. Они могли получать ее только из Румынии. Британский министр иностранных дел лорд Керзон не без причины заявил после того, как было заключено перемирие, что «союзники приплыли к победе на волне нефти». Французский сенатор воскликнул, что «нефть была кровью победы». Очень много этой нефти поступало из Соединенных Штатов Америки и поставлялась Standard Oil^[20], компанией Рокфеллеров, которые хорошо зарабатывали на этом бизнесе – точно так же, как Renault хорошо зарабатывал на производстве потребляющих топливо грузовиков.

Так что не случайно войну выиграли промышленные великие державы с большим количеством колоний. Самые мощные империалистические системы – британская, французская и американская – восторжествовали над конкурирующим с ними германским империализмом, хотя Германия, по общему признанию, и была индустриальной сверхдержавой, но она была относительно лишенной колониальных владений.

На самом деле, удивительно, что потребовалось четыре года, чтобы сделать поражение Германии фактом. Однако совершенно очевидно, что преимущества неограниченных запасов сырья могли привести к победе только в долгосрочной перспективе. Война началась в 1914 году как традиционный вооруженный конфликт на Европейском континенте, как во времена Наполеона. Постепенно она превратилась во всемирную борьбу между промышленными титанами. Летом 1914 года у сильной в военном отношении Германии все еще были хорошие шансы на победу. Германская империя обладала превосходными железными дорогами для перевозки своих войск на фронты в обоих направлениях как на Восток, так и Запад, и более чем достаточно угля, чтобы обеспечить эти паровозы топливом. Но в течение четырех долгих лет современной, промышленной и во многом «тотальной» войны экономические факторы стали решающими. Ко времени весеннего наступления Людендорфа в 1918 году перспективы победы для Германии уже окончательно растворились в воздухе, ибо Германия, благодаря блокаде со стороны Королевского флота, была отрезана от районов, где можно найти достаточное количество всего, что являлось непременным условием победы в такой войне: стратегического сырья, такого, как нефть, продовольствия для граждан и солдат, дешевой

рабочей силы для промышленности и сельского хозяйства и так далее^[21].

Великая война 1914–1918 годов была конфликтом, в котором два блока империалистических держав воевали друг с другом с целью получения прибылей в Европе, Африке и Азии. И это в то время, когда, как мы видели в предыдущей главе, в пределах любой воюющей державы бушевала собственная классовая борьба между элитой и плебеями. В результате этой империалистической титанической борьбы победа досталась франкобританскому дуэту, Германию ждало тяжелое поражение, а Австро-Венгерскую империю бесславный конец. По крайней мере, так это выглядело чисто формально. На самом деле исход конфликта был неясен, сбивал с толку и никому не принес настоящего удовлетворения.

Англия и Франция стали победителями, но они были истощены из-за огромных демографических, материальных, финансовых и других жертв, которые им пришлось принести. Они больше не были сверхдержавами, как это было в 1914 году. Германия, перенесшая множество испытаний в ходе войны и униженная и наказанная в Версале, потеряла не только свои колонии, но и изрядный кусок своей собственной территории. У нее до поры до времени оставалась только небольшая армия, но, тем не менее, она оставалась индустриальной державой, которая рано или поздно сможет, как и в 1914 году, отважиться на новую «Griff nach der Weltmacht» («схватку за мировую власть»), говоря словами названия знаменитой книги немецкого историка Фрица Фишера. Кроме того, война стала возможностью для двух неевропейских империалистических государств проявить свои амбиции – имеются в виду Япония и Соединенные Штаты. Борьба за господство между империалистическими державами, таким образом, оставалась незавершённой.

Ситуация еще более усложнялась тем, что, кроме Австро-Венгрии, с карты исчезла еще одна империалистическая держава – Россия. Вместо нее появился Советский Союз. Это откровенно антикапиталистическое государство было невыносимым бельмом на глазу у империалистов. Но оно же стало источником вдохновения не только для революционных и радикальных демократических движений внутри каждой империалистической страны, но и для антиимпериалистических движений во всем мире. Существование

Советского Союза, таким образом, также угрожало существованию колониальных владений империалистических держав.

В этих условиях в Европе и во всем мире оставались существовать большие напряженности, трения и конфликты. Это привело, в конце концов, ко Второй мировой войне или, как ее называют многие историки, «Второй мировой военной кампании» в «тридцатилетней войне»^[22] двадцатого века.

Глава 4

Октябрьская революция

Миф

Во время Первой мировой войны, в феврале-марте 1917 года, в России произошла революция, которая первоначально стремилась осуществить демократические реформы, но в октябре того же года, после государственного переворота, совершенного небольшой группой фанатиков, а именно Лениным и его большевиками, она переросла в диктатуру, которая совершила всякого рода пакости в России и по всему миру.

Реальность

Октябрьская революция была не государственным переворотом, а делом рук русского народа, которому надоели осуществлявшиеся царским режимом эксплуатация, угнетение и война. Именно благодаря Октябрьской революции Россия за относительно короткое время превратилась в результате стремительного развития в сверхдержаву, которая смогла нанести поражение нацистской Германии, а также благодаря этой революции колонии смогли обрести свою независимость, а западные страны смогли достичь невиданно высокой степени демократии и процветания.

В 1917 году, в самый разгар Первой мировой войны, Россию потрясла двойная революция. Первая революционная волна захлестнула страну в конце февраля, а в октябре последовала вторая фаза^[23]. Первая революция привела к отречению царя от престола и к демократическим выборам и к таким реформам, как отделение церкви от государства и введению всеобщего избирательного права для мужчин и женщин – чего тогда все еще не существовало в

Великобритании и в большинстве других западноевропейских стран. В октябре большевики под руководством Ленина пришли к власти. Как марксистские социалисты, они значительно отличались от многочисленных реформистских социалистов или социал-демократов. В отличие от последних, большевики продолжали верить в необходимость революционного перехода от существующего капиталистического – а в России все еще во многом феодального – строя, чтобы приступить к построению социалистического общества. С приходом большевиков к власти революция радикализировалась, и симптомами этого стали такие принятые коммунистические меры, как перераспределение собственности на землю и национализация фабрик, заводов и других средств производства. Ленин и его товарищи предприняли еще одну важную меру: они вывели Россию из затянувшейся Первой мировой войны, которая принесла стране невиданные потери и стала причиной многих бедствий. Не только в России, но и во всей Европе царила всеобщая усталость от войны после многих лет безнадежного и бессмысленного кровопролития. Люди были крайне ожесточены в отношении аристократических, буржуазных и церковных элит, которые были причиной войны и извлекали из нее большую выгоду, как мы видели это в предыдущей главе. Элиты еще в 1914 году почти везде монополизировали власть, война была также использована ими как предлог для того, чтобы жестко положить конец процессу политической и социальной демократизации, в ходе которого с конца девятнадцатого века был достигнут значительный прогресс, особенно благодаря социализму и рабочему движению. В воюющих странах зачаточные демократические парламентские системы рано или поздно сменились более или менее диктаторскими режимами вроде режима Эриха Людендорфа, Жоржа Клемансо и Дэвида Ллойд Джорджа. Типичным для этих режимов было крайне жестокое ограничение свобод и прав человека, репрессии против пацифистов и инакомыслящих. Простые люди страдали все больше и больше. Своими кровью, потом и слезами в окопах и в тылу они оплачивали все жертвы, которые требовалось «принести Отечеству». За все более низкую зарплату и несмотря на все более ухудшающееся питание они должны были работать все дольше и все усерднее для так называемого «святого дела», в которое они поверили в то жаркое лето 1914 года, на краткий миг ослепленные

патриотической пропагандой. Великая война привела к еще большим страданиям, недовольству, волнениям и мятежам как среди солдат, так и среди мирных жителей. Забастовки, демонстрации, мятежи и братание с противником во всех воюющих странах ясно демонстрировали это. Карл Маркс предсказал, что капиталистическая система неизбежно приведет к растущему обнищанию пролетариата и приведет народ, таким образом, к тому, чтобы свергнуть существующий порядок в ходе революции. В десятилетия, предшествовавшие 1914 году, казалось, что он ошибся. Жизнь западноевропейских рабочих в те годы улучшилась в ходе значительных реформ. Под давлением растущего движения социалистических рабочих партий и профсоюзов правящая элита была вынуждена против своей воли пойти на уступки, например, на постепенное расширение избирательного права, на повышение заработной платы, на сокращение рабочего времени и отмену детского труда.

Более того, империалистическая колониальная эксплуатация приносила западным странам-метрополиям сверхприбыли, которые были частично использованы того, чтобы предоставить высшим слоям наемных работников более высокую заработную плату и лучшие условия труда. В результате этого «рабочая аристократия» еще больше обуржузилась, и это стало своего рода громоотводом для назревающей революционной бури. Европейские социалистические партии молчаливо перешли от ортодоксально-марксистского революционного социализма на сторону реформистского социализма.

Но во время Великой войны беды и страдания ударили по трудящимся с новой силой. Опять сильно возросло обнищание, а вместе с тем также и революционный потенциал. «Рабочая аристократия» утратила свои привилегии и возвращалась в большом количестве к вере в революционный социализм. Немецким рабочим, например, пришлось снова отказаться от свиного мяса – символа процветания, которого они добились передвойной, – и даже от обычной, но такой любимой картошки, которую пришлось заменить невкусной репой.

В этих условиях рано или поздно должно было начаться извержение революционного вулкана, и оно не случайно началось первым в царской России. Индустриализация в 1914 году продвинулась там еще

не очень далеко, а простой народ состоял почти исключительно из нищих крестьян, чья жизнь так никогда заметным образом и не улучшилась. Накануне Первой мировой войны там царили еще полусредневековые социальные и политические порядки. Напрочь обнищавший русский народ за десять лет до этого уже поднимался на революционные действия. В 1905 году катастрофическая война с Японией стала катализатором для извержения вулкана народного гнева. Но эта революция была задушена в крови, а сам русский народ продолжал страдать от эксплуатации и угнетения. Судьба простого русского человека стала еще более плачевна, когда элита царского режима втянула его в Великую войну. В 1917 г. российская армия насчитывала уже пять миллионов убитых и раненых, а зарплаты упали до минимума – до половины уровня 1913 года, в то время как цены были в три раза выше, чем в 1914 году. Предел терпения «Ивана» был достигнут. Солдаты, крестьяне и рабочие хотели не только срочного мира, но и далеко идущих политических и социальных реформ. Так что дело снова дошло до революции.

Первая революционная волна, пришедшая на февраль-март, привела к отречению царя от престола и, прежде всего, к введению всеобщего избирательного права. Но русский народ ждало большое разочарование: Временное правительство во главе с Александром Керенским, в которое входили многочисленные бывшие члены царского круга, не желало прекращать участие России в войне. Они также не хотели уступать общему требованию радикальных социальных и политических реформ, и, в первую очередь, экономической реформы, подразумевающей передачу земельной собственности аристократических и церковных землевладельцев в руки крестьян. Небольшая партия большевиков под руководством Владимира Ильича Ульянова, более известного как Ленин, стала особенно популярной и в конечном итоге получила массовую поддержку потому, что она была единственной политической партией, готовой немедленно заключить перемирие и осуществить революционные меры, которых требовало подавляющее большинство русского народа.

Таким образом, Октябрьская революция не была ни государственным переворотом, ни заговором революционной горстки большевиков, точно так же, как не были им и революция 1905 года, и

февральско-мартовская революция 1917 года. Россия в 1917 году созрела для революции, и виновата в этом была царская элита. И когда эта революция разразилась, это было дело всего народа, солдат, крестьян и рабочих, обнищавших от эксплуатации, угнетения и войны. Как справедливо отмечал итальянский историк Доменико Лосурдо, Ленин и большевики не «сотворили» Октябрьскую революцию, но возглавили ее в критический момент и направили в определенное русло – в русло социализма. Это произошло, без сомнения, с самого начала при поддержке и одобрении подавляющего большинства народа. Без этой массовой поддержки Октябрьская революция никогда не была бы успешной. И благодаря Октябрьской революции Россия наконец-то вышла из гнусной бойни Великой войны и – спустя годы, после иностранной вооруженной интервенции и гражданской войны – приступила с большим размахом к началу гигантского социально-экономического эксперимента: построению эгалитарного социалистического общества как альтернативы капитализму.

Западные военные корреспонденты в России признавали, что большевиков поддержали большинство русских и других народов бывшей царской империи. Среди них был американский журналист Джон Рид, который позже, в 1919 году, опубликовал свои заметки очевидца о бурных событиях Октябрьской революции в своем мировом бестселлере «Десять дней, которые потрясли мир».

Однако Франция, Великобритания и США хотели сохранить Россию в качестве союзника против Германии, и они считали планы Ленина заключить мир такими же отвратительными, как и его революционные намерения. Тот факт, что большевики отказались от уплаты раздутых счетов за поставленное оружие (и за такие предметы роскоши, как шампанское), заказанное царем у английских и французских поставщиков, сделало их еще менее любимыми западными правителями. Именно поэтому крупные буржуазные газеты, которые выступали в качестве выразителей интересов западных элит, такие как лондонская «Таймс», заклеймили большевиков как «воров, убийц и богохульников», приписывая им воображаемые чудовищные преступления и называя их политический курс кошмарной диктатурой.

То, что обнищание в России в военные годы привело к революции, хорошо известно, потому что революция там имела успех и завершилась созданием Советского Союза. Но не только в России, но

почти во всех воюющих и даже в нейтральных странах Великая война привела к растущему обнищанию, которое неизбежно создавало революционную ситуацию. В Германии, Франции, Великобритании и Италии солдаты и мирные жители к 1917 году были по горло сыты войной и принесенными ею страданиями и, полные горечи, направили свою вражду против элит, которые втянули их страну в войну. Они выражали свое недовольство политиками, которые во время войны правили все более и более диктаторскими методами. Они были в бешенстве от генералов вроде Дугласа Хейга, Роберта Нивеля и Эриха Людендорфа, которые своей политикой привели к гибели сотни тысяч людей. Они слали проклятия в адрес капиталистов, которые получали огромные дивиденды от войны, и священнослужителей, которые благословляли эту войну как новый крестовый поход. Во всех этих странах люди хотели радикальных перемен, и в них ситуация тоже была «беременна» революцией.

Поэтому пример большевиков произвел большое впечатление. Во Франции, Великобритании и Италии прошли забастовки фронтовиков и заводских рабочих, не скрывавших свое восхищение и симпатии к русским революционерам. Довольно быстро стало ясно, что они готовы последовать большевистскому примеру и покончить с продолжавшейся бойней – и с капиталистической системой, за эту бойню ответственной. В письме к премьер-министру Франции Клемансо весной 1919 года его британский коллега Ллойд Джордж жаловался на то, что «война порождает глубокое чувство недовольства, гнева и готовности восстать среди рабочего люда», что «призрак революции бродит по всей Европе», что «по всей Европе, от края и до края, люди задаются вопросом о целесообразности существующего экономического порядка».

В Германии и Венгрии дело фактически дошло до революций. Их кроваво подавили, но с большими усилиями. Гораздо менее известно, что в 1918–1919 годах революционные ситуации создались также и в Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и даже в Нидерландах и Швейцарии. Лишь поспешно проведенные демократические реформы в политической и социальной областях, такие как восьмичасовой рабочий день и расширение избирательного права, помогли предотвратить перерастание этих ситуаций в настоящие революции.

В Соединенных Штатах Октябрьская революция также вызвала большой интерес и энтузиазм, свидетелем тому стал успех книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Война привела к погружению в нищету многих и до того бедных американцев, в том числе, конечно, и наиболее эксплуатируемых – афроамериканцев. Многие из них надеялись на радикальные социально-экономические и политические перемены. Это привело к псевдореволюционному Красному лету 1919 года с забастовками (в которых участвовала, к примеру, даже бостонская полиция) и расовыми беспорядками. Но революции так и не произошло, в основном из-за беспощадных репрессий со стороны государства, известных как Красная паника, когда массово происходили незаконные аресты, депортации и применение силы, в частности, печально известного Ку-клукс-клана. Разрыв между реформистскими и революционными социалистами и отсутствие солидарности между белыми и черными революционерами также привели к тому, что до революции дело не дошло.

Примечательно также, что как в США, так и в Европе большевизм связывали с еврейством. Большевизм был одной из форм социализма, идеологией, разработанной евреем Карлом Марксом, и многие другие евреи сыграли важную роль в большевизме, Лев Троцкий, например. Это привело к появлению концепции «иудео-большевизма», идеи о том, что это евреи несут на себе ответственность за Октябрьскую революцию и, таким образом, контрреволюционный антибольшевизм стал связан с антисемитизмом. Самый известный пример приверженца такого подхода – промышленник Генри Форд, автор крайне антисемитского опуса *«Международный еврей»*. Эта книга относится к самому началу 1920-х годов, вскоре она была переведена на немецкий язык и оказала большое влияние на Гитлера.

Поскольку афроамериканцы из-за своего неблагополучного положения испытывали еще больше энтузиазма по отношению к Октябрьской революции, американский антибольшевизм обрел вторую идеологическую составляющую, а именно – расизм в отношении чернокожих. Таким образом, старая американская теория и практика превосходства белых была поставлена на службу контрреволюционерам, когда американский капитализм почувствовал угрозу большевизма и всех остальных форм социализма. Далеко не случайно «красное лето» обернулось расовыми беспорядками. В

течение межвоенного периода Советский Союз стал маяком надежды для чернокожих американцев, в то время как сторонники превосходства белых с восхищением смотрели в сторону нацистской Германии, которая открыто и гордо пропагандировала расовую ненависть.

Октябрьская революция вызвала повсюду большой энтузиазм. Но был ли этот энтузиазм оправдан? Что смогли на практике осуществить Ленин и большевики? Как Октябрьская революция повлияла на изменения в России и во всем мире? В фильме «Красные», основанном на романе Джона Рида, он в конце концов, разочаровался в увиденном. И, чего вполне можно ожидать от голливудской постановки времен Холодной войны, якобы, так называемые «диктаторские действия» Ленина стали причиной, по которой большие ожидания от революции 1917 года закончились ничем. Якобы, по своей природе первоначально демократическое революционное движение под руководством большевиков было предано их лидерами и выродилось в диктатуру. Неплохой пример пропаганды, но историческая реальность была иной.

Октябрьская революция была не просто стихийным демократическим движением, но и она сама также добилась многого в политическом и социально-экономическом плане. Давайте рассмотрим это.

После того как они пришли к власти, Ленин и большевики немедленно прекратили участие России в Великой войне, чего с огромным нетерпением от них ожидало подавляющее большинство населения. Обратите внимание на то, как абсурдно западная историография отражает это событие.

Ленин, который принес русскому народу желанный мир, рисуется как диктатор. А западные государственные деятели вроде Черчилля, которые хотели удерживать русских в войне против их воли и, следовательно, поддерживали контрреволюцию, прославляются как «великие демократы».

Кроме того, под руководством большевиков быстро последовали социальные и экономические реформы, демократическую важность которых невозможно отрицать. Например, подумайте о разделе земли, ранее принадлежавшей аристократическим и церковным собственникам, между бедными крестьянами. Октябрьская революция положила конец аристократическому, феодальному порядку и объявила

о начале модернизации огромной страны. Быстро был положен конец таким вечным как мир бичам, как неграмотность и мракобесие. Благодаря работе и крыше над головой для всех, бесплатным образованию и здравоохранению, введению пенсий по старости вырос уровень жизни. Модернизация сельского хозяйства (путем механизации и колективизации) и индустриализация, конечно, проходили не безболезненно, но за достаточно короткое время достигли впечатляющих результатов. Кроме того, большое внимание уделялось улучшению положения женщин, например, введением равной заработной платы за равный труд, созданием почти бесплатных яслей и детских садов для работающих матерей, легализацией разводов и абортов. Уверения в том, что советский коммунизм, якобы, был неэффективным, не выдерживают критики – просто невозможно отрицать, что, без преувеличения, самая отсталая страна Европы за какие-то 30 лет, с 1917 по 1947 годы, превратилась в одну из двух мировых сверхдержав. И это несмотря на огромные потери в Первой и Второй мировых войнах. Уже в 1947 году жизненный уровень населения в Советском Союзе был намного выше, чем в 1917-м, и в последующие десятилетия он продолжал расти. Хотя он и не достиг уровня жизни наиболее благополучных кругов в самых богатых капиталистических странах, но был значительно выше уровня жизни большинства чернокожих и бесчисленных бедных белых американцев и во много раз выше, чем уровень жизни миллионов людей в затянутых в капиталистическую систему развивающихся стран. Миллионы детей и внуков безнадежно нищих и неграмотных русских крестьян стали достаточно благополучными рабочими и колхозниками и даже инженерами, учителями, врачами, артистами и так далее.

Широко распространенная, режущая глаз нищета, типичная для дореволюционной России, снова появилась только в 1990-е годы, после реставрации капитализма при Борисе Ельцине. Он организовал, возможно, самое грандиозное мошенничество за всю мировую историю – приватизацию огромного коллективного богатства, созданного нечеловеческими усилиями советского народа в период с 1917 по 1990-й годы с нуля. То, что Советский Союз в конце концов прекратил свое существование, вовсе не было изъявлением воли народа^[24]. На референдуме, который прошел в 1991 году, не менее 3/4 народа проголосовало за сохранение Советского государства, и

сделали они это потому, что его существование было в их интересах. Его развал, легкомысленно подготовленный Михаилом Горбачевым и форсированный крайне недемократичным образом его последователем Ельциным, крайне негативно сказалось на жизни людей. Так что совершенно не удивительно, что и по сей день большинство российского населения плюется при упоминании о Горбачеве и оплакивает гибель СССР, и что в бывших странах Восточного блока, таких, как Румыния и бывшая ГДР, царит ностальгия по старым, вполне даже неплохим временам до развала Берлинской стены. Опросы общественного мнения в России, в бывших республиках СССР и в странах Восточной Европы показывают, что значительная часть населения считает, что жизнь при социализме была лучше. Большую роль в этой ностальгии играет то, что такие жизненно важные социальные завоевания, как здравоохранение, воспитание молодого поколения и образование (включая даже и высшее!) теперь не бесплатны и не дешевы, что снова возвратился детский труд во многих бывших союзных республиках (например, в Узбекистане), и что женщины потеряли большую часть завоеваний, достигнутых при социализме и давших им на деле равноправие в области трудоустройства, условий труда, экономической независимости, которую им обеспечивала система дешевых детских садов и яслей. В бывших социалистических странах теперь хоть и царит «свобода», но, как саркастически сказал один старый восточный немец, на практике эта «свобода» означает в основном «свободу от права на труд, от спокойных и безопасных улиц, от бесплатного лечения, от уверенности в завтрашнем дне».

Нельзя отрицать, что Октябрьская революция и революционные перемены сопровождались насилием и кровопролитием. Однако уместно смотреть на это с определенными нюансами. Колыбель Революции, царская Россия, была государством, печально известным своим жестоким обращением с инакомыслящими. Так что не удивительно, что революционные враги царизма отплатили ему той же монетой. Кроме того, во многих отношениях революция была порождением Первой мировой войны – самого жестокого массового побоища, которое к тому времени испытalo человечество. Несомненно, это нашло свое отражение в жестокостях событий, в которые были вовлечены огромные массы людей во время революции,

а также во время гражданской войны и иностранной интервенции. Американский историк Арно Майер в своей книге «Фурии. Насилие и террор во французской и русской революциях» также убедительно показал, что, как и в случае с Французской революцией, эти жестокости были в первую очередь связаны не с самой революцией, а с реакцией, направленной против нее, то есть, с контрреволюцией. Наконец, надо учитывать и тот факт, что Советский Союз с самого своего создания и до самого своего конца был осажденной крепостью. Эта не прекращавшаяся иностранная угроза тоже несет ответственность за большую часть внутреннего подавления. Это, кстати, естественно не только для Советского Союза, но и для других стран в период международных конфликтов, когда эти страны считали необходимым ограничивать свободы собственных граждан. Именно так обстояло дело во всех странах, ведущих боевые действия в ходе Первой мировой войны, да и совсем недавно в Соединенных Штатах, где развязывание так называемой «войны с террором» сопровождалось принятием крайне репрессивного «Патриотического акта», настоящего драконовского законодательства, ограничившего гражданские права американского населения. Американский историк и политолог Майкл Паренти в связи с этим кратко обозначил состояние, в котором существовал Советский Союз, как «осадный социализм», «социализм под осадой», то есть, такой социализм, который из-за угрозы извне вынужден быть строгим и «неулыбчивым».

К обвинениям в адрес коммунистических лидеров Советского Союза тоже надо подходить со здоровой долей скептицизма. Такие историки, как американцы Марк Таугер, Роберт У. Терстон, Дж. Арч Джетти и Гровер Ферр и француженка Анни Лакруа-Риз за прошедшие десятилетия разоблачили бесчисленные выдумки, ложь и полуправду. Многие из этих выдумок уходят корнями еще во времена революции. Они вышли из-под пера русских контрреволюционеров и западных правительств и СМИ. Американский газетный магнат Уильям Рэндолль Херст был одним из главных производителей подобного рода фальшивых новостей. В 1930-е годы нацистские пропагандисты Иозефа Геббельса выдумывали всяческие утки. Во времена Холодной войны их снова взяли на вооружение антисоветские эксперты из ЦРУ и британских спецслужб, среди них такой псевдоисторик, как Роберт Конквест.

Часто это происходило в сотрудничестве с украинскими и другими восточноевропейскими прислужниками германского фашизма, которые в 1944–1945 годах бежали из СССР, чтобы избежать наказания за свои преступления, совершенные ими на службе у нацистов. Наиболее яркий пример такого рода выдумок – это миф о якобы намеренно организованном голоде на Украине. Совсем недавно американский исследователь Гровер Ферр путем досконального исследования источников в ссылках в бестселлере Тимоти Снайдера, вышедшем в свет в 2011 году («Кровавые страны. Европа между Гитлером и Сталиным»), доказал ложность практически каждого утверждения о «советских преступлениях», приведенного в этой публикации. Еще ранее Ферр показал, что гнусная известная речь Хрущева на XX съезде Коммунистической партии СССР от 25 февраля 1956 года о так называемых «преступлениях Сталина» полна лживых утверждений^[25].

Октябрьская революция была не только внутренним русским делом, она как следует взялась и за загнивающий империалистический капитализм. Относительно небольшое число промышленно развитых европейских стран вместе с США и Японией прямым или косвенным способами подчинили себе весь остальной мир. Миллиарды жителей колоний подавлялись, эксплуатировались, а в некоторых случаях даже частично или полностью уничтожались, чтобы обеспечить метрополии сырьем, рынками сбыта, инвестиционным потенциалом, богатыми сельскохозяйственными угодьями, дешевой рабочей силой и так далее. Колонии служили также для того, чтобы сбагрить в них потенциально опасных пролетариев, коих в метрополиях было очень немало, – в качестве солдат, миссионеров или колониальных чиновников, чтобы они там, за счет местных жителей, добились для себя такого уровня благосостояния, о котором они могли только мечтать в своей собственной стране^[26]. Британский экономист Джон А. Хобсон указывал на это явление еще в 1902 году и окрестил его «империализмом». В 1916 году Ленин выдвинул свою теорию новой формы капитализма, которую он развил подробно в своей книге «Империализм как высшая стадия капитализма».

Октябрьская революция, таким образом, вступила в войну не только против эксплуатации и угнетения пролетариев в России и в западном мире мировой капиталистической системой, но и против

империалистической эксплуатации преимущественно цветных народов в колониях. Социалистические партии и профессиональные союзы в таких империалистических странах, как Франция, США, а также Бельгия и Нидерланды никогда не делали этого. Эти реформистские партии, в конце концов, представляли «рабочую аристократию», которая во многом тоже извлекала выгоду из эксплуатации отдаленных колоний и поэтому не проявляла никакой солидарности с их коренными жителями. Русские большевики же, напротив, с самого начала проявили рвение к освобождению колонизированных народов, не только на словах, но и на деле. Революционный эксперимент в России стал вдохновляющим примером для угнетенных народов Индии, Вьетнама и Китая и для борцов за свободу – не только коммунистов, но и националистов – таких, как Хо Ши Мин, Мао Цзэдун, Сунь Ятсен и Мустафа Кемаль Ататюрк.

Освободительные движения в колониях получили не только моральную поддержку, но также и материальную помощь из Москвы. После Второй мировой войны это принесло свои результаты. В то время было повсеместно признано, что победой над Третьим Рейхом Гитлера народы были главным образом обязаны Советскому Союзу, и что это был триумф антиимпериализма над империализмом.

Это стало мощным стимулом для движения за независимость и национальные революции в колониях. Не случайно многие из них обрели независимость вскоре после этой победы. Например, в 1947 году Лондон был вынужден предоставить независимость Индии – жемчужине британского колониализма. Не благодаря ненасильственному сопротивлению Ганди, а потому что британские лидеры понимали, что их стране – истощенной войной и не поддерживаемой американцами, которые надеялись втянуть Индию в свою собственную сферу влияния – в долгосрочной перспективе не удастся справиться с вооруженными индийскими борцами за свободу, которые получали бы поддержку Советского Союза. Также в том, что тогда называлось Индокитаем, сначала французы, а потом и американцы были вынуждены отступить, потому что борцы за свободу пользовались поддержкой не только своего собственного народа, но могли рассчитывать также и на помощь Москвы.

В Латинской Америке Октябрьская революция тоже улучшила судьбу миллионов людей. Волнение и стремление к далеко идущим,

скажем прямо, революционным переменам вскоре распространились из России и на эту часть света. Со времен испанского и португальского завоеваний подавляющее большинство населения – индейцы, негры,metis и другие небелые – жестоко подавлялись там и эксплуатировались, что было благодатной питательной средой для революции. Когда подошла к концу Первая мировая война, Латинская Америка оказалась на грани революционной ситуации. Аргентина пережила в январе 1919 года трагическую неделю забастовок и демонстраций, кроваво подавленных полицией. Эти волнения не были результатом большевистского заговора, как полагало правительство, но они были вдохновлены событиями в России. Также в Чили между 1917 и 1919 годами прошли сотни забастовок. Город Пуэрто-Наталес в отдаленном районе Патагонии временно оказался в руках протестующих рабочих, но вмешалась армия, «восстановила порядок», и ряд вождей восстания были преданы суду. Мексику, Кубу и Колумбию тоже потрясали волнения и забастовки. Снова и снова элита отвечала на эти в основном мирные демонстрации и забастовки репрессиями и кровопролитием, подтверждая тезис Арно Майера о том, что контрреволюция, как правило, была более кровавой, чем сама революция. Но иногда умеренные политики из традиционных олигархий решали преодолеть потенциально революционную ситуацию с помощью скромных политических и социальных реформ. В начале 1920-х годов в таких странах как Чили был сокращен рабочий день, были введены пенсии, оплачиваемые отпуска и другие социальные меры, принятые для того, чтобы предотвратить волнения рабочих. Этими улучшениями своего положения южноамериканские трудящиеся также обязаны Октябрьской революции. Благодаря примеру Ленина и большевиков традиционно неорганизованные трудящиеся в Южной Америке превратились в боевые массы, нагоняющие страх на элиту, вынуждая ее идти на уступки. Так стало возможным впервые со времен конкистадоров достигнуть прогресса в направлении политической и социальной демократии.

Контраст с американской революцией, о которой нам, в отличие от Октябрьской революции, говорят очень много хорошего, просто огромный. Та американская революция была больше похожа на восстание колониальной элиты против правительства в Лондоне. Она принесла свободу и демократию, но только для белого и

преимущественно англоязычного меньшинства. Она привела к «демократии народа господ», как выразился итальянский историк Доменико Лосурдо. Афроамериканцы оставались рабами, собственностью «поборников свободы», но также и «превосходства белых», таких как Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон. Так называемые «краснокожие» подвергались систематическому уничтожению, у них отбирали землю и почти окончательно их уничтижили под девизом «хороший индеец – мертвый индеец». Американский историк Дэвид Э. Стэннард называет это американским Холокостом. Презрение к так называемым «неполноценным» людям проходит лейтмотивом через всю историю американского общества. Именно американский ученый-расист Лотроп Стоддард первым описал небелых как «недочеловеков» – термин, который охотно взяли на вооружение Гитлер и его нацисты: *Untermensch*. В течение Вьетнамской войны американские солдаты уничтожали не только борцов за свободу, но и женщин, и детей – например, бойня в Май Лаи и во многих других местах – под девизом «хороший косоглазый – мертвый косоглазый».

Даже сегодня борьба за равные права афроамериканского населения в США далеко не закончена. То, что все-таки удалось добиться некоторого улучшения, хотя с большим опозданием, тоже было косвенно связано с Советским Союзом. Систематической дискриминации и частым линчеваниям чернокожих людей, в особенности в южных штатах, был, в конце концов, положен конец только в контексте Холодной войны. Американская система расовой сегрегации контрастировала с ситуацией в Советском Союзе – многонациональной стране, которая не допускала дискриминации по признаку пола или цвета кожи, и где расовая дискриминация была конституционно запрещена. «В России я впервые в жизни почувствовал себя полноценным человеком. Там не было никаких предубеждений против цветных, как в Миссисипи или Вашингтоне», – рассказывал афроамериканский певец Пол Робсон после посещения Советского Союза в 1950-е годы. Когда Вашингтон в сговоре с южноафриканским режимом апартеида старательно помогал выслеживать и арестовывать Нельсона Манделу, Москва была самым большим врагом этого режима на международном уровне. Из-за этого Америка потеряла очень много престижа и влияния, особенно в новых

независимых и обычно «неприсоединившихся» странах, бывших колониях. Чтобы избавиться от этого мерзкого пятна на своей репутации, Вашингтон наконец-то был вынужден обращаться со своим чернокожим населением как с гражданами и как с людьми. С момента распада Советского Союза это перестало быть необходимым. И это объясняет, почему не было достигнуто почти никакого прогресса в деле эмансипации афроамериканцев, в том числе и во время восьмилетнего президентства Барака Обамы.

И последнее, но не менее важное: Западная Европа и неевропейские западные страны, такие, как Канада, тоже обязаны значительной частью своей демократии и процветания Октябрьской революции. В течение 1917-1919 годов в результате обнищания, вызванного войной, революционные ситуации были повсюду. От мятежей и братания с «врагом» на фронте солдат дело перешло к забастовкам, демонстрациям и другим гражданским беспорядкам. В Германии это привело к настоящей революции, которую новое социал-демократическое правительство с помощью армии потопило в крови. Однако это правительство было вынуждено пойти на уступки. Были закреплены далеко идущие политические и социальные реформы в конституции нового германского государства, Веймарской республики, сделавшие ее одной из самых прогрессивных и демократических стран в мире. Во Франции и Великобритании также назревала угроза революции. И здесь тоже власти решили провести важные реформы как орудие для тушения революционного пожара, например, был введен восьмичасовой рабочий день. Французская и британская элиты ненавидели такие демократические новшества, и они никогда бы их не реализовали, если бы они не боялись настоящей революции, революции на русский лад. То же самое можно сказать и о других важных демократических реформах за тот же период, которые с большой спешкой были проведены в Бельгии, Нидерландах и Швейцарии. Как писал известный английский историк Эрик Хобсбаум: «Все это было лучше, чем большевизм» для защитников капитализма, которые боялись, что конец уже близок. Волна демократических реформ в конце Первой мировой войны, несомненно, стала крупным шагом вперед в историческом развитии Западной Европы, наконец-то достигшей невиданно высокого уровня демократии и процветания. Нельзя также отрицать, что эти реформы никогда не были бы

проводены, если бы элиты не были так напуганы возможностью повторения Октябрьской революции в своих странах.

Но Октябрьская революция сделала еще гораздо больше для демократии и свободы в Западной Европе. Ведь именно Советский Союз, как государство, ставшее прямым следствием Октябрьской революции, внес самый большой вклад в победу над фашистской Германией во время Второй мировой войны. Как мы увидим в главе 8, именно на Восточном фронте произошел коренной перелом в ходе войны, которую Гитлер, в конце концов, проиграл. Когда Германия напала на Советский Союз, западные союзники были твердо убеждены, что гитлеровский блицкриг закончится на востоке славным немецким триумфом. Но, благодаря Октябрьской революции и последовавшей за ней чрезвычайно быстрой индустриализации страны, Советский Союз стал военной сверхдержавой, что к своему ужасу и позору гитлеровцы в Сталинграде и в других местах. Американский специалист по этому вопросу Сэнфорд Р Либерман даже считает, что Советский Союз, скорее всего, не выжил бы в ходе нацистской агрессии, если бы социально-экономическая система страны не была коммунистической. Но даже и Западная Европа была освобождена от нацистского ига благодаря Советам. Ведь 90 % нацистских войск были прикованы к Восточному фронту, и это было непременным условием успеха высадки союзников в Нормандии и последующего их наступления на Западном фронте, как признавал в минуты откровения американский генерал Эйзенхауэр. Эрнест Хемингуэй верно писал, что «все те, кто любит свободу, очень многим обязаны Красной Армии».

Эта ситуация привела к новой волне политических и социальных реформ после Второй мировой войны, как и в Первую мировую войну это привело к появлению первой волны. С этой второй волной в Западной Европе связано появление такого феномена, как «государство всеобщего благосостояния». «Без Октябрьской революции мы не смогли бы объявить о государстве всеобщего благосостояния на Западе», – писал итальянец, историк Доменико Лосурдо. Именно победа социалистического и антиимпериалистического Советского Союза над капиталистической и империалистической нацистской Германией вызвала столько интереса и энтузиазма по отношению к социалистической «контрсистеме». Это снова встревожило элиты

западных стран, которые неохотно, но были вынуждены проводить реформы, чтобы успокоить взбудораженный пролетариат. Только в этом контексте можно понять, как такой архиконсервативный политик как Уильям Генри Беверидж смог стать «крестным отцом» британского государства всеобщего благосостояния. По той же причине и другие западноевропейские страны после Второй мировой войны получили новую дозу демократии и введение щедрых социальных услуг. Благодаря Советскому Союзу и Октябрьской революции, благодаря Ленину и его большевикам.

Распад Советского Союза в 1990 году имел обратный эффект. Это освободило западную элиту от необходимости быть относительно щедрой к простым людям. Это сделало возможным начать сворачивание «государства всеобщего благосостояния» с его невиданно высокой степенью политической и, прежде всего, социальной демократии. Рональд Рейган в США и Маргарет Тэтчер в Великобритании в 1980 году дали добро этому процессу, но теперь можно было его значительно ускорить. Это означало большой скачок назад во времени, к условиям необузданного капитализма девятнадцатого века, с высокой безработицей, низкооплачиваемой непостоянной работой и практически полным отсутствием социального обеспечения. Так называемый «капитализм с человеческим лицом» вернулся к своей злобной изначальной форме – «капитализма тебе в лицо», как описал это Майкл Паренти.

Это развитие событий несет баснословные богатства все более и более сокращающейся маленькой горсточке населения – 1 %. В то же время оно приводит к растущему обнищанию подавляющего большинства населения земного шара.

Приведет ли это снова к беспорядкам, восстанию, мятежу и – если Маркс был прав! – к революции? Повторится ли история?

Глава 5

Возышение Гитлера

Миф

В 1920-е годы Европа страдала от последствий Великой войны и Октябрьской революции, а в 1930-е годы большой экономический кризис добавил к этому еще большую ложь. Из-за все более тяжелого положения люди разочаровались в кажущейся неэффективной парламентской демократии и стали ожидать спасения от сильных лидеров, которые забрасывали народ обещаниями. По этой причине межвоенный период стал «эпохой диктаторов», честолюбивых и воинственных лидеров вроде Гитлера, Муссолини и других фашистов. Это неизбежно снова привело ко всеобщей войне..

Реальность

Европейская элита была глубоко обеспокоена тем, что ее амбициозный контрреволюционный и антидемократический проект, Великая война, на деле привел к прямо противоположному, а именно, к революции и к еще большей демократии. Но она с этим не смирилась. Чтобы повернуть вспять процесс демократизации и избавиться от революции – ставшей реальностью в таком государстве, как Советский Союз – они повсюду начали поддерживать фашистов и, по возможности, приводить их к власти через интриги и перевороты. Таким образом Гитлер получил власть, с фатальными последствиями для Германии и всего мира.

Ни одна крупная империалистическая держава не была довольна результатами Великой войны. Франция и Великобритания заполучили пальму первенства, но были измучены из-за огромных усилий,

которые им пришлось предпринять для победы. То, что они приобрели бывшие немецкие колонии и, в случае с Францией, вернули себе Эльзас и Лотарингию им казалось недостаточным в качестве возмещения убытков. Германия, проигравшая страна, была ослаблена из-за потери колоний и многих собственных территорий – особенно в пользу нового польского государства – и обязательств платить reparations Франции и Бельгии. И все же эта страна оставалась амбициозной и потенциально агрессивной сверхдержавой. Кроме того, на горизонте появились и новые империалистические державы, а именно, США и Япония. Соперничество и конфликты внутри клуба империалистических держав, которые в 1914 год привели к войне, по-прежнему не были разрешены.

Но и классовый конфликт, который раздирал воюющие страны, так и остался нерешенным. Европейская элита аристократических землевладельцев и промышленно-финансовой буржуазии надеялась в 1914 году с помощью войны побороть революционную опасность и остановить и даже повернуть вспять демократический процесс. Но Первая мировая война закончилась совсем иначе. Вместо того чтобы навсегда покончить с призраком революции, конфликт стал катализатором великой и успешной революции в России. Кроме того, в Германии и в Венгрии тоже вспыхнули революции, хотя они и были потоплены в крови. А когда война подошла к концу, возникли революционные ситуации во Франции, Великобритании, Италии, Бельгии и даже в Нидерландах и в Швейцарии. Элита быстро осуществила политические и социальные реформы в этих странах, например, введение почти всеобщего избирательного права и восьмичасового рабочего дня – чтобы остановить назревающие революции. Это сработало, но привело на практике именно к тому, что элита в Западной и Центральной Европе после Великой войны оказалась в ситуации, когда «доза демократии» в обществе даже повысилась по сравнению с 1914 годом.

Смирились ли главные антагонисты социального конфликта с таким положением дел?

В Западной и Центральной Европе большинство простых людей приветствовало отвоеванные у элиты демократические реформы. Они в большом количестве поддержали социалистов-реформистов, отрекшихся от революции и интернационализма, которые

сотрудничали с элитой в области проведения демократических реформ. Расширение права голоса привело к успеху на выборах реформистских социалистов, которые в результате этого начали принимать участие в правительствах и, таким образом, вместе с профсоюзами получили возможность проводить в жизнь дальнейшие демократические политические и социальные реформы. В Бельгии, например, социалисты под руководством Эмиля Вандервельде успешно сотрудничали с королем Альбертом I и с бельгийской аристократической и буржуазной элитой в проведении реформ. После войны они были вознаграждены за это успехом на выборах и участием в работе правительства. Своей поддержкой социалистов-реформаторов рабочий класс в Западной и Центральной Европе сделал выбор в пользу пути постепенной демократизации и проведения реформ в рамках существующего социально-экономического порядка, в который социалисты-реформисты отныне были полностью интегрированы.

Лишь меньшинство пролетариата поддержало социалистов, которые остались верны идеям революции и интернационализма. Они были солидарны с большевистскими революционерами в России и в значительной степени следовали директивам, которые они теперь получали от Москвы (через Третий Интернационал, Коминтерн). В 1930-е годы число сторонников этого движения, называвшихся «коммунистами», росло. Капиталистические страны были тогда разорены крупным экономическим кризисом, в то время как Советский Союз, напротив, поражал воображение достигнутым им прогрессом.

Мелкая буржуазия, в свою очередь, чувствовала себя под давлением крупного бизнеса – то есть, капитализма крупных компаний и банков, – и потому ее привлекал социализм. Но с другой стороны, она боялась, что это приведет ее к социальному упадку, к пролетаризации. Позже мы увидим, как была решена эта возникшая дилемма.

А что же европейская элита? Дворянство и церковь из-за Великой войны потеряли большую часть своего блеска, что ознаменовалось упадком и крушением германской и австро-венгерской квазифеодальных империй. После войны ведущая роль внутри элиты всюду перешла от дворянства и церкви к индустриально-финансовой буржуазии. Несмотря на демократические реформы, которые ей пришлось провести, чтобы избежать революции, элита по-прежнему

смогла сохранить огромную власть. Теперь уже не столько в парламентах, избираемых более демократично, сколько в неизбираемых центрах власти, таких как армия, дипломатия, судебная власть, высшие чины государственной бюрократии и т. д. И она была полна решимости применить эту силу, чтобы как можно скорее отказаться от так неохотно проведенных ею реформ. Элита надеялась на возвращение к той или иной форме авторитарной системы, существовавшей до 1914 года, и искала способ повернуть время вспять. Симптоматичным для такого развития событий было заигрывание членов аристократических семей с фашистами. Элита также продолжала искать возможность избавиться от революции. В отличие от 1914 года, революция теперь была уже не абстрактным призраком, а вполне конкретной угрозой. Советский Союз, колыбель и источник революции, считался угрозой, потому что он поддерживал революционные изменения во всех капиталистических развитых странах и национальные революции в империалистических колониях. Ведь Москва проводила ярко выраженный антиимпериалистический курс и поддерживала освободительные движения в Азии и Африке – и словом, и делом.

Перефразируя слова Черчилля, элита сначала попыталась задушить дитя революции в его русской колыбели. Почти дюжина стран участвовала в вооруженном вмешательстве в русскую гражданскую войну. Из-за сопротивления, в том числе и их собственных солдат и гражданских лиц, этот проект пришлось сворачивать. О надеждах на то, что большевистский эксперимент провалится сам, пришлось тоже забыть. Вот так и созрела идея «крестового похода» против Советского Союза. А государством, кандидатура которого была наиболее подходящей для этого, стала Германия, все еще могущественная страна, к тому же уже давно одержимая страстным желанием расширения на Восток. Впрочем, пройдет еще много времени прежде, чем будет осуществлена попытка такого предприятия, – которая не случайно получит имя германского императора и крестоносца Барбароссы.

Безусловно, самым важным оружием, которое элита после окончания Первой мировой войны попыталась использовать для достижения своих контрреволюционных и антимонархических целей, было движение, которое стало известно как «фашизм». Эта

многоголовая гидра впервые появилась в Италии и получила там свое имя. Ее наиболее одиозным внешне проявлением был немецкий национал-социализм или нацизм – странный ярлык, скрывающий тот факт, что это движение не имело ничего общего с социализмом, а, напротив, было заклятым врагом всех форм марксистского социализма.

Практика показала уже в 1918–1919 годах, как фашизм может быть полезным элите в свержении революций и в борьбе с демократией. В ноябре 1918 года, когда германский император бежал из страны, а в Германии сложилась революционная ситуация, к власти пришло коалиционное правительство, в котором доминировали реформистские социал-демократы. Это правительство дало военному руководству зеленый свет, чтобы уничтожить становившуюся все более радикальной революцию. Поскольку командование армии не доверяло уже большинству солдат из-за их революционных симпатий, оно расформировало большинство армейских подразделений и вместо этого создало добровольческие корпуса. Они состояли из надежных офицеров и солдат, а также из националистов и правых добровольцев из кругов богатой и мелкой буржуазии, таких, как студенты университетов. Члены этих корпусов переняли милитаристский и консервативный ethos имперской элиты военного времени, и военные среди них считали, что на фронте они обнаружили новую и превосходящую форму социализма, а именно, «социализм окопов». Это был социализм, который переплетался с немецким национализмом – вместо так называемого «еврейского» интернационализма, то есть, это был «национал-социализм». С помощью такого менталитета корпус добровольцев задушил революционные силы в Берлине, Мюнхене и других местах с особой жестокостью. В январе 1919 г., например, были зверски убиты революционные вожди Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Историки не без причины считают эти добровольческие силы «протонацистскими», потому что они послужили образцом для партии, которую Гитлер сформировал в Мюнхене и назвал «национал-социалистической». Немецкая элита, во всяком случае, была под впечатлением от действий этих боевиков-добровольцев. Она пришла к выводу, что такие решительные боевики смогут не только раздавить революцию, но и повернуть вспять демократизацию.

Было ясно, что такие парамилитаристские силы или подобные им организации могут быть особенно полезными для создания и поддержания особого рода авторитарной системы, в которой смогут процветать промышленники, банкиры и знатные землевладельцы.

Элита Италии пришла к такому же выводу несколько позже. В Италии в нее входили кроме промышленников, банкиров и землевладельцев, еще и королевская семья, Ватикан и армейское командование. После Великой войны Италия в течение нескольких лет находилась в революционной ситуации, так называемой *Биеннале Рocco* в 1919–1920 годах. Тогда дело дошло до важных демократических реформ, таких, как введение восьмичасового рабочего дня.

Но затем итальянская версия добровольческого корпуса, жестокие *squadristi* Фашистской Национальной партии Бенито Муссолини, подавили революционное движение. Элита позволила Муссолини прийти к власти через инсценированный марш на Рим, чтобы он осуществил то, чего они от него хотели: ликвидацию демократии, включая всеобщее избирательное право, отмену социальных реформ, таких, как восьмичасовой рабочий день, принуждение рабочих к труду за более низкую заработную плату и наведение среди них жесткой дисциплины, а также ликвидацию как профсоюзов, так и Социалистической и Коммунистической партий. Королевскому дому и знати было позволено сохранить свою власть и богатство и даже увеличить их. С Ватиканом Муссолини заключил Латеранские соглашения. Они положили конец отделению церкви от государства и содержали в себе огромные финансовые и другие преимущества для католической церкви, такие, как законы против развода и привилегированную роль для церкви в системе образования.

Муссолини добился в Италии того, чего европейская элита в 1914 году надеялась добиться путем войны: он повернул часы вспять во многих отношениях к старорежимному времени, ко времени до установления светского итальянского государства в 1860–1870 годах. Для итальянских семей промышленников – таких, как семьи Пирелли и Аньелли – Муссолини, как и следовало ожидать, оказался полезен не только потому, что при нем упраздили социальные достижения, обеспечили низкую заработную плату и ликвидировали рабочие партии и профсоюзы. Его агрессивная программа вооружения также

обеспечивала им выгодные заказы. Более того, его жестокая империалистическая политика обеспечивала Италии колонии и вассальные государства, вроде Эфиопии и Албании. Их сырье, рынки сбыта и дешевая рабочая сила оказались очень полезны итальянским промышленникам.

Не только итальянская, но и вся остальная европейская элита была в восторге от антидемократических достижений Муссолини. Когда в 1926 году в Великобритании произошла всеобщая забастовка, Черчилль пришел в ярость. Он предложил встретить бастующих шахтеров пулеметным огнем и сказал, что Муссолини «оказал миру великую услугу, продемонстрировав, как надо сражаться с подрывными силами». Черчилль хвалил итальянского диктатора, называя его «римским гением» и прежде всего за то, что он был оплотом против коммунизма. Два других представителя британской элиты, которые не скрывали своего восхищения Муссолини – Дэвид Ллойд Джордж и генерал Дуглас Хейг. После посещения фашистской Италии последний заявил, что «нам нужен кто-то подобный Муссолини в нашей собственной стране».

Муссолини также произвел большое впечатление на немецких промышленников. Немецкие добровольческие отряды сделали полезное дело для элиты, подавив революцию, но ей по-прежнему мешала «эта отвратительная, чрезмерно демократическая Веймарская республика». Она очень надеялась на появление «немецкого Муссолини», который освободил бы ее от всего этого бремени демократии. Этот спаситель появится на сцене несколько позже, в 1933 году, в лице Адольфа Гитлера. Прежде чем мы рассмотрим появление и карьеру этого первого среди равных в рядах фашистов, мы хотим, однако, отметить, что Муссолини пришел к власти не благодаря поддержке итальянского народа, но благодаря поддержке итальянской элиты. Мы увидим, что и в случае с Гитлером это так же.

После 1919 года немецкие промышленники, такие как Густав Крупп, Гюго Стиннес и Фриц Тиссен, получили гораздо больше политического влияния, чем аристократы и крупные землевладельцы, игравшие в Германии ведущие роли до 1914 года. Но в послевоенной Веймарской республике они смогли избежать революции только путем ее жестокого подавления и проведения в жизнь демократических реформ. Поэтому элите приходилось считаться с интересами

пролетариата, его профсоюзов и партий – реформистской социал-демократической СДПГ и новой коммунистической КПГ. Консервативные буржуазные партии, представляющие интересы немецкой элиты, вряд ли могли конкурировать на выборах с популярными социалистами и с коммунистами. Но они себе нашли партнеров в реформистской социалистической СДПГ, в ряде мелкобуржуазных либеральных партий и в лице крупной консервативной католической Центристской партии^[27]. Таким образом можно было формировать различные правительственные коалиции в течение многих лет, в то время как КПГ была изгнана в ряды оппозиции. Но как долго это могло продолжаться? И что произойдет, если СДПГ и КПГ когда-нибудь помирятся и вместе сформируют левое правительство? Промышленники очень беспокоились по этому поводу. Кроме того, в Веймарской республике профсоюзы также играли определенную роль: работодатели, к их сильному недовольству, должны были считаться с требованиями своих работников по поводу заработной платы, рабочего времени и других нежелательных для них социальных расходов. Немецким промышленникам, таким образом, была очень не по душе демократическая Веймарская система, и они мечтали о режиме во главе с сильным лидером, который разделял бы их видение мира.

На фоне болезненного поражения Германии в Первой мировой войне, революций в России и Германии и подъема хрупкой Веймарской демократии, на сцену немецкой истории в Мюнхене вышел бывший фронтовик Адольф Гитлер. Он взял на себя руководство поначалу незначительной ультраправой партией, которую он окрестил как Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP) (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) – совершенно неуместное и вводящее в заблуждение название. Ни сам Гитлер, ни его друзья по партии не были рабочими. Гитлер был сыном богатого австрийского таможенника. Кроме того, Гитлер испытывал отвращение ко всему социалистическому. Он понял, однако, что дух времени был антикапиталистическим и даже революционным, и что социалистический ярлык, отождествление себя с рабочими и революционные речи были полезными для того, чтобы хорошо выглядеть в глазах простого народа, чтобы получить его поддержку и его голоса на выборах. Гитлер не был ни демократом, ни защитником

народного дела, он был демагогом и популистом, который манипулировал народными массами. Гитлер сознательно и систематически искал поддержки у крупных промышленников. В разговорах с промышленниками, банкирами, помещиками, высокопоставленными военными, а также другими богатыми и влиятельными немцами, которые, как и он сам, всей душой ненавидели социализм, Гитлер подчеркивал, что целью его партии было не что иное, как разрушение и уничтожение «марксистского видения мира», и что он знал, как можно отвлечь рабочих и вообще рядовых немцев от марксистских интернационалистических идей – этого «немецкого» социализма, который ввел их в искушение. Эти аргументы произвели на представителей элиты большое впечатление, потому что, как уже было сказано, консервативные политические партии, отстаивающие их интересы, не могли добиться хороших результатов в рамках системы, основанной на всеобщем избирательном праве. Человек, который был готов учитывать их интересы и в то же время имел возможность получить народные голоса на выборах, казался им весьма приятным и полезным. Также произвел на них впечатление и тот факт, что Гитлер был готов очень решительно действовать против коммунистов, социалистов и других левых элементов.

Поэтому неудивительно, что Гитлер быстро начал получать финансовую и иную поддержку от значительного числа промышленников с хорошо известными именами, таких как Фриц Тиссен, Хьюго Стиннес, Эмиль Кирдорф и Эмиль Ганссер. Видные представители других «колонн» немецкой элиты также благословили его, например, генерал Эрих Людендорф. Гитлер начал даже получать поддержку от иностранных банкиров и промышленников, особенно из Швейцарии и из США, например, от пресс-магната Уильяма Рэндольфа Херста, от автопроизводителя Генри Форда, от Уолтера С. Тигла, генерального директора компании «Стандарт Ойл» и от Дюпона, главного исполнительного директора одноименного треста.

Однако многие промышленники и представители высшей буржуазии и дворянства не проявили никакой положительной реакции на попытки сближения со стороны Гитлера. Они считали ниже своего достоинства связываться с австрийским эмигрантом из мелкобуржуазного и потому низшего сословия, и по-прежнему не

доверяли его «социалистической» партийной программе и его «антикапиталистической» и «революционной» риторике. На партийно-политическом уровне они оставались лояльными традиционным консервативным и либеральным партиям. И все же финансовая поддержка со стороны крупного бизнеса и банковских финансистов была для Гитлера чрезвычайно важна, потому что это был единственный способ поддерживать и сохранять его партию. Взносы членов партии были недостаточны для того, чтобы покрывать высокие расходы^[28]. И для того, чтобы добиться крупной победы на выборах, «выручка» по-прежнему была недостаточной. Как подчеркивал в своей книге *«La democrazia: Storia di un'ideologia»* итальянский историк Лучано Канфора, тогда, как и в наше время, приходилось «фабриковать» результаты выборов. Это требовало вложения огромных сумм, а такого капитала НСДАП еще не могла наскрести. Ситуация кардинально изменилась, когда в конце 1929 г. разразился мировой экономический кризис, который особенно сильно ударил по Германии. Только тогда Гитлер действительно стал интересен большинству крупных немецких промышленников и банкиров и элите всей страны вообще. Тогда он стал в их глазах потенциально сильным лидером, способным и готовым решить как экономические, так и политические проблемы приемлемым для элиты способом.

Вместе с Великой депрессией на горизонте снова появился призрак революции. Многие немцы, особенно фабричные рабочие, которые тогда еще составляли примерно половину от общей численности работающего населения, рассматривали мировой экономический кризис как предсмертную агонию капиталистической системы и стали задумываться о революции на русский лад: тогда многие из них вышли из рядов СДПГ и вступили в КПГ. Нижние слои среднего класса – фермеры, канцелярские работники, мелкие самозанятые, лавочники, низшие чиновники, учителя и т. д. – напротив, боялись социального упадка и пролетаризации. Они все больше поддавались соблазну со стороны гитлеровского национал-социализма – то есть, псевдосоциалистической и псевдореволюционной идеологии, которая во всех проблемах винила не саму капиталистическую систему, а евреев, коммунистов, международных plutokратов и прочих козлов отпущения.

Кроме того, нацисты в своих «социалистических» и «антикапиталистических» речах рисовали для простых людей картину так называемого эгалитарного народного общества (*Volksgemeinschaft*), в котором все немцы стали бы *Volksgenossen* («народными товарищами») – общественно полноправными и равноправными членами «народа господ» (*Herrenvolk*), который, якобы, был на голову выше всех других народов, особенно евреев и прочих «недочеловеков» (*Untermenschen*). Все больше и больше представителей мелкой буржуазии покидали партии среднего класса и присоединялись к гитлеровской НСДАП. От этого они ожидали больших выгод, таких как закрытие так называемых «еврейских» крупных магазинов, которые конкурировали с мелкими лавочниками, субсидий фермерам и малым предпринимателям, снижения процентных ставок по кредитам, чтобы освободиться от навязанного банками «процентного рабства» и так далее.

С этого момента НСДАП стала единственной праворадикальной партией, которую поддерживала значительная часть простого народа. Многие рабочие также мечтали о том, чтобы стать мелкими буржуа, и они, наряду с безработными, тоже соблазнились пением нацистских «социалистических» сирен.

Однако рабочие внутри НСДАП всегда были мало представлены по сравнению с их долей в населении. Победы на выборах НСДАП осуществлялись не за счет рабочих партий (СДПГ и КПГ), а за счет традиционных буржуазных партий. Несмотря на свое название, НСДАП никогда не была настоящей трудовой партией.

Конечно, немецкие промышленники и банкиры поддержали нацистскую интерпретацию кризиса с его, главным образом, еврейскими козлами отпущения, предпочитая ее левому и, прежде всего, коммунистическому объяснению, которое обвиняло в кризисе капитализм, а значит, и капиталистов, то есть, их самих. Они надеялись, что Гитлер получит достаточное количество голосов на выборах хотя бы для того, чтобы не позволить левым завоевать большинство. Более того, им было ясно, что если Гитлер придет к власти, то он осуществит для них все то, чего они ожидали и о чем мечтали. Их дела шли не так уж плохо и во время кризиса – они продолжали получать прибыль, но она могла бы быть больше, гораздо больше. Например, автомобильный сектор ожидал многого от

крупномасштабной программы перевооружения. Но перевооружение нарушало Версальский договор, а это было рискованным делом как для традиционных веймарских партий, так и для левых. Однако Гитлер ясно дал понять, что в случае его прихода к власти на него можно было рассчитывать для проведения такой внешней политики. Он рисовал перед нетерпеливыми немецкими промышленниками – и банкирами, и генералами, и помещиками – не только выгодную программу перевооружения, но также и агрессивную реваншистскую внешнюю политику, которая уничтожила бы результаты поражения 1918 года и реализовала бы все огромные амбиции немецкой элиты 1914 года. Германия смогла бы отвоевать потерянные территории, а, возможно, и завоевать новые зарубежные земли, богатые сырьем. И под руководством Гитлера Германия также захватила бы необъятные территории Восточной Европы, с ее сырьем, ее плодородными землями, ее неисчерпаемым запасом дешевой рабочей силы и многим другим – этот *Lebensraum* («жизненное пространство») для миллионов немецких *Volksgenossen*, которые колонизировали бы эти восточные земли. Некое современное повторение германского средневекового движения *Drang nach Osten*, так напоминающее завоевание Дикого Запада американцами. Было очевидно, что реализация этих планов повлекла бы за собой уничтожение Советского Союза, но это их не смущало. Немецкая элита презирала эту колыбель международного коммунизма так же, как и сам Гитлер.

Планы Гитлера в социальной сфере также радовали элиту.

В многочисленных письмах и речах он разъяснял промышленникам, что при его политике профсоюзы станут бессильными, что собственники и управляющие будут полноправными хозяевами своих компаний, что заработка плата не будет расти, что количество рабочих часов будет расширено, а социальные издержки будут резко сокращены.

Так что разразившийся великий экономический кризис усилил полезность Гитлера в глазах все большего числа представителей немецкой промышленной и финансовой элиты, которые ранее игнорировали его. С этого момента из их толстых кошельков потекло гораздо больше денег в партийную кассу НСДАП. Эта все более щедрая финансовая поддержка сделала возможными его первые успехи на выборах. Впервые это произошло в сентябре 1930 года,

когда НСДАП резко увеличила свое количество мест в Рейхстаге – с 12 до 107. Информированные наблюдатели в то время сообщали, что такие метаморфозы на выборах для НСДАП и ее превращение в массовую партию были бы невозможны без финансовой поддержки со стороны промышленников, банкиров и других богатых и влиятельных людей. Прорыв на выборах для партии нацистов, как говорится в конфиденциальном докладе французскому правительству, «стал возможным благодаря большой финансовой поддержке со стороны крупных промышленников». Американское посольство в Берлине сообщало в Вашингтон, что «Гитлер несомненно пользуется существенной финансовой поддержкой среди определенных крупных промышленников».

Гитлер получал не только финансовую поддержку от крупного бизнеса Германии. Одним из многих влиятельных людей, которых он привлек на свою сторону, был крупный владелец средств массовой информации Альфред Гугенберг. В его руках находилась почти половина немецкой прессы, ему принадлежала и собственная кинокомпания UFA, которая в кинотеатрах показывала еженедельную «Хронику текущих событий». Гугенберг использовал для создания положительного образа Гитлера и распространения его, чтобы всё большее число немецких граждан начало воспринимать фюрера как уважаемого политика, государственного деятеля и даже будущего канцлера.

Однако некоторые промышленники и банкиры по-прежнему презирали Гитлера как вульгарного высокочку. Они все еще не доверяли его «социалистическим» и «революционным» речам и потому предпочитали консервативных политиков. Но Гитлер смог привлечь на свою сторону также многих из тех, кто сомневался в его идеях, раскрыв истинную программу своей партии на лекции для промышленников 27 января 1932 года в Дюссельдорфе. Он начал ее с отрицания того, что НСДАП выступала в защиту прав рабочих и преследовала социалистические цели. Затем он сказал, что твердо верит в неприкосновенность частной собственности. А потом перешел к объяснению одной из своих любимых тем: авторитарного принципа «подчинения вождю» (*Führerprinzip*), принципа, который он применял в своей партии – и который его последователи применяли как можно шире в своих компаниях. Он собирался сделать тот же самый принцип

применимым и к государству. Как управление компанией нельзя доверить рабочим, говорил Гитлер, так и управление государством не должно быть возложено на народные массы, как это полагается при демократии. Зная, что для его слушателей это было как мед для пчел, Гитлер подчеркивал, что демократия в политике совпадает с общественной собственностью на предприятия, другими словами, с коммунизмом, и, наоборот, частная собственность в экономике, то есть капитализм, соответствует авторитарной политической системе. Гитлер пришел к выводу, что демократическая система Веймарской республики должна была быть заменена диктатурой, чтобы надежный, сильный лидер мог сделать то, что должен был сделать – ради блага промышленности, конечно. Единственный сильный человек в Германии, на которого промышленники могли рассчитывать, – это он сам, утверждал оратор. И Гитлер обещал сделать то, чего ожидали сторонники такой диктатуры и чего они не могли ожидать от Веймарской демократии: истребить марксизм и уничтожить Советский Союз, навязать немецким рабочим железную дисциплину и проводить экономическую политику, которая будет направлена на повышение прибылей. Речь Гитлера произвела огромное впечатление и вызвала настоящие цунами финансовых взносов в его партию^[29].

Во многом способствовал тому успеху, которого Гитлер добился среди крупных немецких капиталистов, его антисемитизм. Именно с помощью антисемитизма Гитлер и другие нацистские лидеры прояснили природу такого явления, как так называемый «социализм» НСДАП, для промышленников, предпринимателей и банкиров. «Антиkapitalizm» гитлеровского национал-социализма не был направлен против немецкого «создающего» капитализма (*«schaffendes»*), а только против еврейского «жадного» капитализма. «Социализм» Гитлера был также и «национал-социализмом», т. е. немецким социализмом, который не имел ничего общего с марксизмом и не имел к нему никакого отношения, который выступал против интернационалистического, международного социализма, «пагубной идеологии», придуманной Марксом, евреем. «Революция», к которой направлял Гитлер, означала бы конец как «еврейского капитализма», так и «еврейского марксистского социализма». Такой революции «творческим» капиталистам, к которым относились крупные немецкие промышленники, было нечего бояться.

Антисемитизм Гитлера – который, кстати, он разделял с бесчисленным множеством других немцев, но также и со многими французами, англичанами и другими европейцами и американцами – показал себя особо полезным, даже незаменимым для него. Он сделал возможным для него быть «социалистом», чтобы пожинать электоральные выгоды без того, чтобы мешать антимарксистам распространять в народе «антиkapиталистические» разговоры без ущерба для капиталистов и проповедовать «революцию» среди тех, кто ожидал много хорошего от неопределенных революционных перемен, не пугая тех, кто выступал против революции.

Таким образом Гитлер стал получать все больше и больше финансовых взносов от промышленников и банкиров. В 1932 году французские спецслужбы писали в сотнях сообщений о том, что Гитлер и его партия располагали почти неограниченными финансовыми ресурсами, которые были предоставлены им благодаря «финансовой поддержке крупных промышленников».

Поэтому неудивительно, что выборы, состоявшиеся в июле того же года, увенчались триумфом для НСДАП. Заполучив 230 мест в Рейхстаге, она стала самой крупной партией Германии. Но большинства у нее еще не было, и до поры до времени страной продолжали править хрупкие коалиции центристских партий. Многие влиятельные консервативные личности, среди прочих Франц фон Папен, честолюбивый консерватор-монархист и католический политик из Центристской партии, а также президент Пауль фон Гинденбург, высокопоставленный военный благородного происхождения, который презирал Гитлера как «богемского капрала», продолжали надеяться, что будет возможно не допустить левых к власти без того, чтобы обращаться за помощью к этому вульгарному выскочке.

6 ноября 1932 года, после очередного политического кризиса, снова состоялись выборы. Но вместо того, чтобы завоевать большинство, на этот раз НСДАП понесла тяжелое поражение – партия Гитлера потеряла 34 места, а число поданных за нее голосов снизилось с более чем 37 % до примерно 31 %. Не менее двух миллионов избирателей повернулись к НСДАП спиной! Кроме того, во время выборов партия растратила столько средств, что оказалась по уши в долгах. КПГ, с другой стороны, завоевала 100 мест и почти 17 % голосов, добившись поразительного успеха. В своем дневнике Геббельс сокрушался, что

партийная касса была пуста, что НСДАП вот-вот развалится, что он сам и все остальные нацистские боссы пребывали в «глубокой депрессии», и что Гитлер подумал о самоубийстве.

У промышленников и других представителей немецкого истеблишмента зародился страх, что козырная карта в виде Гитлера, которую они до сих пор не решались разыграть, выскользнет из их рук навсегда, что немецкие граждане повернутся спиной к НСДАП в поисках реальных левых социалистических партий, и что для коммунистов следующие выборы могут оказаться еще более успешными. Было похоже на то, что сценарий «судного дня», описанный американским журналистом Хубертом Р. Никербокером осенью 1932 года в статье, опубликованной в престижной либерально-буржуазной газете «Воссише Цайтунг», на самом деле воплотится в жизнь. Никербокер писал: «Если Гитлер не придет к власти, то его сторонники в народе отвернутся от его партии. Они объединятся с коммунистами и с настоящими социалистами из СДПГ. (...) Они свергнут капитализм [в Германии]»^[30]. Чтобы предотвратить эти «Сумерки богов», самые могущественные и богатые люди Германии должны были принять срочные меры. И они это сделали, в основном за кулисами.

Через несколько месяцев Гитлер стал главой германского правительства.

Твердое ядро прогитлеровски настроенных богатых и влиятельных людей образовалось из членов клуба под названием Keppler-Kreis («Кружок Кепплера»). Среди них был основатель клуба Вильгельм Кепплер и другие промышленники, такие как Альберт Фоглер из Vereinigte Stahlwerke, и Рудольф Бингель из Siemens, и такие землевладельцы как граф Готфрид фон Бисмарк, и банкиры вроде Эмиля Мейера из Dresdner Bank, Фрица Рейнхарта из Commerzbank и Курта фон Шредера из кельнского Bankhaus J.H. Stein. Еще один банкир, печально известный Яльмар Шахт, который с 1923 по 1930 годы был президентом Рейхсбанка, стал движущей силой этого объединения, цель которого состояла в том, чтобы создать правительство во главе с Гитлером.

После выборов в ноябре 1932 года «Кепплер-Крайс» сделал все возможное для назначения Гитлера президентом Гинденбургом в качестве рейхсканцлера, несмотря на его поражение на выборах. Или,

еще точнее, именно из-за этого поражения. Шахт и его друзья считали, что настал момент «сейчас или никогда», потому что с Гитлером все пошло под откос, и, возможно, на следующих выборах он уже был бы полностью выведен из игры. Шли лихорадочные переговоры с фон Папеном. Он долго отказывался им подыгрывать, но все же, наконец, после встречи с Гитлером на кельнской вилле банкира фон Шредера 4 января 1933 года согласился помочь убедить Гинденбурга.

30 января 1933 года президент предложил Гитлеру возглавить коалиционное правительство. В него вошли еще только два нациста, Герман Геринг и Вильгельм Фрик – и не случайно, это были нацистские боссы, имевшие тесные связи с крупным бизнесом. В новом правительстве было большинство видных консервативных политиков, таких как Альфред Гугенберг и фон Папен, который стал вице-канцлером. Предполагалось, что консервативные министры, представители немецкой элиты, будут настоящими правителями, которые и станут определять политический курс, а Гитлер обеспечивал бы поддержку народа. «Мы завербовали Гитлера!» – радовался фон Папен в этот роковой для Германии – и для всего мира! – день.

Такие исторические факты убийственны не только для нацистского мифа о том, что Гитлер, якобы, захватил власть совершенно самостоятельно, но также и для мифа, что он пришел к власти демократическим путем, якобы, потому, что за него проголосовало большинство немецкого народа. Нацисты праздновали захват Гитлером власти демагогическим путем так, как будто это была революция. Но Гитлер был приведен к власти не народом и не ради народа, не через различные массовые народные сходы и демонстрации, сопровождающиеся или не сопровождающиеся насилием, какими обычно характеризуется революция, а, как подчеркивал Герберт Аптекер в своей книге, через интриги контрреволюционной и антидемократической элиты. Элита также воспользовалась в своих интересах правлением Гитлера. Давайте посмотрим, как.

Прежде всего, мы должны отметить, что Гитлер оказался не простой марионеткой, как ожидала элита. Гитлер постепенно избавился от фон Папена и других консервативных господ в своем кабинете и взял всю власть в свои руки и в руки своих однопартийцев. Когда президент Гинденбург умер в 1934 году, Гитлер, кроме канцлера, стал также и

президентом, а, следовательно, главой государства – это в высшей степени неконституционный механизм.

Однако никакого протеста со стороны военной верхушки не последовало, и тем самым нацистская диктатура стала фактом. Гитлер вывел немецкий истеблишмент из игры в политике, но во всех остальных областях он оправдал ожидания этой элиты. У нее имелось много причин, чтобы быть довольной тем, что она, как выразился немецкий историк Курт Госсвайлер, выбрала Гитлера и его партию в качестве «идеологического и политического ударного отряда для достижения своих целей».

Прежде всего было покончено с так ненавидимой элитой демократией. Германия теперь была диктатурой, режимом, который стал еще более авторитарным, чем была империя до 1918 года. Не могло больше быть и речи о всеобщем праве голоса, не было даже необходимости голосовать, за исключением случаев проведения референдумов без обязательств. Политические партии страны были распущены, коммунистические и социал-демократические распустины первыми. Их лидеры и многие из их членов, в конечном итоге, оказались, как и все другие политические смутьяны, в концлагерях. Истеблишмент смотрел на все это с одобрением и теперь уже мог мечтать, что Гитлер рано или поздно искоренит революцию и на международном уровне, расправившись с Советским Союзом. О том, что он планировал что-то подобное, он уже объявил между строк в «Майн Кампф», когда писал там о необходимости для немецкого народа заполучить «жизненное пространство» в Восточной Европе.

В социальной сфере демократия тоже закончилась. Профсоюзные объединения были распущены, а забастовки теперь были запрещены. Была снижена заработка плата, продлен рабочий день, а об участии в управлении компанией рабочим нечего было даже мечтать, хотя так было в Веймарской республике. В каждой компании теперь правил тот же принцип, что и в гитлеровском Третьем Рейхе в целом, а именно, *Фюрерпринцип*, принцип подчинения вождю. То есть, владелец или менеджер компании снова стал полным и абсолютным хозяином в своем бизнесе, получив титул *Betriebsführer* («вождь предприятия»), и пользовался неограниченной властью над работниками, которые были сведены до уровня безымянной массы – *Gefolgschaft* («верных последователей»). Промышленники, банкиры и землевладельцы были

на седьмом небе от счастья. Но также и католическая и протестантская церкви, потому что для их финансовой выгоды отныне государство вынуждало немцев платить церковные налоги. Гитлер также проводил экономическую политику, которая благоволила к промышленникам и банкирам и вообще к патронату. Он взялся за экономический кризис, который был, по существу, дисбалансом между растущим предложением и недостаточным спросом, при помощи курса, который можно было бы назвать «военным кейнсианством». «Спрос был стимулирован через массовые государственные заказы, особенно на танки, самолеты, грузовики и все виды другого оружия и военной техники. Это было именно то, о чем мечтали крупный бизнес и высшие финансовые круги, потому что это означало рост производства и увеличение прибыли для компаний, таких как «Крупп», «Хехст», «Сименс», ИГ «Фарбен», и кредиты для банков. Поскольку на самом деле у Гитлера не было достаточно средств, чтобы оплатить все эти закупки, он должен был на широкую ногу брать кредиты у таких банков, как Dresdner Bank и Deutsche Bank, которые начисляли за это высокие проценты. Специалисты по экономической истории Третьего Рейха, такие как англичанин Адам Тузе и немец Марк Шперер, описывают ситуацию как «взрыв прибылей». Факты опровергают то, что так любят говорить некоторые историки, например, американцы Генри Эшби Тернер, Питер Хейс и другие апологеты притязаний крупного бизнеса Германии, а именно: что Гитлер, якобы, навязал свою волю немецким банкирам и промышленникам с тем, чтобы они любой ценой выполняли его приказы. Если бы это было так, то нацисты не стали бы вежливо обращаться в банки за кредитами, и уж точно им не пришлось бы платить высокие проценты, которые требовали банкиры. Это не Гитлер навязал свою волю крупным компаниям и банкам, это были именно крупные компании и банки, которые получили от нацистского режима то, что хотели. При гитлеровском так называемом «социалистическом» и «анти-капиталистическом» нацизме не процветали ни рабочие, ни другие наемные работники, ни мелкая буржуазия, ни крестьяне, а только капиталисты, крупный бизнес Германии, наряду с их партнерами внутри элиты, например, землевладельцами.

В Третьем Рейхе наметилась тенденция к продолжению экономической концентрации, которая развернулась еще с конца

девятнадцатого века.

Крупные компании и банки уже доминировали в Германии, когда Гитлер пришел к власти в 1933 году. В последующие годы власть и привилегии крупного бизнеса еще увеличились. Это тенденция к экономической концентрации и капиталистическому гигантизму или «монополистическому капитализму» в то же время проявлялась и в странах, где не было фашистов у власти, например, в США. Это показывает, что нацизм – и фашизм вообще – не мешал развитию капитализма и не искажал его, и что капитализм при нацизме мог развиваться более или менее нормально. Более того, именно при нацизме немецкий капитализм в 1930-е годы впервые попробовал добиться своих главных целей – максимизации прибыли и приобретения капитала, как пишут в своих работах эксперты по экономической истории Третьего Рейха Кристоф Бухгейм и Йонас Шернер.

Это миф, что партия Гитлера была «социалистической», а Третий Рейх, якобы, был «антиkapitalistическим». Гитлер сдержал данное им промышленникам и банкирам обещание, что он будет соблюдать всяческое уважение к частной собственности. Нацисты не были коммунистами, они не обобществляли средства производства. Существующие классовые отношения и установленный социальный порядок не были ими изменены. Те, кто находится на самом верху социальной иерархии, остались на своих тепленьких местечках; а те, кто осел в самом ее низу, там же и остались, трудясь рабским трудом и горестно вздыхая. Немецкая капиталистическая система осталась нетронутой, немецкие капиталисты занялись «золотым бизнесом». Вопреки утверждениям некоторых историков, капиталистической системе, существовавшей в Германии, никогда не угрожали гипотетические нацистские планы в отношении смены частных компаний государственными предприятиями. Государственные предприятия, например, завод имени Геринга (Reichswerke Hermann Göring) были созданы только в таких случаях, когда они были очень важны для программы перевооружения, но их низкий потенциал рентабельности делал их неинтересными для частного сектора. Четырехлетний план нацистов отнюдь не был инструментом для централизованного экономического планирования, такого, как почти одноименные планы в Советском Союзе, но служил для

стимулирования и синхронизации производства частных компаний, которые были вовлечены в программу перевооружения. Этот план позволил крупным компаниям, таким, как ИГ «Фарбен», еще больше контролировать немецкую экономику. Перевооружение и подготовка к войне, конечно же, тоже требовали тесного сотрудничества с нацистским режимом и с армией, что неизбежно привело к усилению государственного вмешательства и к милитаризации экономической жизни, к тенденции, которая в течение войны будет только усиливаться. Но немецкая экономическая система осталась капиталистической, и для крупных компаний и банков стало возможным получить еще большую прибыль. Упомянутые выше эксперты Бухгейм и Шернер утверждают, что экономическая система нацистов не характеризовалась централизованным планированием и вмешательством государства, но при этом оставалась ориентированной на свободный рынок. А британский историк Аллан С. Милуард подчеркивает, что экономика при Гитлере «оставалась исключительно областью частного капитализма».

Гитлеровское государство было основано элитой и действовало на ее благо. Вовсе неправда, будто бы Третий Рейх был своего рода государством всеобщего благосостояния, в котором немецкие рядовые граждане катились как сыр в масле за счет элиты, как утверждают историки вроде немецкого автора Гоца Али. Не надо обманываться на этот счет только из-за того, что при Гитлере повысилась заработка плата до вычисления налогов, особенно заработка рабочих, чьи услуги были очень востребованы в контексте программы перевооружения. На самом деле, чистая покупательная способность рабочих упала из-за того, что цены при этом резко выросли и, например, в 1938 году они уже были на 20, а то и на 25 процентов выше, чем в 1933 году, когда Гитлер пришел к власти. Если уровень чистой заработной платы в 1933 году принять за 100 %, то этот показатель упал до 94,4 % в 1938 году. В частности, резко выросли цены на продовольствие, так что немецкая рабочая сила была заметно хуже накормлена, чем рабочие времен Веймарской республики. Чистая покупательная способность также упала за счет официальных или неофициальных, но обязательных взносов, подлежащих уплате для нацистских операций по оказанию помощи армии, таких как «Зимняя помощь», и для членских взносов в какие-то из более чем 100

нацистских организаций, которые росли как грибы после дождя. В результате всего этого немецкий рабочий в 1936 году получал на 20 процентов меньше, чем в 1928-м (последний год перед началом Великой депрессии). В Третьем Рейхе Гитлеру уровень жизни наемных работников так никогда и не поднялся до уровня 1928–1929 годов. Даже в конце 1930-х годов, когда началась программа перевооружения, и не было больше безработицы, бесчисленные немцы все еще жили в удручающей нищете.

Заработка плата также упала в процентах от национального дохода. В 1933 году заработка плата составляла 63 % ВВП, в 1938 году – только 57 %. Таким образом, заработка плата упала, а прибыли заметно и быстро выросли. Эти два события были связаны между собой, и у них было общее происхождение: нацисты сохранили заработную плату на как можно более низком уровне, чтобы помочь своим друзьям, хозяевам банков и больших компаний, максимизировать свою прибыль. Благодаря Гитлеру и его приспешникам германский капитал смог, таким образом, заполучить больший кусок от пирога ВНП.

Кроме того, гитлеровский режим продлил рабочий день. Вскоре после захвата Гитлером власти рабочие уже должны были работать на три-четыре часа дольше в неделю, чем в годы, предшествовавшие 1933-му. В 1933 году немецкие рабочие работали в среднем чуть меньше 43 часов в неделю, но в 1939 году уже в среднем до 47 часов.

Мелкой буржуазии также жилось в Третьем Рейхе не слишком сладко, хуже, чем в Веймарской республике, – и уж точно гораздо менее благополучно, чем они сами ожидали. На самом деле, она в большом количестве поддержала НСДАП и надеялась, что гитлеровский режим будет благосклонен к ней, поддержав ее как против капиталистов, со стороны которых она чувствовала давление, так и против пролетариев, которых она считала ниже себя. Но в Третьем Рейхе мелкая буржуазия жила ничем не лучше наемных рабочих.

Из обещаний Гитлера, например, о понижении банковского процента и т. д. и о том, что станет меньше конкуренции для владельцев магазинов со стороны больших магазинов, ничего не было выполнено. Заказы и прибыль от его программы перевооружения уходили в большие компании, а не в руки маленьких бизнесменов.

Напротив, чтобы помочь финансировать эту программу, нацисты вводили все новые и более высокие налоги, что означало тяжелый удар для малых предпринимателей. Бесчисленное множество мелких бизнесменов зарабатывали все меньше и меньше денег, были вынуждены закрывать свой бизнес и пополнять ряды наемных работников. Пролетаризация, которой они так боялись, и страх перед которой привел их к вступлению в нацистскую партию, стала для многих членов мелкой буржуазии реальностью после прихода нацистов к власти.

Аналогичная участь постигла и немецких крестьян. Их тоже не слишком-то отблагодарили за поддержку нацистов. Режим предоставлял субсидии и другие льготы крупным землевладельцам, потому что они были тесно связаны с Гитлером. Но из обещанных земельных реформ, которые пошли бы на пользу большинству мелких фермеров, ничего не было реализовано. С целью предотвращения того, чтобы промышленникам пришлось платить рабочим более высокую заработную плату, нацисты заморозили цены на сельскохозяйственную продукцию. Это, конечно же, было осуществлено за счет мелких производителей, тем более что крупные компании могли заплатить более высокие цены за сельскохозяйственную технику, удобрения и все то, что было нужно сельскохозяйственным рабочим. И многие из них тоже разорились и были вынуждены искать оплачиваемую работу.

В 1936 году, когда Гитлер находился у власти уже три года, немецкий национальный доход распределялся так же неравномерно, как и в годы до Первой мировой войны, причем гораздо более неравномерно, чем это было в Веймарской республике. Верхние 10 процентов населения получали почти такую же долю из этого дохода, как и в 1913 году, но доля дохода наименее обеспеченной половины населения, которая в 1928 году составляла 25 процентов, сократилась до 18 процентов. Так что для рабочих, служащих, фермеров и мелких предпринимателей Третий Рейх принес не прогресс, а заметный упадок.

Политическая, социальная и экономическая эмансипация низших классов в Европе началась с Французской революции. В XIX веке этот процесс демократизации достиг большого прогресса, причем в основном через революции, подобные тем, что произошли в 1848 году. Он достиг своего пика вместе с Русской революцией. Именно она

заставила власти многих стран после Первой мировой войны провести политические и социальные реформы, чтобы предотвратить осуществление планов тех, кто становились все более и более радикальными в поисках перемен. Именно эта ситуация породила на свет Веймарскую республику – одну из самых демократических стран в мире.

Ее население пользовалось всеобщим избирательным правом, пропорциональным представительством и существенными социальными услугами. Это не была какая-то демократическая нирвана – консервативная, антидемократическая элита продолжала доминировать там и искала авторитарного лидера, но рядовые немцы и немки еще никогда прежде не достигали такого прогресса.

В лице Гитлера элита нашла своего человека, и Третий Рейх представлял собой огромный шаг назад по сравнению с Веймарской республикой. Гитлер не испытывал ничего кроме презрения к самой идее «свободы, равенства, братства», к демократии, пацифизму, либерализму и социализму. Третий Рейх означал «гигантскую контрэмансипацию», выражаясь словами итальянского философа и историка Доменико Лосурдо. Никогда раньше движение за освобождение низших классов не получало такой сокрушительный удар, который, кроме всего прочего, был нанесен человеком, утверждавшим, что он, якобы, говорит от имени народа, человеком, который осмелился называть свои идеи «социалистическими», а свою партию – «рабочей».

Этот разгром многочисленных «маленьких» немцев был триумфом для относительно незначительного числа «больших» немцев, прежде всего для представителей крупного бизнеса и высших финансовых кругов. Так что не удивительно, что они были «почти единодушны в своей поддержке режима и гордились его достижениями», как писал американский историк Джон Гиллингем. Многие «маленькие» немцы были очень недовольны тем, что с ними обращались при нацистском режиме именно так, как они того боялись, или просто потому, что Гитлер не дал им того, чего они от него ожидали. Большинство людей, однако, адаптировались и помалкивали. Причина этого была проста: малейшая попытка выражать недовольство, протестовать и бастовать могла привести к потере работы или аресту гестапо, а, может быть, и вовсе к пребыванию в концлагере. Кроме того, нацисты развернули

массовую пропаганду для того, чтобы убедить немцев в том, что они никогда еще не жили так хорошо. К самой эффективной пропаганде относится деятельность организации «Крафт-дюрш-Фройде», а также знаменитый проект Volkswagen («народный автомобиль»). Это заставило сотни тысяч мелких вкладчиков поверить в то, что благодаря фюреру они скоро смогут в своем собственном маленьком автомобиле ездить по автобану. Многие из них отреагировали тем, что они именовали *Selbstunterwerfung* («надежда на себя»): они убеждали себя, что у них все хорошо при Гитлере. Даже гораздо позже, в 1950-1960-е годы, многие немцы все еще верили, что Гитлер на самом деле был не так уж плох для самих немцев, даже и для простых людей, и что он совершил ошибку, «только» убив евреев и развязав войну.

Гитлер пришел к власти вовсе не при помощи или поддержке большинства немцев, и для большинства немцев – 99 процентов вместо 1! – нацистский режим не принес никакой пользы, только много горя. Но слишком многие немцы – из всех классов – позволяли себе использовать, приспосабливались или не оказывали никакого сопротивления. Они помогали Гитлеру, пассивно или активно, написать эту темную, самую позорную страницу в истории их страны. Но представление о том, что Гитлер действовал демократическим путем, другими словами, что он был приведен к власти немецким народом, и что его Третий Рейх был своего рода «государством всеобщего благоденствия», в котором рядовые немцы жили как у Христа за пазухой – это миф, который сильно искажает действительность.

Глава 6

Вторая мировая война: война Гитлера?

Миф

Гитлер хотел развязать войну, планировал ее, готовил, провоцировал ее начало, лично вел эту войну и, в конце концов, проиграл. И он несет ответственность за ужасные военные преступления, совершенные Германией в период с 1939 по 1945 год. Крупные немецкие компании, производящие необходимое оружие, и банки, которые финансировали те самые гитлеровские масштабные и дорогие программы вооружений своими кредитами, были принуждены это сделать, и поэтому после войны их оставили в покое.

Реальность

Немецкие промышленники и банкиры считали, что война принесет им большую пользу. Они хотели войны и привели Гитлера к власти, среди прочего, потому, что они знали, что он не отступит и начнет эту войну. На его программе вооружения и на войне, которую он спровоцировал, они заработали огромные деньги, и тем самым они сами сделали себя соучастниками его невиданных преступлений.

Существовало две причины, по которым немецкая элита привела Гитлера к власти в 1933 г.: первая состояла в том, что на него можно было смело рассчитывать в деле ликвидации всех форм политической и социальной демократии, как мы уже видели в предыдущей главе, вторая состояла в том, что он был готов начать войну. Почему это было им нужно?

В предшествовавший 1914 году период французская элита хотела реваншистской войны против Германии, чтобы избавиться от травмы,

полученной во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов и, как следствие, чтобы вернуть себе Эльзас и Лотарингию, которые по итогам той войны вошли в состав Германии. После 1918 года именно немецкая элита желала развязать еще одну войну из-за позорного поражения в Великой войне и унизительного для нее Версальского договора. Но это должно было стать намного больше, чем только расплата. Это было также намерение окончательно осуществить империалистические амбиции, достичь того, что мотивировало их еще в 1914 году, как продемонстрировал Фриц Фишер, один из самых известных немецких историков XX века в своей книге *Griff nach der Weltmacht* («Схватка за мировую власть»). Немецкая элита хотела не только вернуть себе территории, которые Германия потеряла по Версальному договору, но и заполучить новые в Восточной Европе и России. Их привлекало там неограниченное количество плодородных земель, дешевая рабочая сила и важные сырьевые ресурсы, такие как нефть. *Остланд* должен быть стать для Германии тем, чем Индия была для Британии, тем, чем Дикий Запад был для Соединенных Штатов. Более того, война должна была установить германскую экономическую гегемонию над странами, не находящимися под ее прямым или косвенным политическим контролем, например, Нидерландами, Бельгией и даже Францией.

Помещики и буржуазные промышленники, банкиры могли мечтать о такой войне, потому что их страна, несмотря на понесенные потери, все еще была очень сильна, в то время как Франция и Британия вышли из Великой войны очень ослабленными. Как и Гитлер, элита тоже верила в «легенду о кинжале», согласно которой Германия потерпела поражение в Великой войне только из-за предательства еврейских и других «негерманских» революционеров. Если эти подрывные элементы будут уничтожены, а германская армия, несмотря на ограничения, наложенные на нее в Версале, будет расширяться и укрепляться, обеспечив себя современным оружием, то в грядущей войне наверняка будет одержана победа. Однако в условиях демократии, подобной Веймарской республике, с преимущественно умеренными государственными деятелями либерального или социал-демократического типа, такой сценарий никогда не сможет быть реализован. Вот почему элита помогла Гитлеру прийти к власти. Он был готов нарушить Версальский договор и начать войну.

Как только он пришел к власти, Гитлер действительно начал крупномасштабную программу перевооружения армии, которую желала элита. Это, конечно, пришлось по вкусу и все еще преимущественно аристократическим генералам, и промышленникам, которым получили заказы на вооружении армии, и банкирам, у которых Гитлер брал займы для оплаты этих гигантских военных заказов, чтобы уплачивать дорогие счета промышленников. В результате этого расходы увеличили государственный долг Германии между 1933 и 1936 годами с 2,95 до 12 миллиардов рейхсмарок (RM). После этого долг стал расти еще быстрее – до 14,3 млрд в 1937 году, до 18 млрд. в 1938 году и до 30,8 млрд. в 1939 году^[31]. Согласно кейнсианской теории, этой проблемы можно и нужно избежать с помощью соответствующего налогового бремени на огромные прибыли компаний и банков, однако промышленники и банкиры привели Гитлера к власти, чтобы он помогал им максимизировать их прибыли, а не минимизировать их.

Однако долговое бремя не могло продолжать расти вечно, эту проблему рано или поздно надо было как-то решать. И Гитлер, и заправили промышленности и банковского дела знали, каково было единственное приемлемое для них решение: война, в которой Германия одержит победу, а проигравшие заплатят за это. Так что эта война должна была стать беспощадной грабительской войной. Другие фашистские и квази-фашистские режимы тоже рассматривали грабительскую войну как средство предотвращения экономических кризисов и поддержания рентабельности крупных компаний и банков. В 1930-х годах Италия Муссолини развязала войну против Эфиопии, а Япония напала на Китай.

Так что война готовилась не только для удовлетворения экстравагантных амбиций 1914 года и восполнения потерь 1918-го, но и для того, чтобы не допустить финансового краха Рейха. По этой причине с началом войны надо было поторопиться, а страна, на которую нужно было напасть, должна были обладать значительным богатством. Члены высших финансовых кругов и крупного бизнеса в нацистской партии прекрасно знали, что это за страна – Советский Союз.

В этой гигантской стране было все, чего хотела немецкая элита: огромные территории и богатые сельскохозяйственные угодья для

производства дешевого продовольствия, с помощью которого, даже при низкой заработной плате, немецкие рабочие смогли бы жить достаточно неплохо, чтобы избежать социальных волнений; все виды важного сырья, в том числе нефть, в которой промышленно развитый Рейх испытывал острый дефицит; и неограниченный запас дешевой рабочей силы, преимущественно славянских «недочеловеков», которых можно эксплуатировать как рабов, сколько душе угодно. Это покорение бескрайнего российского пространства помогло бы снять социальное напряжение в густонаселенной метрополии – Германии, избыток «плебеев» из которой можно было отправить колонизировать земли *Остланда*. Также высшие прелаты Католической церкви, третий «столп» внутри немецкой элиты, лелеяли вместе со своим начальством в Ватикане большие надежды. В результате победоносного наступления германских войск иезуиты смогут дойти до самого Урала, чтобы обратить русских в «истинную веру». Бывшие православные христиане, конечно же, будут от этого в восторге, ибо незадолго до этого «бездожные большевики» «насильно совали им под нос свой атеизм».

Что еще более важно, Советский Союз был воплощением ненавистной революции и источником вдохновения для революционеров в Европе и во всем мире. Как и Гитлер, бесчисленные члены немецкой элиты были приверженцами теории иудео-большевизма, которая проповедовала, что коммунизм – и марксизм в особенности! – это идеологическое оружие, с помощью которого, якобы, низшая еврейская раса пытается подмять под себя высшую арийскую расу. Советский Союз был ничем иным, как «*Rusland unter Judenherrschaft*» («Россией под еврейским господством»), как выразился Гитлер, презренным и опасным государством, которое срочно нужно было уничтожить. И это было очень легко сделать, считал он. Советский Союз, якобы, был коррумпирован и слаб в военном отношении. Так что война будет не только грабительской, из которой можно извлечь много выгоды, но это будет также и война с «благородной целью» – это будет крестовый поход против революции. Неудивительно, что Гитлер для этой войны выбрал в качестве кодового наименования имя германского императора-крестоносца – Барбаросса.

Все вышесказанное не означает, что по поводу предстоящей войны не существовало никаких разногласий между Гитлером и банкирами,

промышленниками, знатными землевладельцами и генералами. У них были большие и малые, важные и тривиальные расхождения во мнениях по вопросам, таким, как темпы оружейной программы, союзники, которых хотела для себя немецкая сторона, и способ, которым должна была вестись война. Например, Гитлер уволил банкира Яльмара Шахта потому, что тот хотел осуществлять оружейную программу обычным способом финансирования, что сделало бы ее осуществление менее быстрым, чем того хотели Гитлер и его окружение, в частности, его «экономический царь» Герман Геринг. А в 1939–1940 годах горстка генералов подумывала о том, чтобы свергнуть Гитлера при помощи государственного переворота, потому что они считали, что его военные планы – массированное наступление на Польшу, в то время как французские и британские армии были сосредоточены на западной германской границе – нереальны и потенциально катастрофичны.

После того как Польша была завоевана без какого бы то ни было выступления французов и британцев из-за линии Мажино, заговорщики отказались от своих планов.

Это немецкое нападение на Польшу в сентябре 1939 года было эффективным началом войны, которую Гитлер обязан был развязать от имени германской элиты. Великобритания и Франция тогда объявили Германии войну. Но это был не тот сценарий, который изначально был на уме в Берлине. Там действительно намеревались начать войну в 1939 году, но это должна была стать война против Советского Союза, с Польшей и Британией в качестве нейтральных зрителей, или, возможно, даже союзников. Тот факт, что этот сценарий не удался, был в значительной степени связан с политикой умиротворения, проводимой Парижем и Лондоном. Ее цель на самом деле состояла в том, чтобы спровоцировать нападение Германии на Советский Союз, но ее контрпродуктивным результатом стал пакт Гитлера-Сталина (Молотова-Риббентропа) от августа 1939 года, о котором мы подробнее поговорим в следующей главе.

Победа над Польшей была мелочью по сравнению с тем поражением, которое Германия нанесла Франции и странам Бенилюкса весной 1940 года. Этому невиданному триумфу предшествовало завоевание Норвегии и Дании, которое сопровождалось победами в Югославии и Греции. В 1941 году началось долгожданное нападение

на Советский Союз, операция «Барбаросса». Однако этот «Осткrieg» («Восточная война») не принес великой победы, на которую надеялись. Напротив, он нес в себе семена катастрофического поражения Третьего Рейха. Однако это стало ясно только по окончании Сталинградской битвы, в феврале 1943 года. Но при этом значительная часть огромного Советского Союза в течение нескольких лет оставалась оккупированной нацистами.

Районы, которые Германия потеряла в результате поражения в 1918 году, такие как Эльзас-Лотарингия и Эйпен-Мальмеди, теперь снова стали частью немецкого Хаймата («родины»). Теперь Рейх стал больше, чем был в 1914 году, включив новые территории, такие как Австрия, Судеты и значительная часть Польши. В 1914 году немецкая элита мечтала об экономическом господстве над другими европейскими странами. После побед над Польшей и Западной Европой и первоначальных впечатляющих успехов на восточном фронте дела у Германии шли даже лучше, потому что теперь она управляла гигантской экономической зоной от Атлантического побережья Франции до предгорьев Кавказа.

В этой большой европейской экономической зоне немецкие компании и банки пользовались огромными привилегиями. ИГ «Фарбен», «Крупп», «Дойче Банк» и конsortам разрешалось устранять конкурентов в оккупированных странах или взять на себя управление ими на особо выгодных условиях. Оккупированные страны, кроме того, стали рынками сбыта, и они обладали сырьем, которое немецкая промышленность теперь могла использовать. Они должны были поставлять это сырье по ценам и на условиях, которые – как и обменный курс рейхсмарки – немцы устанавливали с выгодой для себя. И последнее, но не менее важное: оккупированные страны вынуждены были поставлять немецким фирмам неограниченные объемы дешевой рабочей силы, по сути, для принудительного труда.

Этими фантастическими возможностями для бизнеса воспользовались прежде всего крупнейшие немецкие фирмы и банки. Например, Deutsche Bank в оккупированной Бельгии смог получить от Société Générale и Petrofina всякого вида акции югославских банков, люксембургских металлургических заводов и румынских нефтяных трестов, чтобы продать их немецким клиентам.

Во Франции Deutsche Bank получил большую сумму денег за платежи, которые Германия наложила на эту страну в качестве условия перемирия летом 1940 года. Deutsche Bank утроил объем своей деятельности во время войны и, таким образом, стал крупнейшим банком на европейском континенте.

Когда в июне 1941 года началось фашистское нападение на Советский Союз, немецкая элита ликовала. Она ожидала, что победа через несколько месяцев станет свершившимся фактом. Вслед за первыми триумфами Вермахта представители крупных немецких компаний намеревались прибрать к рукам завоеванные территории Советского Союза, включая его заводы, нефтяные скважины и другие трофеи, на которые можно было претендовать, как они это уже делали раньше в Польше и в Западной Европе. Герингу, наиболее связанному с бизнесом и финансовым миром из всех приспешников Гитлера, было поручено прибрать к рукам богатства Советского Союза в сотрудничестве с крупными компаниями и поставить их на службу Германии. На практике это сводилось к тому, что все это богатство через нацистский режим попадало в руки немецких компаний и банков.

Например, Круппу был отдан Ленинградский металлургический завод, тогда как Hoesch AG получила в качестве подарка Киев и его окрестности. IG Farben приобрела контроль над всеми объектами, производящими синтетическое топливо. И в сотрудничестве с Deutsche Bank, IG Farben создала фирму Kontinentale Öl AG, которая стала обладателем нефтяной промышленности Советского Союза.

Однако нацисты не могли позволить себе, чтобы широкая немецкая публика заметила, что завоевание Советского Союза пошло бы не на пользу рабочим, которым, как полагалось, будет позволено осваивать восточное «жизненное пространство», как это в красках описывал Гитлер в «Майн Кампф», а на пользу промышленной и финансовой элите и землевладельцам. Следовательно, были созданы Ostgesellschaften, «восточные» совместные предприятия нацистского государства и частного сектора, финансируемые такими банками, как вездесущие Deutsche Bank, Dresdner Bank и Commerzbank.

Часть прибыли от этих Ostgesellschaften шла в фонды нацистского государства, чтобы скрыть безрисковой характер этого бизнеса для частных компаний, участвующих в нем, которым разрешалось

эксплуатировать советские активы, доставшиеся им, по своему произволу.

IG Farben и Deutsche Bank с нетерпением ждали, когда в их руках окажутся нефтяные скважины Кавказа. Они намеревались передать эти скважины в руки своего совместного предприятия, Kontinentale OI AG, которое принести несметные прибыли. На самом деле нацистский режим отчаянно нуждался в этой нефти, потому что в ходе блицкрига пришлось растасчить военные силы по фронту на многие тысячи километров, и он продолжал уходить все дальше и дальше в бесконечное российское пространство. Германия начала операцию «Барбаросса» с запасами топлива, которых было достаточно только на период от шести до восьми недель, потому что она была твердо убеждена, что Красная Армия за это время капитулирует. После этого владение нефтяными скважинами Кавказа и другим сырьем и богатствами завоеванного Советского Союза гарантировали бы нацистской Германии успешное ведение дальнейшей войны против каких бы то ни было оставшихся еще врагов.

За исключением начальной стадии, война против СССР, однако, пошла совсем не по плану. Советы понесли тяжелые потери, но через несколько месяцев уже не было никакой надежды на то, что они выбросят белый флаг, как на то рассчитывали в Берлине. Нацистские армии стали продвигаться вперед все медленнее и медленнее! И мощное контрнаступление со стороны Красной Армии 5 декабря 1941 года положило конец не только нацистского блицкрига на Востоке, но и всей стратегии блицкрига, которая должна была стать ключевой для окончательной победы немцев. Войска Гитлера все еще находились очень далеко от нефтяных скважин Кавказа, и он и его генералы поняли, что они не смогут выиграть войну.

Пятое декабря 1941 года стало подлинным поворотным моментом Второй мировой войны. На следующий день Япония атаковала Перл-Харбор. Гитлер начал подумывать об объявлении войны Соединенным Штатам (что он и сделает 11 декабря), в надежде на то, что его союзники в Токио в благодарность за это откроют второй фронт против СССР, что поможет ему спасти его шкуру.

Но Токио не отреагировало так, как ему хотелось бы. Вот так и случилось, что нацистская Германия не только не спаслась от беды на Восточном фронте, но и, кроме того, у него появился новый

могущественный враг, дядя Сэм. Было ясно, что армия нового противника сможет угрожать Рейху военным путем только гораздо позже. Но самым непосредственным негативным последствием в результате этого решения для Германии стало то, что она отныне больше не могла импортировать американскую нефть (через нейтральную Испанию и оккупированную Францию), как это делалось раньше. Это еще более ухудшило обстановку с топливом для ведения моторизованной войны.

Однако все это не означало конца иллюзий по поводу Советского Союза у немецкой элиты. Кроме самого Гитлера и его генералов – да еще некоторых хорошо информированных иностранных источников, таких, как Ватикан и швейцарская разведка, никто еще не понимал, что Германия теперь обречена проиграть войну. Остальной мир поймет это только после Сталинградской битвы. Но уже с лета 1941 года стало ясно, что эксплуатация Советского Союза не станет никаким новым Эльдорадо. Советы использовали тактику выжженной земли, так что немцам доставались только разрушенные или пустые заводы. Кроме того, за растянутые линии коммуникаций шла смертельная партизанская война. Это обескуражило многих потенциальных инвесторов. И все же ряд немецких компаний попробовал искать свое счастье в «земле обетованной», особенно когда не нужно было вкладывать в это большие суммы, и когда имелась дешевая рабочая сила. Ярким примером этого была производящая сигареты фирма Reemtsma, которая освоила обширные табачные поля Крыма и использовала рабский труд женщин и детей для уборки табачного листа.

Дешевая рабочая сила была самой ценной добычей Германии в результате операции «Барбаросса». Принудительный труд этих рабочих можно было использовать на месте, как сделала, например, Reemtsma на Крымском полуострове, но можно было и депортировать рабочих в Германию. Там лучше всего можно было использовать их на фабриках и фермах. После фиаско блицкрига на полях сражения в Советском Союзе остались миллионы немцев, которые застряли на Восточном фронте вместо того, чтобы вернуться на свои рабочие места в Германии, и поэтому в Рейхе возник серьезный дефицит рабочей силы. По идеологическим соображениям нацисты не решались на использование женского труда на фабриках, как это

делалось в США и в Великобритании. Вместо этого они искали выход в крупномасштабном завозе иностранных рабочих, главным образом из Советского Союза и других стран Восточной Европы. Меньшинство из этих иностранных рабочих (общее число которых в конечном счете превысило 12 миллионов) было добровольцами, но подавляющее большинство из них были насильно вывезены в Германию для работы на фабриках или фермах.

Эти депортированные были подневольными рабочими, фактически рабами, которых разместили в жалких бараках, мало и плохо кормили, они часто подвергались насилию и были вынуждены работать подолгу за мизерную зарплату или вообще без компенсации. Подневольные работники были относительно неэффективны, но они имелись в изобилии и были очень покорными, потому что эсэсовцы обеспечивали железную дисциплину. Для крупных компаний, которые стремились использовать или, скорее, злоупотреблять использованием принудительного труда, он был чрезвычайно дешевым. Это внесло огромный вклад в максимизацию прибыли, что можно хорошо проиллюстрировать на примере IG Farben. Прибыль этой фирмы возросла в той же мере, в какой упали ее затраты на рабочую силу. В середине войны благодаря труду подневольных рабочих фирма получала ежегодной прибыли на каждого рабочего примерно на 1000 РМ больше, чем в довоенные годы.

Иностранные подневольные рабочие в основном работали на фабриках, которые производили военную технику, в частности, IG Farben, Siemens & Halske, de Deutsche Waffen- und Munitionsfabriken (DWM), Daimler-Benz, BMW, Messerschmitt и Klokner. Некоторые компании создавали заводы специально вблизи от концлагерей с намерением использовать рабский труд людей, которые находились там в ужасных условиях. В обмен на небольшую оплату эсэсовцы также следили за необходимой дисциплиной, а эти заключенные лагерей работали буквально до смерти. Так, Хейнкель использовал труд заключенных ораниенбургского концлагеря, а Сименс, среди прочего, использовал труд женщин, заключенных в тюрьму Равенсбрюк, завод Даймлер-Бенц в Генсхагене использовал труд заключенных концлагеря Заксенхаузен, а BMW под Мюнхеном получал своих рабочих из Дахау.

Самым ужасным примером был печально известный лагерь уничтожения людей Освенцим. В нескольких километрах оттуда, в деревне Моновиц, была огромная фабрика «Буна-Верке». Это было совместное предприятие эсэсовцев и IG Farben, финансировавшееся Deutsche Bank. Тысячи людей, заключенных в Освенциме – среди них были не только евреи, но также цыгане и бесчисленные советские заключенные – принуждались там к труду в нечеловеческих условиях. «Сименс» и «Крупп» также пользовались рабским трудом заключенных в Освенциме.

Давайте рассмотрим случай Освенцима-Моновица в контексте войны против Советского Союза и той роли, которую сыграли немецкие компании и банки в этом конфликте. Для нацистского режима провал блицкрига на Востоке очевидно стал военной катастрофой. Для ИГ «Фарбен» фиаско на Востоке означало потерю крупной инвестиции. Но это фиаско также обеспечило гиганта немецкой нефтехимической промышленности новыми возможностями. Теперь, когда стало ясно, что Рейх не сможет в ближайшее время прибрать к рукам нефть Советского Союза, он нуждался в синтетической нефти и резине более, чем когда-либо прежде. А разве такие продукты не были главной специальностью – практически монополией – ИГ «Фарбен»? Фирма получила беспрецедентную возможность, чтобы максимизировать прибыль, и именно в Освенциме эта прибыль была получена. Отдаленное польское местечко стало символом тесного сотрудничества между нацистским государством, представленным эсэсовцами, и крупным немецким бизнесом. Обе стороны выиграли от этого партнерства. Нацисты собирали в лагере золото с обреченных на смерть людей и на это золото покупали у находящегося тут же по соседству ИГ «Фарбен» синтетическую нефть и каучук, необходимые для того, чтобы продолжать вести войну и тем самым оттянуть свой крах как можно дольше. ИГ Фарбен, со своей стороны, нашел в лице лагерных заключенных дешевую рабочую силу, необходимую компании для производства синтетических материалов и получения таким образом огромной прибыли. То, что такая организация процесса означала гибель для сотен тысяч евреев, цыган, советских военнопленных и других заключенных, приветствовалось нацистами и игнорировалось крупным бизнесом.

Дети, старики и все те десятки тысяч людей в Освенциме, которые были непригодны к работе, немедленно отправлялись в газовую камеру. Остальные должны были трудиться в Буна-Верке и других местах до тех пор, пока не падали замертво. К тому же, из-за того, что их недостаточно кормили, они подвергались воздействию холода и жары, и с ними часто очень плохо обращались, ежемесячно умирала примерно пятая часть заключенных. Но мертвые тоже были полезны для нацистов и для компаний и банков, которые помогали нацистам совершать эти преступления, пусть даже и путем торговли награбленным. С трупов снимали одежду, собирали деньги, драгоценности, часы, волосы и особенно золото, даже в виде вырванных у них золотых зубных коронок. Обреченные на смерть люди могли что-то «принести» путем вивисекции и других экспериментов, которые представляли интерес для исследований в интересах немецкой промышленности.

Торговля золотом, которое нацисты украли у своих жертв, принесла много денег не только им, но и немецкому частному сектору. Это должно было помочь финансировать войну, потому что во время войны курс рейхсмарки упал, а германские валютные запасы были исчерпаны настолько, что иностранные поставщики соглашались продолжать поставки только в обмен на золото. Эсэсовцы передавали золото Рейхсбанку, чтобы продать его за границу или самим Рейхсбанком в национальные банки Швейцарии и Португалии, или Deutsche Bank банкам на «свободном рынке», например, в Турции, что позволяло филиалу банка в Стамбуле получить хорошие комиссионные. Компанией, которая переплавляла золото из лагерей в слитки, была «Дегусса», которая, по словам специалиста по истории этой фирмы, Питера Хейза, получала на этом огромные прибыли. Так что немецкие компании и банки заработали немалые деньги на торговле «кровавым золотом», которое нацистам было необходимо для ведения войны.

Большинство исторических книг и документальных фильмов помалкивают об этом, но как обстоят дела с прибылью, полученной немецкими промышленниками и банкирами во время войны? Оправдала ли их ожидания война, которую, как они надеялись, Гитлер развязет? Ответ на этот вопрос должен быть утвердительным. Особенно в первые годы конфликта их кассы наполнялись прибылью. В 1940 году эта прибыль была высока, как никогда ранее. ИГ

«Фарбен», например, еще до войны, благодаря тесному сотрудничеству с нацистским режимом увеличила свою прибыль до 47 миллионов РМ в год в 1933 году, но в 1940 году, спустя год после начала войны, она получила рекордные прибыли в размере 298 миллионов РМ, а 1941 год стал еще лучше с 316 миллионами. В 1942 году наблюдался упадок до «всего лишь» 266 миллионов, что, вероятно, является отражением фиаско блицкрига в Советском Союзе, но в 1943 г. прибыль снова составила около 300 миллионов РМ, затем в 1944 году упала до 148 миллионов, по данным немецкого историка Дитриха Эйхгольца.

Тот факт, что компании получали такие прибыли в военное время, смущал нацистские власти. Они боялись, что публика будет недовольна, и что точно так же, как было во время Первой мировой войны, она в конечном итоге обернется против тех, кто наживался на войне, а заодно и против их нацистских дружков. Берлин чувствовал себя обязанным увеличить корпоративный налог с 40 до 50 процентов в середине 1941 года, и с 50 до 55 процентов в январе 1942 года. Вырученные средства должны были пойти на войну с Советским Союзом. Эта война продолжала тянуться и поглощала огромное количество денег, тем самым подорвав немецкую экономику. В результате прибыльность крупных предприятий в 1941–1942 годах значительно снизилась, хотя она и оставалась, согласно отчетам, «достаточно высокой». Между тем, такие компании, как Volkswagen, производитель самолетов «Юнкерс» и ИГ «Фарбен» также прилагали все усилия к тому, чтобы минимизировать свою прибыль, которую они должны были декларировать для уплаты налогов, например тем, что часть этой прибыли они реинвестировали в модернизацию собственной инфраструктуры, на что налоговое управление смотрело сквозь пальцы. И почти все компании платили меньше налогов путем создания таких скрытых резервов через снижение стоимости активов.

С 1939 по 1945 год, то есть, во время войны и благодаря ей, немецкие компании зарегистрировали получение немалых прибылей. Факторами, которые сыграли в этом важную роль, были чрезвычайно высокий объем бизнеса, многочисленные случаи грабежа на оккупированных территориях, низкие налоги и низкие затраты на заработную плату. Безусловно, «лучшим» способом снизить затраты на рабочую силу и тем самым значительно увеличить доходность было

использование уже упомянутых иностранных подневольных рабочих. Но война была еще и удобным предлогом заставить немецких рабочих трудиться за более низкую заработную плату в течение более долгого рабочего дня. В то время как цены продолжали расти вплоть до 1945 года, заработка плата в среднем оставалась на том же уровне (она иногда падала, но иногда и увеличивалась из-за нехватки определенных видов работников). За ту же зарплату немцам приходилось работать все дольше и дольше. В 1939 г. немецкий рабочий в среднем работал 47 часов в неделю. Это уже было значительно больше, чем в 1933 году, когда Гитлер пришел к власти. В течение войны этот средний показатель продолжал увеличиваться, в большинстве случаев до 56,57 или 58 часов, часто до 60 часов, а иногда и до 70 часов в неделю! Это тоже позволило увеличить прибыль компаний и обеспечить то, что на долю капитала приходилась еще большая доля немецкого ВНП в ущерб рабочим.

Многочисленные американские корпорации имели дочерние предприятия в нацистской Германии, эту тему мы подробнее обсудим в главе 11. Эти филиалы также преуспевали благодаря Гитлеру. Ведь у них нацистский режим тоже заказывал очень много продукции, особенно такого вооружения, как грузовики и самолеты. Они тоже смогли максимально увеличить свою прибыль за счет снижения их расходов на заработную плату, благодаря использованию дешевой рабочей силы и регressive политики в отношении заработной платы и рабочего времени. Прибыль компании Ford-Werke, кельнского филиала крупнейшего американского автопроизводителя Ford, выросла с 1,2 млн RM в 1939 году до 1,7 млн в 1940 году, до 1,8 миллиона в 1941 году, до 2 миллионов в 1942 году и до 2,1 миллионов в 1943 году. Среди других американских филиалов, которые заработали много денег благодаря войне, были Dehomag, дочерняя компания IBM, которая работала на нацистов, поставляя им перфокарточные машины, с помощью которых можно было учитывать количество заключенных в лагерях. Зингер, известный своими швейными машинками, во время войны в Германии стал крупным производителем пулеметов. Производитель автомобилей Opel в Рюссельсхайме, дочерняя компания General Motors, тоже отличилась тем, что поставляла нацистам все виды военной техники.

В 1943 году нацистские власти сообщили, что прибыли американских дочерних компаний в Германии с начала войны достигли астрономических высот – и их прибыль останется на этой высоте до самого конца конфликта. Речь при этом шла о чистой прибыли, потому что в этом случае нацисты также не стали вводить более высокие корпоративные налоги, несмотря на то, что они иногда угрожали сделать это. С самого начала и до конца войны нацисты делали все возможное, чтобы платить жалованье рабочим как можно меньше, а прибыль компаний сделать насколько возможно выше. Другими словами, они продолжали делать то, что делали уже до войны – удовлетворять интересы промышленников, банкиров и других столпов элиты, которые привели их к власти в 1933 году.

Почти все крупные немецкие компании и филиалы американских и других иностранных компаний максимизировали свои прибыли во время войны с помощью использования рабского труда. Неужели нацисты заставили их сделать это? Разве другие работники были недоступны? Насколько плохи были на самом деле условия труда, ночлег и питание этих «рабов»? Подобные вопросы уже были предметом многочисленных дискуссий. Немецкие историки, такие, как Марк Шпурер, защищают компании, даже когда они признают, что нацисты не заставляли их использовать иностранных рабочих. Он утверждает следующее: производство военной техники действительно было очень прибыльным бизнесом, но во время войны из-за нехватки рабочей силы было невозможно осуществлять это производство без использования иностранных рабочих. Невоенные предприятия в связи с этим утрачивали позиции в борьбе с конкурентами и даже рисковали быть закрытыми нацистским режимом. В результате этого у них не было никакого выбора, и им даже приходилось конкурировать за достаточное число иностранных рабочих. То есть, Шпурер утверждает, что необходимость получать прибыль требовала использования подневольных работников. Согласно другому немецкому историку, Вернеру Плюмпе, все зависело от владельцев или менеджеров компаний. «Плохие» личности или фирмы принимали неверное решение и использовали принудительный труд иностранных рабочих, «хорошие» личности или фирмы принимали правильное решение и отказывались от применения принудительного труда. Ещё один историк, американец Джонатан Визен, предполагает, что выбор

сводился к очень личному решению, что это был вопрос из сферы психологии. По словам Визена, оппортунизм заставлял некоторых немецких промышленников делать «неправильный» выбор: в их «погоне за прибылью» они оказывались вовлечены в «ужасные действия», такие как использование подневольного труда. Он приходит к выводу, что это были личные недостатки, но прежде всего «жадность», что заставляло слишком многих, так сказать, «аполитичных» деловых людей вести себя таким «гнусным образом».

Но ведь практически все крупные немецкие компании, включая дочерние компании американских корпораций, использовали принудительный труд! Что же получается, все их менеджеры и владельцы без исключения были «оппортунистами» и «жадными» личностями, все они были «плохими парнями»? В реальности их личные добродетели или пороки не играли совершенно никакой роли. У них не было выбора. Даже самые добродетельные менеджеры были вынуждены использовать подневольных работников, к этому их вынуждала логика капиталистической системы, которая в контексте так называемого свободного рынка дает возможность производить и получать прибыль, – а значит, и выживать, и процветать – только в ходе беспощадной конкуренции с другими производителями. Сам Шперер признает это, когда он пишет, что менеджеры компаний «также и во время войны мотивировались вечной потребностью максимизировать прибыль». Понятно, что Шперер имеет в виду капиталистическую систему, в которой частная собственность и конкуренция являются альфой и омегой. Разве не ясно, что «оппортунизм» и «жадность», о которых упоминает Визен, – это не просто личные пороки, но неотъемлемая часть самой системы? Если практически все крупные компании в гитлеровской Германии, включая и филиалы американских корпораций, использовали труд принудительных рабочих и были «впутаны» во многие другие преступления нацистского режима, то это произошло не из-за личной злобы менеджеров или собственников, но из-за характеристик самой капиталистической системы, которая требует даже от самых благородных бизнесменов быть настолько «жадными» и «оппортунистическими», насколько это возможно, когда речь заходит о максимизации их прибыли.

Еще в девятнадцатом веке капитализм прикрывался идейной мантсией либерализма, идеологии, которая изображает на своем знамени свободу. Это мощная идеология, потому что невозможно быть против свободы. Но свобода – это абстрактное понятие, нечто такое, что существует только в теории. На практике существует много различных форм свободы. Свобода либеральной идеологии, очевидно, есть специфическая форма свободы: это свободное предпринимательство, свобода выбора предпринимателя, капиталиста, лица, которое владеет капиталом и контролирует его. Свобода либерализма – это вовсе не свобода труда, не свобода трудящихся. Например, нет никакого противоречия в том, что капиталу при нацизме удалось процветать благодаря принудительному труду, то есть, благодаря несвободному труду. При нацизме и благодаря ему капитал стал более свободным, чем он был раньше, а труд – менее свободным. То есть, нацизм был инструментом, который позволял капиталу осуществлять и максимизировать свою свободу за счет минимизации свободы труда.

Историк Марк Шпурер считает противоречием то, что тоталитаризм Гитлера позволил компаниям и банкам получать большие прибыли, потому что это противоречит теории «примата политики». Согласно этой теории, в Третьем Рейхе политические лидеры нацистской Германии, такие, как Гитлер и Геринг, навязывали свою волю промышленникам и банкирам, экономическим лидерам страны. Так что политика доминировала над экономикой, которая и при Гитлере по-прежнему носила капиталистический характер. Эта теория подразумевает, что немецкие капиталисты были лишь объектом и часто даже жертвами нацистской политики, в которой они трагически запутались как мухи в паутине. Если банкиры и промышленники были замешаны в преступлениях нацистов, например, через использование подневольного труда, то это было потому, что они были своего рода заключенными в политической системе нацистов. Однако эта теория не объясняет, как возникла эта политическая система, какой была в этом роль заправил большого бизнеса и высших финансовых кругов, как и почему они попали в эту систему. Неудивительно, что теория «примата» политики является официальной теорией придворных историков, пытающихся обелить роль большого бизнеса в Третьем Рейхе, историков, которые, в некоторых случаях, даже просто

наняты банками и компаниями, оплатившими написание ими истории их приключений в гитлеровской Германии.

С точки зрения этой теории, податливость нацистского режима в отношении компаний во время войны действительно является аномалией. Но эта податливость совершенно не противоречива, если вы понимаете, что, как мы видели ранее, немецкие промышленники и банкиры вместе с другими представителями элиты привели к власти нацистский режим. В контексте глубокого экономического кризиса они создали политическую инфраструктуру, которая должна была позволить им преследовать свою изначальную цель, то есть, получение как можно большей прибыли. Эту альтернативную теорию можно было бы назвать теорией «примата экономики». Как мы уже отмечали ранее, есть и еще одно вопиющее противоречие с теорией «примата политики», того факта, что нацистам, якобы, приходилось выпрашивать кредиты у банков, и за эти кредиты они должны были платить высокие проценты.

Шперер также ошибается, когда пишет, что нацистский режим «манипулировал стремлением к прибыли предпринимателя» для достижения своих собственных целей. Как раз наоборот: постоянная погоня за прибылью заставила промышленников и банкиров привести Гитлера к власти, а затем поощрять его и помочь ему развязать войну. Именно таким образом их великая цель могла быть достигнута наилучшим образом. Понятно, почему во время Нюрнбергского процесса, когда нацистские лидеры были обвинены в преступном развязывании войны, американский прокурор Телфорд Тейлор заявил, что «те компании [и банки], а не сумасшедшие и фанатичные нацисты являются настоящими военными преступниками».

«Своей» войной Гитлер оказал германской элите большую услугу. Но с другой стороны, можно также сказать, что эти господа оказали себе большую услугу тем, что позволили Гитлеру от их имени и в их пользу развязать войну. До тех пор, пока война шла хорошо, немецкие промышленники и банкиры искренне поддерживали гитлеровский режим, и так же поступали генералы, помещики и прочие столпы немецкой элиты, которая привела Гитлера к власти. Они поддерживали гитлеровскую войну до тех пор, пока она окупалась для них, до тех пор, пока она предлагала им в перспективе еще большие достижения, пока они верили, что эта война закончится победой Германии.

Однако после проигранной Сталинградской битвы зимой 1942–1943 гг. никакой надежды на окончательную победу не осталось. В итоге энтузиазм и поддержка Гитлера начали угасать все быстрее и быстрее. Немецкие элиты боялись, что Гитлер угробит их вместе с собой. Некоторые генералы верховного командования и ряд представителей высших слоев буржуазии, которая в 1933 г. поощряла политику нацистов, приняли план, чтобы избавиться от человека, которого они привели к власти и которого с энтузиазмом поддерживали до тех пор, пока он добивался успехов, которые были и их успехами. Они надеялись спасти то, что еще можно было спасти. Но их запланированное покушение на Гитлера 20 июля 1944 года провалилось. Хотя Гитлер с начала декабря 1941 года знал, что поражение было неизбежно, он решил продолжать вести войну как можно дольше. Это означало гибель еще миллионов людей. От германской промышленности ожидалось, что она будет продолжать поставлять военную технику, необходимую, чтобы продолжать борьбу, что она и сделала. До самого конца крупные компании тесно сотрудничали с Альбертом Шпеером, который в последние годы войны координировал немецкое промышленное производство. Под руководством Шпеера в финальной фазе нацистской диктатуры «сотрудничество между нацистским государством и крупной промышленностью» даже достигло своей наивысшей точки, по мнению историков вроде британца Адама Туза. До самого конца немецкие промышленники и банкиры продолжали оставаться верными режиму, который они привели к власти в 1933 г.

К числу подлинного сопротивления нацистскому режиму в Германии, с другой стороны, принадлежали, что логично, социалисты и, прежде всего, коммунисты, которые стали жертвами с самого начала нацистской диктатуры, например, группа Шульце-Бойзена/Харнака, о которой в западной историографии почти никогда не упоминается. Среди этих противников режима была и упомянутая выше горстка старших офицеров (такие как Клаус фон Штауффенберг), и представителей высших слоев буржуазии (например, Карл Гурделер), которые долгое время с энтузиазмом поддерживали Гитлера, но, однако, срочно захотели избавиться от него после Сталинграда. Но в большом бизнесе и в высших финансовых кругах практически

невозможно найти мужчин или женщин, которые так или иначе выступали бы против Гитлера.

Таким образом, война Гитлера на самом деле была войной крупных немецких промышленников и банкиров. Когда стало ясно, что война не приведет к долгожданной победе, они позаботились о том, чтобы гитлеровское поражение и крах не стали и их поражением и крахом. В качестве спасательного круга функционировали связи, которые многие крупные немецкие компании и банки имели с партнерами США еще с 1920-х годов. Многие из этих американских компаний имели дочерние компании в Германии или другие способы выгодного бизнеса с нацистской Германией, например, осуществляли поставки больших объемов нефти (по крайней мере, до конца 1941 года). Отношения между немецким и американским крупным бизнесом были потревоженными во время войны, но никогда полностью не прерывались. В швейцарском городе Базель, расположенном на границе с Германией, регулярно проводились встречи между представителями банкиров и промышленников Германии и Америки. Американским пауком в этой паутине был Аллен Даллес. Он проживал в швейцарской столице Берне в качестве представителя американской секретной службы, но до этого был адвокатом в Нью-Йорке, представляющим интересы немецких компаний в США и американских компаний в нацистской Германии. Он способствовал тому, что американцы помогли скрыть грехи своих нацистских контактов в немецкой промышленности и банковском деле после войны. Именно таким образом возник миф о том, что немецкие банкиры и промышленники никогда не хотели этой войны – гитлеровской войны! – и что их, якобы, принуждали производить оружие для нацистов, к преступлениям которых они, якобы, не имеют никакого отношения.

Глава 7

Пакт Гитлера и Сталина

Миф

Вторая Мировая война началась после того, как – и, следовательно, фактически из-за того, что – нацистская Германия и Советский Союз неожиданно заключили «пакт о ненападении» за счет своих польских соседей. Сначала немцы атаковали Польшу, а несколько недель спустя Советы вторглись в восточную часть этой страны. Гитлер и Сталин оставались союзниками до июня 1941 года, когда сам Советский Союз внезапно стал жертвой нацистской агрессии, а Гитлер оказался в стане его врагов.

Реальность

Сталин тщетно пытался заключить союз против гитлеровской Германии с Францией и Великобританией. Его усилия были напрасны, потому что государственные деятели в Лондоне и Париже втайне надеялись, что Гитлер нападет на Советский Союз и уничтожит его – цель, которую они пытались достичь с помощью печально известной политики умиротворения агрессора. Результатом этой политики стало то, что Сталин, через заключение пакта о ненападении с Гитлером, старался спасти шкуру советского медведя. И это ему блестящее удалось, потому что пакт предусматривал преимущества для Советского Союза, которые позволили этой стране пережить нацистское нападение в 1941 году. И это сделало в конечном итоге возможной также и победу над нацистской Германией.

В замечательной книге «1939: Союз, которого никогда не было, и наступление Второй мировой войны» канадский историк Майкл

Джабара Карли описывает, как в конце 1930-х годов Советский Союз неоднократно пытался заключить пакт о взаимной безопасности, другими словами, оборонительный союз с Великобританией и Францией, но в конечном итоге потерпел неудачу. Это предлагаемое соглашение было направлено на противодействие нацистской Германии, которая под диктаторским правлением Гитлера вела себя все более агрессивно, и оно, вероятно, вовлекло бы и некоторые другие страны, включая Польшу и Чехословакию, которые имели основания опасаться немецких амбиций. Главным героем этого советского подхода к западным державам был министр иностранных дел Максим Литвинов.

Москва стремилась заключить такой договор, потому что советские лидеры слишком хорошо знали, что рано или поздно Гитлер намеревался напасть и уничтожить их государство. Действительно, в «Майн Кампф», опубликованной еще в 1920-х годах, он очень ясно дал понять, что презирает СССР как «Россию, управляемую евреями» (Russland unter Judenherrschaft). Для Гитлера это был «плод русской революции», дело рук большевиков, которые, якобы, были не чем иным, как «кучкой евреев». А в 1930-е годы практически все, кто хоть как-то интересовался иностранными делами, слишком хорошо знали, что с его ремилитаризацией Германии, его масштабной программой перевооружения и другими нарушениями Версальского договора Гитлер готовился к войне, жертвой которой должен был стать Советский Союз. Это довольно ясно продемонстрировано в детальном исследовании, написанном ведущим военным историком и политологом Рольфом-Дитером Мюллером, озаглавленном *Der Feind steht im Osten: Hitlers geheime Plane für einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahr 1939* («Враг на востоке: секретные планы Гитлера по войне против Советского Союза в 1939 году»).

Гитлер, таким образом, наращивал военную мощь Германии и намеревался использовать ее, чтобы стереть Советский Союз с лица земли. С точки зрения элит, которые все еще находились у власти в Лондоне, Париже и других странах так называемого западного мира, этот план можно было только одобрить и даже поддержать. Почему? Потому что Советский Союз был воплощением страшной для них социальной революции, источником вдохновения и руководства для революционеров в их собственных странах и даже в их колониях,

потому что Советы были также антиимпериалистами, которые через Коминтерн (или Третий Интернационал) поддерживали борьбу за независимость в колониях западных держав.

Через вооруженную интервенцию в России в 1918-1919 годах западные страны уже пытались убить «дракона революции», который поднял голову в 1917 году, но этот проект с треском провалился. Причины этого фиаско были: с одной стороны, жесткое сопротивление, оказанное русскими революционерами, которые пользовались поддержкой большинства русского народа и многих других народов бывшей царской империи; и, с другой стороны, оппозиция внутри самих интервенционистских стран, где солдаты и гражданские лица сочувствовали большевистским революционерам и давали об этом знать демонстрациями, забастовками и даже мятежами, это тоже способствовало тому, что войска пришлось из России бесславно вывести. Господам, стоявшим у власти в Лондоне и Париже, пришлось довольствоваться созданием и поддержкой антисоветских и антироссийских государств – прежде всего Польши и стран Балтии – вдоль западной границы бывшей царской империи, воздвигнув таким образом «санитарный кордон», который должен был оградить Запад от заражения большевистским революционным вирусом.

В Лондоне, Париже и других столицах Западной Европы элиты надеялись, что революционный эксперимент в Советском Союзе рухнет сам по себе, но этот сценарий не был реализован. Напротив, с начала тридцатых годов, когда Великая депрессия опустошила капиталистический мир, Советский Союз пережил своеобразную промышленную революцию, позволившую населению страны наслаждаться значительным социальным прогрессом, и страна также стала сильнее не только в экономическом, но и в военном отношении. В результате этого социалистическая «контрсистема» капитализма – и ее коммунистическая идеология – становилась все привлекательней в глазах «плебеев» на Западе, которые все больше страдали от безработицы и нищеты. В этом контексте Советский Союз стал еще большей занозой в боку элит Лондона и Парижа.

И наоборот, Гитлер, с его планами антисоветского крестового похода, вырисовывался для них все более полезным и симпатичным. Кроме того, корпорации и банки, особенно американские, но также британские и французские получили большую

прибыль, помогая нацистской Германии перевооружаться и одолживая ей значительную часть денег, необходимых для этого. И последнее, но не менее важное: считалось, что поощрение немецкого «крестового похода на восток» уменьшит, если не полностью устранит риск немецкой агрессии против Запада. Таким образом, можно понять, почему предложения Москвы об оборонительном союзе против нацистской Германии не понравились этим господам. Но была причина, по которой они не могли позволить себе отклонить эти предложения без дальнейших церемоний.

После Первой мировой войны элиты по обе стороны Ла-Манша были вынуждены ввести довольно далеко идущие демократические реформы, например, значительное расширение франшизы в Великобритании. Из-за этого возникла необходимость учитывать мнение лейбористов, а также других левых «вредителей», заполнивших законодательные органы, а иногда даже включать их в коалиционные правительства. Общественное мнение и значительная часть средств массовой информации были в подавляющем большинстве враждебны Гитлеру и поэтому решительно поддерживали советское предложение об оборонительном союзе против нацистской Германии. Элиты хотели избежать такого союза, но они также хотели создать впечатление, что они его желают; и, наоборот, **элиты хотели побудить Гитлера напасть на Советский Союз и даже помочь ему сделать это, но им нужно было провернуть дело так, чтобы общественность никогда не узнала об этом.** Эта дилемма привела к политической траектории, явная функция которой состояла в том, чтобы убедить общественность, что лидеры приветствовали советское предложение об общем антинацистском фронте. Но ее же скрытая, реальная функция заключалась в поддержке антисоветских замыслов Гитлера: печально известная «политика умиротворения», связанная, прежде всего, с именем британского премьер-министра Невилла Чемберлена и его французского коллеги Эдуарда Даладье.

«Партизаны» умиротворения приступили к работе как только Гитлер пришел к власти в Германии в 1933 году и начал готовиться к войне против Советского Союза. Уже в 1935 году Лондон дал Гитлеру своего рода зеленый свет на перевооружение, подписав с ним военноморской договор. Затем Гитлер нарушил все положения Версальского договора,

например, вновь ввел обязательную военную службу в Германии, вооружил немецких военных до зубов и в 1937 году аннексировал Австрию. Каждый раз государственные деятели в Лондоне и Париже стонали и протестовали, чтобы произвести хорошее впечатление на публику, но, в конце концов, принимали свершившийся факт. Общественность была убеждена, что такая снисходительность необходима, «чтобы избежать войны». Поначалу это оправдание было действенным, потому что большинство британцев и французов не желали участвовать в новой версии кровавой Великой войны 1914–1918 годов. С другой стороны, вскоре стало очевидно, что умиротворение сделало нацистскую Германию сильнее в военном отношении и делало Гитлера все более амбициозным и требовательным. Следовательно, общественность, в конце концов, почувствовала, что немецкому диктатору было сделано достаточно уступок, и в этот момент Советы в лице Литвинова выступили с предложением об антигитлеровском Союзе. Это вызвало головную боль у архитекторов умиротворения, от которых Гитлер ожидал еще больших уступок.

Благодаря уступкам, которые уже были сделаны, нацистская Германия становилась военным гигантом, и в 1939 году только общий фронт западных держав и Советов, казалось, мог его сдержать, потому что в случае войны Германии пришлось бы воевать на два фронта. Под сильным давлением общественного мнения лидеры Лондона и Парижа согласились на переговоры с Москвой, но в них была ложка дегтя: Германия не делила границу с Советским Союзом, потому что Польша была зажата между этими двумя странами. Официально, по крайней мере, Польша была союзником Франции, поэтому можно было ожидать, что она присоединится к оборонительному союзу против нацистской Германии, но правительство в Варшаве было враждебно по отношению к Советскому Союзу, соседу, который считался такой же угрозой, как и нацистская Германия. Она упрямо отказывалась допустить Красную Армию в случае войны на польскую территорию, чтобы сражаться против немцев. Лондон и Париж отказались оказывать давление на Варшаву, и поэтому переговоры не привели к соглашению.

Тем временем Гитлер выдвинул новые требования, на этот раз в отношении Чехословакии. Когда Прага отказалась уступить

территорию, населенную немецкоязычным меньшинством, известную как Судеты, ситуация стала угрожать войной. Это была фактически уникальная возможность заключить антигитлеровский альянс с Советским Союзом и сильной в военном отношении Чехословакией как партнерами англичан и французов. Гитлер оказался бы перед выбором между унизительным размежеванием и практически верным поражением в войне на два фронта. Но это также означало, что Гитлер никогда не сможет начать антисоветский крестовый поход, которого жаждала элита в Лондоне и Париже. **Вот почему Чемберлен и Даладье не воспользовались чехословацким кризисом, чтобы сформировать общий антигитлеровский фронт с Советами**, а вместо этого поспешили самолетом в Мюнхен, чтобы заключить с немецким диктатором сделку, в которой Судетские земли, оказавшиеся включенными в чехословацкий вариант Линии Мажино, были предложены Гитлеру на блюдечке.

Чехословацкое правительство, с которым даже не посоветовались, не имело другого выбора, кроме как подчиниться, а Советы, которые предложили военную помощь Праге, не были приглашены на эту позорную встречу. В «пакте», который они заключили с Гитлером в Мюнхене, британские и французские государственные деятели пошли на огромные уступки немецкому диктатору; и вовсе не ради сохранения мира, но чтобы они могли продолжать мечтать о нацистском «крестовом походе» против Советского Союза. Но для народов их собственных

стран это соглашение было представлено как «наиболее разумное решение кризиса, который грозил спровоцировать всеобщую войну». «Мир в наше время!» – это то, что Чемберлен торжественно провозгласил по возвращении в Англию. Он имел в виду мир для своей страны и ее союзников, но не для Советского Союза, уничтожения которого от рук нацистов он с нетерпением ждал.

В Британии были также политики, включая горстку добросовестных членов элиты страны, которые выступали против политики умиротворения Чемберлена, например, Уинстон Черчилль. Они делали это не из симпатии к Советскому Союзу, но они не доверяли Гитлеру и опасались, что умиротворение может быть контрпродуктивным в двух отношениях. Во-первых, завоевание Советского Союза обеспечило бы нацистскую Германию практически неограниченным сырьем, включая

нефть, плодородные земли и другие богатства, и, таким образом, позволило бы Рейху установить на европейском континенте гегемонию, которая представляла бы большую опасность для Великобритании, чем когда-то представлял Наполеон. Во-вторых, вполне возможно, что сила нацистской Германии и слабость Советского Союза были переоценены, так что антисоветский крестовый поход Гитлера мог фактически привести к советской победе, что привело бы потенциально к «большевизации» Германии и, возможно, всей Европы. Именно поэтому Черчилль был крайне критичен по отношению к соглашению, заключенному в Мюнхене. Он, якобы, заметил, что в баварской столице Чемберлен мог выбирать между бесчестием и войной, и он выбрал бесчестие, но с бесчестием он также получит и войну. С его «миром в наше время» Чемберлен действительно совершил прискорбную ошибку. Всего лишь год спустя, в 1939 году, его страна оказалась втянутой в войну против нацистской Германии, которая, благодаря скандальному Мюнхенскому пакту, стала еще более грозным противником.

Главной причиной провала переговоров между англофранцузским дуэтом и Советами было молчаливое нежелание умиротворителей заключить антигитлеровское соглашение. Вспомогательным фактором был отказ правительства в Варшаве разрешить присутствие советских войск на польской территории в случае войны против Германии. Это дало Чемберлену и Даладье предлог не заключать соглашения с Советами, – предлог, необходимый для удовлетворения общественного мнения. (Но были придуманы и другие оправдания, например, предполагаемая слабость Красной Армии, которая, якобы, делала Советский Союз бесполезным союзником.)

Что касается роли, которую сыграло польское правительство в этой драме, то существуют некоторые серьезные недоразумения. Давайте рассмотрим их тщательней.

Прежде всего, следует учитывать, что межвоенная Польша не была демократической страной, отнюдь нет. После ее повторного рождения в конце Первой мировой войны в качестве титульной демократии прошло не так много времени, прежде чем страна оказалась управляемой железной рукой военного диктатора, генерала Юзефа Пилсудского от имени гибридной элиты, представляющей аристократию, католическую церковь и буржуазию. Этот далеко не

демократический режим продолжал править после смерти генерала в 1935 году, под руководством «полковников Пилсудского», чьим «первым среди равных» был Юзеф Бек, министр иностранных дел. Его внешняя политика не выражала теплых чувств к Германии, которая потеряла часть своей территории в пользу нового польского государства, включая «коридор», отделявший немецкий регион Восточной Пруссии от остальной части Рейха; а еще были трения с Берлином из-за важного Балтийского морского порта Гданьск (Данциг), объявленного Версальским договором независимым городом-государством, но на который претендовали как Польша, так и Германия.

Отношение Польши к своему восточному соседу, Советскому Союзу, было еще более враждебным. Пилсудский и другие польские националисты мечтали о возвращении Великой польско-литовской империи 17-го и 18-го веков, простиравшейся от Балтики до Черного моря. И он воспользовался революцией и последующей гражданской войной в России, чтобы захватить огромный кусок территории бывшей царской империи во время русско-польской войны 1919–1921 годов. Эта территория, получившая довольно неточное название «Восточная Польша», простиралась на несколько сотен километров к востоку от знаменитой линии Керзона, которая должна была стать восточной границей нового польского государства, по крайней мере, по мнению западных держав, бывших крестными отцами новой Польши в конце Великой войны. Этот регион был, по существу, заселен белорусами и украинцами, но в последующие годы Варшава должна была «полонизировать» его как можно больше, привлекая польских поселенцев. Пламя польской враждебности по отношению к Советскому Союзу было также раздото тем фактом, что Советы сочувствовали коммунистам и другим угнетенным, которые выступали против «патрицианского» режима в самой Польше. Наконец, польская элита приняла концепцию «иудео-большевизма», представление о том, что коммунизм и все другие формы марксизма были частью «гнусного еврейского заговора», и что Советский Союз, продукт большевизма и поэтому, предположительно, «еврейской революционной схемы», не представлял собой ничего, кроме «России, управляемой евреями».

Тем не менее, отношения с двумя могущественными соседями были максимально нормализованы при Пилсудском путем заключения двух

договоров о ненападении, с Советским Союзом в 1932 году и с Германией вскоре после прихода Гитлера к власти, а именно в 1934 году.

После смерти Пилсудского польские лидеры продолжали мечтать о территориальной экспансии до границ квази-мифический Великой Польши из далекого прошлого. Для осуществления этой мечты,казалось, имелись многочисленные возможности на востоке, и особенно на Украине, части Советского Союза, которая заманчиво простиралась между Польшей и Черным морем. Несмотря на споры с Германией и формальный союз с Францией, которая рассчитывала на польскую помощь в случае конфликта с Германией, сначала сам Пилсудский, а затем и его преемники заигрывали с нацистским режимом в надежде на совместное завоевание советских территорий. Антисемитизм был еще одним общим знаменателем двух режимов, которые вынашивали планы избавления от своих еврейских меньшинств, например, путем их депортации в Африку.

Сближение Варшавы с Берлином отражало манию величия и наивность польских лидеров, которые считали, что их страна является великой державой такого же калибра, как Германия, которую Берлин будет уважать и рассматривать как полноправного партнера. Нацисты разжигали эту иллюзию, потому что тем самым они ослабляли союз между Польшей и Францией. Польские восточные амбиции также поощрялись Ватиканом, который ожидал значительных дивидендов от завоеваний католической Польшей в основном православной Украины, созревшей, по мнению Ватикана, для обращения в католицизм. Именно в этом контексте пропагандистская машина Геббельса в сотрудничестве с Польшей и Ватиканом создала новый миф, а именно вымысел о голоде, намеренно «организованном» Москвой на Украине; идея заключалась в том, чтобы представить будущие польские и немецкие вооруженные интервенции как «гуманитарную акцию»^[32].

Знание этого исторического фона позволяет нам понять отношение польского правительства в момент переговоров об общем оборонительном фронте против нацистской Германии. Варшава препятствовала этим переговорам не из страха перед Советским Союзом, а, наоборот, из-за антисоветских устремлений и сопутствующего им сближения с нацистской Германией. В этом отношении польская элита оказалась на той же волне, что и ее

британские и французские «коллеги». Таким образом, мы можем понять, почему после заключения Мюнхенского соглашения, которое позволило нацистской Германии аннексировать Судетскую область, Польша захватила часть чехословацкой территориальной «добычи», а именно город Тешен и его окрестности. Накинувшись на эту часть Чехословакии подобно гиене, как заметил Черчилль, польский режим показал свои истинные намерения – и свое соучастие в делах Гитлера.

Уступки, сделанные «архитекторами умиротворения», укрепили нацистскую Германию сильнее, чем когда-либо прежде, и сделали Гитлера более уверенным, высокомерным и требовательным. После Мюнхена он показал себя далеко не насытившимся, и в марте 1939 года нарушил Мюнхенское соглашение, оккупировав остальную часть Чехословакии. Во Франции и Англии общественность была шокирована, но правящая элита не сделала ничего, кроме как выразила надежду, что «герр Гитлер», в конце концов, станет «разумным», то есть начнет свою войну против Советского Союза. Гитлер всегда намеревался сделать это, но, прежде чем потакать британским и французским умиротворителям, он хотел выманить у них еще несколько уступок. В конце концов, оказалось, что они ни в чем не могут ему отказать; более того, сделав Германию намного сильнее благодаря своим прежним уступкам, были ли они в состоянии отказать ему в предположительно последней маленькой услуге, о которой он просил? Это последнее маленькое одолжение касалось Польши.

К концу марта 1939 года Гитлер внезапно потребовал Гданьск, а также часть польской территории между Восточной Пруссиею и остальной Германией. В Лондоне Чемберлен и его товарищи-архипастыры были действительно склонны снова сдаться, но оппозиция, исходящая от средств массовой информации и Палаты общин, оказалась слишком сильной, чтобы позволить этому случиться. Затем Чемберлен внезапно изменил курс, и 31 марта он официально – но совершенно нереалистично, как заметил Черчилль – пообещал Варшаве вооруженную помочь в случае немецкой агрессии против Польши. В апреле 1939 года, когда опросы общественного мнения показали то, что все уже знали, а именно, что **почти девяносто процентов британского населения хотели антигитлеровского союза с Советским Союзом** и Францией, Чемберлен оказался вынужден официально проявить интерес к советскому предложению

договора о «коллективной безопасности» перед лицом нацистской угрозы.

На самом деле сторонники умиротворения все еще не были заинтересованы в советском предложении, и они придумывали всевозможные предлоги, чтобы избежать заключения соглашения со страной, которую они презирали, и против которой тайно плели интриги. Только в июле 1939 года они заявили о своей готовности начать переговоры, и только в начале августа с этой целью в Ленинград была направлена франко-британская делегация. В отличие от скорости, с которой годом ранее сам Чемберлен (в сопровождении Даладье) мчался на самолете в Мюнхен, на этот раз команда анонимных второстепенных чиновников была отправлена в Советский Союз на борту медленного грузового судна. Более того, когда 11 августа, проехав через Ленинград, они наконец прибыли в Москву, оказалось, что у них нет ни полномочий, ни подготовки, необходимых для таких дискуссий. К этому времени Советы уже были сыты по горло, и можно понять, почему они прервали переговоры.

Тем временем Берлин незаметно начал сближение с Москвой. Зачем? Гитлер чувствовал себя преданным Лондоном и Парижем, которые ранее делали всевозможные уступки, но теперь отказали ему в мелочах вроде Гданьска и встали на сторону Польши, и, таким образом, он столкнулся с перспективой войны против Польши, которая отказалась дать ему Гданьск, и против франкобританского дуэта. Чтобы выиграть эту войну, немецкому диктатору нужно было, чтобы Советский Союз оставался нейтральным, и за это он был готов заплатить высокую цену. С точки зрения Москвы, «увертюра» Берлина резко контрастировала с позицией западных умиротворителей, которые требовали, чтобы Советы давали обязательные обещания помочь, но сами не предлагали ничего значимого взамен. То, что началось между Германией и Советским Союзом в мае как неформальные дискуссии в контексте коммерческих переговоров без особого значения, к которым Советы первоначально не проявляли интереса, в конечном итоге переросло в серьезный диалог с участием послов двух стран и даже министров иностранных дел, а именно Иоахима фон Риббентропа и Вячеслава Молотова – последний заменил Литвинова.

Фактор, который играл второстепенную роль, но, тем не менее, его не следует недооценивать, – это тот факт, что весной 1939 года японские войска, базирующиеся в Северном Китае, вторглись на советскую территорию на Дальнем Востоке. В августе они будут разбиты и отброшены назад, но эта японская угроза поставила Москву перед перспективой вести войну на два фронта, если не будет найден способ устраниить угрозу, исходящую от нацистской Германии. Москве был предложен способ нейтрализовать эту угрозу с помощью попыток Берлина, отражавших его собственное желание избежать войны на два фронта.

Однако только в августе советское руководство осознало, что англичане и французы прибыли в Москву не для того, чтобы вести добросовестные переговоры, и этот «гордиев узел» был разрушен – Советский Союз подписал пакт о ненападении с нацистской Германией 23 августа. Это соглашение было названо пактом Молотова-Риббентропа, в честь министров иностранных дел, но оно также стало известно как пакт Гитлера-Сталина. То, что такое соглашение было заключено, вряд ли стало неожиданностью: ряд политических и военных лидеров как в Англии, так и во Франции неоднократно предсказывали, что политика умиротворения Чемберлена и Даладье приведет Сталина «в объятья Гитлера».

«В объятья», вообще-то, неподходящее выражение в данном контексте. Пакт, конечно, не отражал теплых чувств между подписавшими его сторонами. Stalin даже отказался от предложения включить в текст несколько условных строчек о гипотетической дружбе между двумя народами. Между прочим, соглашение не было союзом, а было лишь пактом о ненападении. Таким образом, это было похоже на ряд других соглашений о ненападении, которые были подписаны Гитлером, для примера, с Польшей в 1934 году. Это подразумевало, что ни одна из сторон не будет нападать на другую, но будет поддерживать мирные отношения – обещание, которое каждая сторона намеревалась соблюдать, по крайней мере, пока ей это было удобно. Секретный пункт был связан с соглашением об уважении демаркации сфер влияния в Восточной Европе для каждой стороны. Эта линия демаркации соответствовала, более или менее, линии Керзона, так что «Восточная Польша» отошла к советской сфере. То, что эта теоретическая договоренность должна была означать на

практике, было не слишком ясно, но пакт, конечно, не предполагал раздела или территориальной «ампутации» Польши, сопоставимой с судьбой Чехословакии, преданной британцами и французами пактом, который был подписан ими с Гитлером в Мюнхене.

Тот факт, что Советский Союз заявил о сфере влияния за пределами своих границ, иногда описывается как свидетельство злонамеренных «экспансионистских замашек»; однако существование договоренностей и заявлений о сферах влияния, будь то односторонних, двусторонних или же многосторонних, давно уже широко применяется на практике как крупными, так и достаточно небольшими державами, и это, несомненно, направлено на то, чтобы избежать конфликта. Например, доктрина Монро, подтверждающая, что «Новый Свет и Старый Свет будут оставаться четко раздельными сферами влияния», предполагала предупредить новые трансатлантические колониальные авантюры со стороны европейских держав, которые могли бы привести к их конфликту с Соединенными Штатами. Аналогично, когда Черчилль посетил Москву в 1944 году и предложил Сталину разделить на Балканском полуострове сферы влияния, намерение состояло в избежании конфликта между их странами после окончания войны против нацистской Германии.

Гитлер теперь мог напасть на Польшу не опасаясь, что ему придется вести войну как против Советского Союза, так и против франко-британского дуэта, но германский диктатор имел причины сомневаться в том, что Лондон и Париж объявили войну. Было ясно, что без советской помощи никакой реальной помощи Польше не может быть оказано, так что для Германии не понадобится много времени, чтобы уничтожить эту страну. (Одни только полковники в Варшаве верили, что Польша сможет выдержать нападение мощной нацистской орды.) Гитлер знал, что «архитекторы умиротворения» продолжали надеяться, что рано или поздно он сможет выполнить их главные желания и уничтожить Советский Союз, так что они должны будут закрыть глаза на его агрессию против Польши. И он также был убежден, что британцы и французы, даже если бы они объявили войну Германии, не стали бы нападать на западе.

Немецкое нападение на Польшу было начато 1 сентября 1939 года. Лондон и Париж поколебались еще несколько дней, прежде чем отреагировать с заявлением о войне против нацистской Германии. Но

они не напали на Рейх, пока основные его вооруженные силы были заняты захватом Польши, как того опасались некоторые германские генералы. В действительности эти «герои» объявили войну Гитлеру только потому, что общественное мнение требовало этого. Втайне они полагали, что с Польшей скоро будет покончено, так что «герр Гитлер» сможет, наконец, обратить свое внимание на Советский Союз. Война, которую они якобы вели, была «притворной войной», как было бы правильно ее назвать, представлением, в котором их войска, которые могли бы спокойно войти в Германию, вместо этого перестраивались за линией Мажино. Теперь у историков практически нет сомнений в том, что симпатизирующие Гитлеру в лагере французов, а также и среди британских верхов наверняка дали понять германскому диктатору, что он может использовать все свои военные возможности для того, чтобы покончить с Польшей, не опасаясь нападения со стороны западных держав. (Мы ссылаемся на книги Анни Лакруа-Риц «Выбор поражения. Французские элиты в 1930-х годах» и «От Мюнхена до Виши – убийство 3-ей Республики».)

Заштитники Польши были разбиты, и вскоре стало очевидно, что полковники, которые управляли страной, должны будут сдаться. Гитлер имел все основания полагать, что они сделают это, и его условия, несомненно, подразумевали бы крупные территориальные потери для Польши, особенно, конечно, в западных районах страны, граничащих с Германией. Тем не менее, усеченная Польша, скорее всего, продолжала бы существовать, так же как после капитуляции в июне 1940 года Франции было позволено продолжать существовать в виде Вишийской Франции. Однако 17 сентября польское правительство внезапно бежало в соседнюю Румынию, нейтральную страну. Таким образом, Польша прекратила свое существование, поскольку в соответствии с международным правом не только военнослужащие, но и члены правительства воюющей страны должны быть интернированы при въезде в нейтральную страну на время военных действий. Это был безответственный и даже трусилый поступок, имеющий гнусные последствия для страны. Без правительства Польша фактически выродилась в своего рода ничейную землю – *terra nullius*, если использовать юридическую терминологию, – в которой побеждающие немцы могли делать все, что

им заблагорассудится, поскольку не с кем было вести переговоры о судьбе побежденной страны.

Эта ситуация также давала Советам право вмешиваться. Соседние страны могут занять потенциально анархическую «ничейную землю»; более того, если бы Советы не вмешались, немцы, несомненно, заняли бы каждый квадратный дюйм Польши со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот почему в тот же день, 17 сентября 1939 года, Красная Армия вошла в Польшу и начала занимать восточные пределы страны, вышеупомянутую «Восточную Польшу». Конфликта с немцами удалось избежать, поскольку эта территория входила в советскую сферу влияния, установленную пактом Молотова-Риббентропа. То тут, то там немецкие войска, проникшие на восток от демаркационной линии, вынуждены были отступать, чтобы освободить место для бойцов Красной Армии. Где бы они ни вступали в контакт, немецкие и советские военные вели себя корректно и соблюдали традиционный протокол. Иногда это было связано с какой-то церемонией, но уж точно никогда не было никаких общих «парадов Победы».

Поскольку их правительство превратилось в прах, польские вооруженные силы, которые продолжали оказывать сопротивление, фактически превратились в нерегулярные силы, в партизан, подверженных всем рискам, связанным с этим статусом. Большинство польских армейских частей позволило, чтобы их разоружили и интернировали силы Красной Армии, но иногда сопротивление действительно оказывалось, например, войсками под командованием офицеров, враждебных Советам. Многие такие офицеры служили в ходе русско-польской войны 1919–1921 годов и, как утверждается, совершили военные преступления, такие как казнь военнопленных.

Многие польские солдаты и офицеры были интернированы Советами в соответствии с нормами международного права. В 1941 году, после того как Советский Союз был вовлечен в войну и поэтому больше не был связан правилами, регулирующими поведение нейтральных стран, эти люди были перевезены в Великобританию (через Иран), чтобы снова вступить в бой против нацистской Германии – на стороне западных союзников. Между 1943 и 1945 годами они внесли большой вклад в освобождение значительной части Западной Европы (гораздо более трагическая участь постигла польских военных,

попавших в руки немцев). Среди тех, кто получил выгоду от оккупации восточных территорий Польши советами, были и евреи. Они были перевезены вглубь Советского Союза и таким образом избежали судьбы, которая ожидала бы их, если бы они все еще находились в своих местечках, когда немцы появились там в качестве завоевателей в 1941 году. Многие из них пережили войну и впоследствии начали новую жизнь в США, Канаде и, конечно же, Израиле.

Оккупация «Восточной Польши» была проведена правильно, то есть по нормам международного права, поэтому эта акция не являлась нападением на Польшу, как слишком много историков и политиков пытаются это представить, и уж точно не «нападением в сотрудничестве с нацистско-немецким союзником». Советский Союз не был союзником нацистской Германии, заключив с ней пакт о ненападении, и не стал ее союзником из-за своей «оккупации» «Восточной Польши». Гитлеру пришлось терпеть эту «оккупацию», но он, конечно, предпочел бы, чтобы Советы вообще не вмешивались, чтобы он мог захватить всю Польшу. В Англии Черчилль публично выразил свое одобрение Советской инициативе 17 сентября – именно потому, что она помешала нацистам полностью завоевать Польшу. То, что эта инициатива не представляла собой нападения и, следовательно, не была актом войны против Польши, также ясно вытекало из того факта, что Великобритания и Франция, формальные союзники Польши, не объявили войну Советскому Союзу, как они, несомненно, сделали бы в противном случае. И Лига Наций не ввела санкций против Советского Союза, что произошло бы, если бы она сочла это подлинным нападением на одного из своих членов.

С советской точки зрения, оккупация восточных пределов Польши означала восстановление части ее собственной территории, утраченной из-за российско-польского конфликта 1919–1921 годов. Правда, Москва признала эту потерю в Рижском мирном договоре, положившем конец этой войне в марте 1921 года, но Москва продолжала искать возможность вернуть «Восточную Польшу», и в 1939 году эта возможность материализовалась и была использована. За это можно «клеймить» Советский Союз, но в данном случае нужно «клеймить» и французов, например, за то, что они вернули себе Эльзас-Лотарингию в конце Первой мировой войны, поскольку Париж

признал потерю этой территории в мирном договоре, заключенном во Франкфурте, положившем конец франко-прусской войне 1870–1871 годов.

Более важным является тот факт, что оккупация – или освобождение, или воссоединение, как бы это ни называлось – «Восточной Польши» предоставила Советскому Союзу чрезвычайно полезный актив, который на жаргоне военной архитектуры называется «glacis», то есть открытое пространство, которое атакующий должен пересечь, прежде чем достичь оборонительного períметра города или крепости. Сталин знал, что, независимо от пакта, Гитлер рано или поздно нападет на Советский Союз, и это нападение действительно произошло в июне 1941 года. В то время гитлеровское войско должно было начать свою атаку с начальной точки, расположенной гораздо дальше от важных городов в центре Советской страны, чем это было бы в 1939 году, когда он уже стремился начать эту войну.

Благодаря пакту о ненападении стартовые точки для нацистского наступления 1941 года находились на несколько сотен километров дальше к западу и, следовательно, на гораздо большем расстоянии от стратегических целей в глубине Советского Союза. В 1941 году немецкие войска были остановлены в двух шагах от Москвы. Это означает, что без заключения пакта о ненападении они, безусловно, взяли бы этот город, что, возможно, заставило бы Советы капитулировать.

Благодаря пакту Молотова-Риббентропа Советский Союз получил не только ценное пространство, но и ценное время, а именно дополнительное время, необходимое для подготовки отражения немецкого нападения, которое первоначально планировалось на 1939 год, но было отложено до 1941 года. В период с 1939 по 1941 год на дальний край Урала было переброшено много критически важных объектов инфраструктуры, прежде всего заводы по производству всевозможной военной техники. Более того, в 1939 и 1940 годах Советы имели возможность наблюдать и изучать войну, которая бушевала в Польше, Западной Европе и в других местах, и, таким образом, извлекать ценные уроки о современном, моторизованном и «молниеносном» стиле наступательной войны Германии – блицкриге. Советские стратеги узнали, например, что сосредоточение основной массы своих вооруженных сил для оборонительных целей прямо на

границе было бы фатальным, и что только «глубокая оборона» давала возможность остановить нацистский «паровой каток». В частности, благодаря извлеченным урокам Советскому Союзу удастся – правда, с большим трудом – пережить нацистское нападение в 1941 году и в конечном итоге выиграть войну против этого могущественного врага.

Чтобы дать возможность защитить Ленинград, город с жизненно важной военной промышленностью, Советский Союз предложил соседней Финляндии осенью 1939 года обменять территории, что привело бы к смещению границы двух стран дальше от города. Финляндия, союзник нацистской Германии, отказалась, но в результате «Зимней войны» 1939–1940 годов Москве в конечном итоге удалось добиться этой модификации границы. Из-за этого конфликта, который действительно был агрессией, Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Но в 1941 году, когда немцы напали на Советский Союз с помощью финнов, и им пришлось осаждать Ленинград в течение нескольких лет, эта корректировка границы позволила городу пережить это испытание.

Не Советы, а немцы взяли на себя инициативу в переговорах, которые в конечном итоге привели к пакту. Они сделали это потому, что ожидали получить таким образом преимущество – временное, но очень важное преимущество, а именно нейтралитет Советского Союза в то время как вермахт атаковал сначала Польшу, а затем Западную Европу. Но нацистская Германия также получила дополнительную выгоду от коммерческого соглашения, связанного с пактом. Рейх страдал от хронической нехватки всех видов стратегического сырья, и эта ситуация угрожала стать катастрофической, когда, как и следовало ожидать, британское объявление войны приведет к блокаде Германии Королевским флотом. Эта проблема была нейтрализована поставкой Советами таких продуктов как нефть, оговоренной в соглашении. Несколько важными на самом деле были эти поставки, особенно поставки нефти: не очень важные, по мнению некоторых историков; чрезвычайно важные, по мнению других. Тем не менее, нацистская Германия продолжала в значительной степени полагаться на нефть, импортируемую – в основном через испанские порты – из Соединенных Штатов, по крайней мере, до тех пор, пока Дядя Сэм не вступил в войну в декабре 1941 года. Летом 1941 года десятки тысяч нацистских самолетов, танков, грузовиков и других военных машин,

участвовавших во вторжении в Советский Союз, все еще в значительной степени зависели от топлива, поставляемого американскими нефтяными трестами.

Хотя неясно, насколько важной была поставляемая Советами нефть для нацистской Германии, несомненно, что пакт требовал от немецкой стороны ответных действий: поставлять Советам готовую промышленную продукцию, включая современное военное оборудование, которое использовалось Красной Армией для модернизации своей обороны против немецкого нападения, которого они ожидали рано или поздно. **Это было главной причиной беспокойства для Гитлера, который поэтому стремился начать свой антисоветский крестовый поход как можно скорее.** Он решил сделать это, даже несмотря на то, что после падения Франции Великобритания была далеко не списана со счетов. Следовательно, в 1941 году немецкому диктатору придется вести войну на два фронта, которой он надеялся избежать в 1939 году благодаря своему пакту с Москвой, и он столкнется с советским противником, который стал намного сильнее, чем в 1939 году.

Сталин подписал пакт с Гитлером, потому что архитекторы умиротворения в Лондоне и Париже отвергли все советские предложения сформировать общий фронт против Германии. А умиротворители отклонили эти предложения, потому что они надеялись, что Гитлер пойдет на восток и уничтожит Советский Союз – выполнит работу, которую они стремились для него облегчить, предлагая ему «трамплин» в виде чехословацкой территории. Практически очевидно, что без пакта Гитлер напал бы на Советский Союз в 1939 году. Однако из-за пакта Гитлеру пришлось ждать два года, прежде чем он, наконец, смог начать свой антисоветский крестовый поход. Это дало Советскому Союзу дополнительное время и пространство, что позволило улучшить его оборону ровно настолько, чтобы пережить натиск, когда Гитлер, наконец, отправил своих псов войны на Восток в 1941 году.

Красная Армия понесла страшные потери, но в конечном итоге сумела остановить нацистский натиск. Без этого советского успеха, названного историком Джеки Робертсон «величайшим подвигом оружия в мировой истории», Германия, скорее всего, выиграла бы войну, потому что она получила бы контроль над нефтяными

месторождениями Кавказа, богатыми сельскохозяйственными землями Украины и многими другими богатствами обширной Земли Советов. Такой триумф превратил бы нацистскую Германию в непобедимую сверхдержаву, способную вести даже длительные войны против кого угодно, включая англо-американский альянс. **Победа над Советским Союзом дала бы нацистской Германии гегемонию над Европой.** Сегодня на континенте вторым языком был бы не английский, а немецкий, а в Париже модники прогуливались бы по Елисейским полям в австрийских кожаных штанишках.

Без пакта 1939 года, таким образом, освобождение Европы, включая освобождение Западной Европы американцами, британцами, канадцами и т. д., никогда бы не произошло^[33]. Польша бы не существовала; поляки были бы «недочеловеками», крепостными «арийских» поселенцев в германизированном Остланде, простирающемся от Балтики до Карпат или даже Урала. И польское правительство никогда бы не отдало приказ об уничтожении памятников в честь Красной Армии, как это было недавно, не только потому, что не было бы Польши и, следовательно, польского правительства, но и потому, что Красная армия никогда бы не освободила Польшу, и эти памятники никогда бы не были установлены.

Представление о том, что пакт Гитлера-Сталина, якобы, «спровоцировал Вторую мировую войну» – хуже мифа, это откровенная ложь. Верно как раз обратное: этот пакт был предпосылкой счастливого исхода из адской войны 1939–1945 годов, то есть разгрома нацистской Германии.

Глава 8

Переломный момент Второй мировой войны

Миф

Переломный момент Второй мировой войны наступил с высадкой десанта в Нормандии в июне 1944 года. С тех пор немцев систематически оттесняли назад, и Европа была освобождена американцами, которым помогали английские и канадские союзники. Этому нас учат в основном в голливудских фильмах, таких, как «Самый длинный день» и «Спасти рядового Райана».

Реальность

Перелом в войне начал намечаться уже летом 1941 года, спустя несколько недель после того, как ранее казавшаяся непобедимой германской армия вторглась в Советский Союз. Когда Красная Армия 5 декабря того же года под Москвой начала контрнаступление, наступил конец гитлеровскому блицкригу на Востоке, и генералы Вермахта доложили Гитлеру что они больше не смогут выиграть войну.

Германия, хотя и была промышленной сверхдержавой, но ей не хватало колоний, и из-за этого она страдала хронической нехваткой стратегического сырья. И потому, чтобы выиграть войну, запланированную Гитлером, она должна была победить быстро. Окончательная победа должна была прийти раньше, чем закончатся запасы резины и, в особенности, нефти. Эти запасы, значительная часть которых была поставлена американскими нефтяными трестами, были созданы в годы, предшествовавшие войне. Они не могли быть

компенсированы использованием синтетического топлива (производившегося в самой Германии на основе угля) или за счет импорта нефти из дружественных или нейтральных стран, таких как Румыния и – после заключения гитлеровско-сталинского пакта в августе 1939 г. – Советский Союз. Вот почему нацисты разработали стратегию блицкрига – «молниеносной войны», синхронной атаки с огромным количеством танков и самолетов, с использованием грузовиков для перевозки наступающей пехоты. Таким путем немцы надеялись прорвать оборонительные рубежи, за которыми обычно находилось большинство вражеских войск в стиле Первой мировой войны. Эти силы затем предполагалось быстро окружить и поставить их перед выбором: капитуляция или полное уничтожение.

В 1939 и 1940 годах эта стратегия сработала очень хорошо: за каждым блицкригом всегда следовал «блиц-зиг», «молниеносная победа», не только в Польше, Нидерландах и Бельгии, но даже в, казалось бы, могущественной Франции. Когда нацистская Германия весной 1941 года вот-вот должна была напасть на Советский Союз, все ожидали аналогичного развития событий – причем не только Гитлер и его генералы, но и военачальники в Лондоне и Вашингтоне. Все были убеждены, что германский вермахт сломает Красную Армию максимум за два месяца. Накануне нападения Гитлер с уверенностью полагал, что «ему предстоял величайший триумф в его карьере». Гитлер и его генералы возлагали большие надежды на «Осткrieg», блицкриг на Восточном фронте. Запасы нефти и каучука значительно сократились после того, как танковые дивизии и самолеты принесли смерть и разрушения на территории от Польши, Норвегии и Парижа до Белграда, Афин и даже Крита. К весне 1941 г. остававшиеся запасы топлива, шин, комплектующих и т. д. позволяли вести еще одну моторизованную войну самое большее несколько месяцев. Этот дефицит не мог быть компенсирован продолжающимся импортом (через нейтральную Испанию и оккупированную Францию) из США и ограниченными объемами советской нефти. Гитлер считал, что его проблему снабжения можно будет решить путем как можно более скорого нападения на Советский Союз, пусть даже упрямая Британия еще и не была побеждена. Молниеносной победой на Востоке можно было заполучить богатые нефтяные месторождения Кавказа, что позволило бы Германии после этого всегда иметь достаточно горючего.

Германия тогда была бы в состоянии вести даже длительные и тяжелые войны с любыми противниками – и побеждать в них тоже.

Таков был план. Он получил кодовое название «Барбаросса» – в честь средневекового немецкого императора-крестоносца. Его реализация началась 22 июня 1941 года. Однако он не принес тех результатов, которых от него ожидал Берлин.

Сначала Красной Армии пришлось принять на себя страшные удары. Но, однако, большая часть ее войск не была размещена на границах, как, например, поступили французы и бельгийцы – и как того ожидали немцы. Советское командование сделало выбор в пользу защиты в глубине страны. Таким образом они избежали уничтожения большей части их армии в ходе массированных ударов. Немцы действительно быстро продвигались вперед, но это становилось все труднее и труднее, и они несли все большие потери. В конце лета 1941 года, когда кампания по планам должно было уже триумфально закончиться, они все еще находились далеко от Москвы и еще дальше от кавказских нефтяных месторождений. Вскоре грязь, снег и холод осени и начала зимы принесли новые трудности для войск и вооружений, которые немцы никогда не предполагали использовать при таких обстоятельствах.

Тем временем Красная Армия оправилась от первых тяжелых ударов.

5 декабря 1941 года она начала контрнаступление под Москвой. Нацистские войска были отброшены назад и вынуждены отступить и занять оборонительные позиции. Вечером того рокового 5 декабря генералы верховного командования Вермахта сообщили Гитлеру, что из-за провала стратегии blitzkrieg в России он больше не мог надеяться на победу в войне. Немецкий историк Герд Р Уэбершер, специалист в области истории войны против Советского Союза, поэтому называет успехи Красной Армии под Москвой переломным моментом Второй мировой войны.

Поворотной точкой в войне, таким образом, стали события 5 декабря 1941 года. Но, как и прилив приходит не внезапно, а постепенно и почти незаметно, этот поворот в войне тоже на самом деле не произошел в один день, а за множество дней, недель и даже месяцев – приблизительно за три месяца, прошедших с лета 1941 года и до начала декабря того же года.

Но даже несмотря на то, что поворот в войне на Востоке происходил медленно, он не остался незамеченным. Уже летом зоркие наблюдатели начали сомневаться в немецкой победе не только над Советским Союзом, но и в войне в целом. В Виши, резиденции французского коллаборационистского режима маршала Филиппа Петена, его военные эксперты заметили уже в начале июля, что *la guerre germano-russe* («немецко-русская война») пошла не так, как ожидалось, и они пришли к выводу, что «Германия не выиграет войну, но на самом деле уже проиграла ее». И хорошо осведомленный Ватикан, который поначалу с энтузиазмом отнесся к крестовому походу Гитлера против родины «безбожного» большевизма, в конце лета 1941 года уже был очень обеспокоен ситуацией на Восточном фронте. В середине октября в Ватикане решили, что Германия проигрывает войну (но немецкие епископы еще ни о чем не подозревали, даже спустя несколько месяцев, потому что 10 декабря они заявили о том, «с каким удовлетворением они наблюдают за борьбой против большевизма»). В середине октября швейцарские спецслужбы доложили, что «немцы больше не смогут победить в войне». Месяцем ранее корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» в Стокгольме уже пришел к выводу, что Германия может «резко рухнуть». Он только недавно вернулся из Рейха, где видел битком набитые эшелоны с ранеными.

К концу ноября даже высшие эшелоны Вермахта и нацистской партии пали жертвой пораженчества. Даже несмотря на то, что их войска все еще наступали на Москву, некоторые генералы уже высказывали мнение, что было бы лучше начать переговоры об окончании военных действий.

Когда Красная Армия 5 декабря начала свое сокрушительное контрнаступление, Гитлер также понял, что проигрывает войну. Но он был не готов признать это перед немецким народом. Эти плохие новости с подмосковного фронта были представлены широкой публике как времененная неудача, из-за, якобы, неожиданно раннего наступления зимы и некомпетентности или трусости некоторых офицеров из командного состава. Только год спустя, после катастрофического поражения в Сталинградской битве зимой 1942–1943 гг., немецкая общественность и весь мир поняли, что Германия была обречена на

крах — вот почему многие историки до сих пор считают, что переломный момент войны наступил в Сталинграде.

Так что гитлеровский блицкриг против Советского Союза превратился в жалкое зрелище и даже в катастрофическое фиаско. Если бы эта кампания закончилась триумфально, и были завоеваны нефтяные ресурсы и другое сырье, это превратило бы Рейх в фактически непобедимую мировую державу. В этом случае нацистская Германия, скорее всего, добила бы Великобританию, даже если американцы пришли бы на помощь своему англосаксонскому «кузену», о чём в начале декабря 1941 года вообще еще не было речи (не говоря уже о высадке союзников в Нормандии). Возможно, Германия и сегодня по-прежнему довлела бы в политico-экономическом отношении над Европой, Ближним Востоком и Северной Африкой, если бы нацисты смогли в 1941 г. сокрушить Советский Союз. С битвой под Москвой в декабре 1941 года нацистская Германия потерпела поражение, сделавшее невозможной ее окончательную победу в войне.

Есть и другие причины для того, чтобы считать декабрь 1941 года переломным моментом во Второй мировой войне: контрнаступление Советов разрушило ауру непобедимости, которая с момента успеха против Польши в 1939 году витала вокруг Вермахта, и поэтому оно вдохновило всех противников нацистской Германии. Битва под Москвой, кроме того, привела к тому, что большинство германских вооруженных сил завязло на неопределенное время на Восточном фронте протяженностью около 4000 километров. Для англичан это было огромным облегчением, например, им больше не нужно было беспокоиться о возможном нападении немцев на Гибралтар. И напротив, крах блицкрига деморализировал немецких союзников, например, финнов и др.

7 декабря 1941 года, отсиживаясь в своем штабе глубоко в лесу в Восточной Пруссии и еще не переваривший плохие новости из Советского Союза, Гитлер должен был проглотить еще один неприятный сюрприз. Пришла новость о том, что на другом конце света Япония атаковала американский флот в Перл-Харборе, Гавайи. Предыстории и значению этого инцидента, который втянул Соединенные Штаты в войну, будет посвящена наша следующая глава. Здесь же достаточно сказать, что эта агрессия привела к тому, что

Вашингтон объявил войну Японии, но не Германии, которая не имела никакого отношения к этому нападению и даже не была в курсе японских планов. Гитлер вовсе не был обязан вступать в конфликт своих японских союзников с американцами, как утверждают некоторые историки^[34]. Но 11 декабря 1941 года, четыре дня спустя после Перл-Харбора немецкий диктатор внезапно объявил войну Соединенным Штатам.

Этот, казалось бы, иррациональный поступок вполне объясним в свете неприятностей, в которые попали немцы в то время на Восточном фронте. Почти несомненно Гитлер был убежден, что его не требовавшийся и драматический жест, объявление войны врагу своего друга на Дальнем Востоке, мотивирует Японию на ответный жест солидарности, на объявление войны врагу Германии, Советскому Союзу. Это поставило бы Советы в крайне опасное положение войны на два фронта. Японская армия в таком случае могла вторгнуться в Советский Союз под Владивостоком. Гитлер, похоже, поверил, что он сможет спугнуть призрак поражения от Советского Союза и в войне в целом вторжением японцев в далекий район Сибири, граничащий с Китаем, где они появились бы как чертик из табакерки. По словам немецкого историка Ганса В. Гацке, фюрер был убежден, что «если Германия не присоединится к Японии [в войне против США], то это лишило бы ее японской помощи против Советского Союза».

Но Япония не ответила на невысказанное приглашение Гитлера так, как он надеялся. В Токио ненавидели Советское государство, но Страна восходящего солнца выбрала конфликт против США и так же, как и СССР, не могла позволить себе роскошь войны на два фронта. Вместо того, чтобы бродить по негостеприимным краям Сибири, Япония предпочитала все свои силы направить на осуществление своей южной стратегии в надежде завоевать Юго-Восточную Азию с ее богатой нефтью Индонезией и богатым каучуком Индокитаем. Военные действия между Советским Союзом и Японией начнутся только в конце войны, после капитуляции нацистской Германии.

Так что Гитлер сам виноват в том, что в лагерь врагов Германии вошли отныне не только Англия и Советский Союз, но и Соединенные Штаты, мощная держава, от которой можно было ожидать, что ее армия, рано или поздно, будет у дверей Германии или, по крайней мере, оккупированной Европы. (И действительно, американские

войска высадятся во Франции, но только в июне 1944 года.) Эта высадка, несомненно, стала драматическим и важным эпизодом в истории войны, который прославляется в западном мире как поворотный момент Второй мировой войны. Но можно смело задаться вопросом, а высадились ли бы американцы когда-нибудь в Нормандии или даже пошли бы они в один прекрасный день войной на Германию, если бы Гитлер не объявил им войну 11 декабря 1941 года? И еще один вопрос, а сам Гитлер принял ли бы когда-нибудь роковое решение объявить войну Америке, если бы он не был в отчаянии из-за очень трудной ситуации, в которой он оказался под Москвой? Когда генерал Вальтер Варлимонт, член генштаба Вермахта, получил известие о том, что Гитлер объявил войну США, он потрясенно воскликнул, что «мы никогда еще даже не думали о войне против Соединенных Штатов». До декабря 1941 года и Вашингтон тоже никогда по-настоящему не задумывался о войне против Германии.

Все это было следствием того поражения, которое немцы потерпели под Москвой.

Хотя нацистская Германия и была обречена на гибель, но война продлится еще много времени. Гитлер отверг советы своих генералов найти дипломатический выход из войны. Он принял решение продолжать ее в постоянно угасающей надежде на то, что победы еще так или иначе можно будет добиться. Контраступление Красной Армии можно будет остановить, и, быть может, Вермахт переживет зиму 1941–1942 годов, а весной 1942 года Гитлер намеревался объединить все имеющиеся силы для нанесения удара под кодовым названием «Синева» в направлении нефтяных месторождений Кавказа. Нехватка топлива, в конце концов, отныне стала решающим фактором. Сам Гитлер признавал, что «если он не приберет к рукам нефть Майкопа и Грозного, то войну придется заканчивать».

Но теперь элемент внезапности, сыгравший важную роль в июне 1941 г., уже отсутствовал. Более того, у Советов была масса трудовых ресурсов и неисчерпаемые запасы нефти и другого сырья, а также отличное военное снаряжение. Большая его часть производилась на заводах, которые с 1939 по 1941 год были созданы далеко за Уральскими горами. Германские вооруженные силы, с другой стороны, не могли компенсировать огромные потери, которые они понесли в 1941 году. С 22 июня 1941 года по 31 января 1942 года немцы потеряли

6000 самолетов и более 3200 танков и других транспортных средств. Не менее 918 000 человек были убиты, ранены или пропали без вести, что составляло 28,7 процента средней численности армии – 3,2 миллиона человек [35].

Вследствие этого силы, имеющиеся в наличии в 1942 году чтобы продолжать наступать на нефтяные месторождения Кавказа, были крайне ограниченными. При таких обстоятельствах просто удивительно, что немцам все же удалось подобраться к своей цели. Но их наступление рано или поздно неизбежно должно было сорваться, и в сентябре того года так и произошло. Их уязвимые линии обороны растянулись на протяжении многих сотен миль, представляя собой идеальную цель для контратаки Красной Армии. Когда эта контратака началась, то в результате целая немецкая армия оказалась в ловушке в районе Сталинграда, и там, после титанической битвы, она потерпела бесславное поражение. После этого великого триумфа Красной Армии весь мир наконец четко осознал, что Германия неизбежно проиграет войну. Однако именно менее известное немецкое поражение под Москвой в конце 1941 года создало условия для этого поражения немцев под Сталинградом.

Так провал блицкрига под Москвой в декабре 1941 г. стал поворотным пунктом войны, в результате которого нацистская Германия была вынуждена без достаточного количества сырья и других ресурсов вести ту самую долговременную войну, в которой, как Гитлер и его генералы знали, они никогда не смогут победить. Именно тогда, когда война уже была фактически проиграна для Германии, США вступили в войну против Рейха. Американцам, однако, еще предстоит пройти долгий путь в войне с Японией, и только с высадкой в Нормандии, меньше чем за год до конца войны, они начали, наконец, вносить важный вклад в разгром нацистской Германии. Почему же им потребовалось ждать так долго?

Американские и британские лидеры старались вести себя как можно дольше подобно смеющемуся стороннему наблюдателю за тем, как их нацистский враг и их союзник, Советский Союз, пускают друг другу кровь на Восточном фронте. То, что Красная Армия приносила такие огромные жертвы для разгрома Германии, позволило ее западным союзникам не только поберечь, но даже и наращивать свои силы. Они надеялись появиться в нужное время и навязать свою волю не только

побежденным немцам, но и измученному в войне СССР. Дядя Сэм рассчитывал определить послевоенное устройство как Европы, так и большей части остального мира на пару с Британией. Вот почему Вашингтон и Лондон отказались в 1942 году открыть второй фронт путем высадки войск во Франции. Вместо этого они решили в ноябре 1942 года отправить армейские части в Северную Африку, чтобы оккупировать французские колонии.

Когда, после катастрофического поражения Вермахта в бою под Сталинградом становилось все более очевидным, что нацистская Германия обречена, внезапно произошла драматическая перемена в ситуации для Вашингтона и Лондона. Рузвельта и Черчилля совсем не радовало, что Красная армия теперь медленно, но верно была на пути к Берлину и, возможно, могла бы пойти и западнее него. Для англичан и американцев теперь стоял вопрос о высадке войск во Франции как можно скорее, чтобы освободить Западную Европу и войти в Германию, не допустив попадание территориально большей части этой страны «в руки Советов», как выражаются два американских историка, Питер Н. Кэрролл и Дэвида У. Нобл. Впрочем, было слишком поздно начинать такую сложную логистическую кампанию в 1943 году. Высадку пришлось отложить до 1944 года, и тогда она, наконец, была осуществлена на пляжах Нормандии. Но к тому времени речь о поворотном моменте в войне уже давно не шла.

Глава 9

Перл-Харбор

Миф

Совершенно неожиданное японское нападение на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года привело к тому, что Соединенные Штаты оказались вовлечены во Вторую мировую войну. Однако японская агрессия соответствовала позиции президента Рузвельта, который долгое время с нетерпением ждал возможности проявить солидарность с Великобританией, чтобы вступить в войну против Германии и бороться за дело демократии, несмотря на изоляционистскую оппозицию в Конгрессе.

Реальность

Вашингтон хотел войны против Японии, давно к ней готовился, считал, что эту войну можно было выиграть легко и быстро, и намеренно спровоцировал японское нападение на Перл-Харбор. В ответ на объявление США войны против Японии Гитлер неожиданно объявил войну США, которым, таким образом, пришлось воевать с двумя врагами.

1939 и 1940 годы были удачными годами для крупных компаний и банков США. В Европе шла страшная война, но по ту сторону Атлантики это никому не мешало, кроме того, война была полезна для бизнеса. После долгих лет кризиса экономика снова пошла вверх, с поступлением заказов на разного рода военную технику, особенно в Великобританию. Соответственно, выросли и прибыли. Чтобы оплачивать завышенные счета за военные заказы, англичанам пришлось брать кредиты под высокие проценты в американских банках. Вот таким образом Соединенные Штаты, наконец, смогли

выйти из глубокого экономического кризиса 1930-х годов, Великой депрессии. Компании и банки нейтральных США также охотно торговали бы и вели бизнес с Германией, но совсем как во время Первой мировой войны, это было невозможно, по крайней мере, теоретически, из-за блокады Германии британским Королевским флотом. Однако через нейтральные страны вроде Испании также можно было поставлять товары нацистам, особенно большое количество нефти, и это тоже было крайне выгодным бизнесом. Кроме того, большое число американских компаний имели дочерние компании в нацистской Германии и в оккупированных странах, таких, как Франция и Бельгия, и они также приносили значительные прибыли, особенно за счет поставок транспортных средств, самолетов и другой военной техники, которые они производили для нацистской военной машины.

Эти доходы невозможно было вывезти, но они были в значительной степени реинвестированы в саму Германию, например, в новые производственные помещения. Таким образом, война в Европе была хороша для американского бизнеса, чем дольше она продолжалась, тем было лучше, а кто там в конце концов победит, эту заботу можно было оставить на потом.

Однако в июне 1941 года нацистские войска начали крестовый поход против Советского Союза. В Соединенных Штатах мнения по поводу этого конфликта разделились. Не верилось, что Советы смогут долго продержаться. Но когда Красная Армия в начале декабря 1941 года смогла отбросить танки Вермахта от подступов к Москве, это было необычайно хорошей новостью

для промышленников и банкиров, которые вели выгодный бизнес с англичанами. Было ясно, что их британский партнер теперь сможет долго вести войну, и, таким образом, он будет продолжать покупать военные материалы в США, причем, в отличие от Первой мировой войны, без требования того, чтобы США пришли к ним на помощь. Американская элита рассматривала борьбу титанов на бескрайнем Восточном фронте в другом свете. На самом деле она не желала ни одному из двух соперников одержать победу, но хотела бы, чтобы им пришлось сражаться друг с другом очень долго, пока они оба не рухнут в полном изнеможении. Эта надежда на долгий конфликт между Берлином и Москвой нашла свое отражение во многих газетных

статьях и в пресловутом замечании тогдашнего сенатора, а позже президента Гарри С. Трумэна от 24 июня 1941 года, то есть, спустя всего два дня после начала нацистского нападения на Советский Союз: «Если побеждать будет Германия, мы должны помочь России, а если побеждать будет Россия, то мы должны будем помочь Германии. Таким образом обе стороны понесут как можно большие потери».

Благодаря войне в Европе США были на пути к экономическому подъему, позволяющему преодолеть кризис. Британия, а также Советский Союз с этого момента стали главным рынком сбыта. Также в мире существовали и другие потенциальные рынки сбыта, не говоря уже о дешевых источниках сырья, таких, как каучук и нефть, которых США теперь требовалось все больше и больше. Были возможности и для инвестиций капитала, который продолжали накапливать банки и компании.

К концу девятнадцатого века Америка уже отстаивала свои интересы, которые она последовательно защищала через свое экономическое влияние, а иногда даже путем прямого политического контроля, распространяя их через океаны и континенты, – другими словами, становясь империалистической державой, такой же, как Британия и Франция.

Путем агрессивной внешней политики, проводимой, в частности, президентом Теодором Рузвельтом (однофамилец президента Франклина Делано Рузвельта), и вооруженного конфликта с Испанией – «великолепной маленькой войны», как ее называл американский посол в Лондоне Джон Хэй, дядя Сэм прибрал к рукам бывшие испанские колонии вроде Пуэрто-Рико, Кубы и Филиппин, а также территории, которые раньше были независимыми, такие, как Гавайские острова.

США усилили свое влияние не только в Латинской Америке и на Антильских островах, но и проявляли большой интерес к тихоокеанским островам и странам Дальнего Востока. Китай, в частности, попал под особое американское внимание. Для бизнесменов это был рынок с неограниченным потенциалом, огромная страна, но также невероятно слабая, которая созрела для экономического завоевания империалистической державой, обладающей необходимой властью и амбициями.

Однако на Дальнем Востоке, и в частности в Китае, США вступили в противоречия с агрессивным конкурентом, у которого были свои империалистические амбиции в этой части света: это была Япония, Страна восходящего солнца. Отношения между Вашингтоном и Токио были уже десятилетиями не очень хорошими, но значительно ухудшились во время Великой депрессии, когда конкуренция за рынки сбыта и за сырье стала более агрессивной. Япония даже больше чем США нуждалась в нефти, резине и другом сырье для поддержания работы ее заводов, в рынках сбыта для своей промышленной продукции и в новых возможностях за рубежом для своего инвестиционного капитала. В 1930-е годы Токио уже вел войну против Китая и создал свое вассальное государство в северной части этой страны, известное как Маньчжоу-го (японское название того, что по-китайски называлось Маньчжурией).

Что больше всего ударяло по интересам Соединенных Штатов в этом деле, так это не то, что японцы обращались со своими китайскими (а также корейскими) соседями как с недочеловеками, а что они, казалось, планировали интегрировать в свою империю Китай и остальную часть Дальнего Востока, включая богатые сырьем Индокитай и Индонезию, создать исключительную экономическую зону, эвфемистически названную «Великая Восточноазиатская зона общего процветания» – закрытую экономику, в которой не было бы места для американской конкуренции. Перспектива выдавливания с выгодного рынка Китая и окружающих стран «япошками» раздражала американскую властную элиту. Еще с 19-го века в Соединенных Штатах презирали «низшую желтую расу», к которой, кстати, принадлежали также и китайцы. В этом контексте американское военное руководство в 1930-е годы начало разрабатывать планы возможной войны с Японией.

С началом войны в Европе начал проявляться новый фактор, которому предстояло сыграть важную роль. Поражение Франции и Нидерландов в 1940 году от Германии поставило вопрос о том, что будет дальше с колониальными владениями этих стран на Дальнем Востоке, а именно, с Индокитаем, богатым каучуком, и с Индонезией, которую природа благословила нефтью. Теперь, когда их метрополии находились под гнетом нацистов, эти колонии, как спелые плоды, висели, ожидая, когда их сорвет один из оставшихся участников

беспощадной гонки между великими империалистическими державами. Кто претендовал на них? Германия, конечно, имела необходимые империалистические аппетиты, но сначала она должна была одержать победу в войне, с тем, чтобы после этого навязать побежденным странам мирное соглашение в духе Версальского договора. Перспективы такого немецкого триумфа осенью 1941 года, однако, испарились, когда стало ясно, что шансы Вермахта в Советском Союзе выглядят достаточно плохо. Британия по-прежнему была занята борьбой с нацистами, и ей приходилось опасаться за свои владения на Дальнем Востоке. Гонконг, Малайзия и Сингапур действительно вскоре попадут в японские руки.

Япония была державой с самыми большими амбициями в этой части мира, причем с огромным аппетитом на каучук и нефть. Могли ли США позволить этой стране добавить к ее квазимонополизации китайского рынка еще и Юго-Восточную Азию? Это означало бы полную гегемонию Японии на Дальнем Востоке и, следовательно, конец американских амбиций в этой части света. Но именно этот сценарий, казалось, и разворачивался, когда коллаборационистский режим Виши во Франции в 1940 году передал контроль над Ханоем и Сайгоном в руки Токио, а год спустя Япония оккупировала весь Индокитай. В Соединенных Штатах правящие политические и экономические круги считали, что пора и честь знать и что надо срочно предпринимать меры для предотвращения того, чтобы и богатая нефтью Индонезия также попала в руки «япошек», и тогда бы весь Дальний Восток исчез с экранов американского радара. Более того, если бы Япония имела в своем распоряжении индонезийскую нефть, это положило бы конец ее зависимости от американских нефтяных поставок, что означало бы огромные финансовые потери для американских нефтяных трестов. В 1939 году на их долю приходилось 80 % японского импорта черного золота.

Начиная с 1930-х годов американская элита все более склонялась к идеи конфликта с Японией. В отличие от нацистской Германии, Страну восходящего солнца США не считали великой державой, а расценивали ее как надменную, но слабую высокочку. Могучая Америка легко могла бы «в течение трех месяцев стереть ее с карты мира», как выразился военно-морской министр Фрэнк Нокс. Планы войны с Японией – но не против Германии – были готовы уже довольно давно.

Кстати, именно в расчете на такой конфликт в перспективе США уже в 1930-е годы начали создавать авианосцы и производить стратегические бомбардировщики. Утверждение, что Америка вооружилась только после Перл-Харбора, неверно. Новое оружие обеспечило дядюшке Сэму достаточно длинные военные руки, чтобы нанести удар через Тихий океан, где Филиппины, стратегически удачно расположенные в непосредственной близости как от Японии и Китая, так и от Индокитая и Индонезии, служили в качестве американского военного плацдарма. В конце лета 1941 года эскадрилья бомбардировщиков B-17 «Летающих крепостей» был переброшен на Филиппины.

15 ноября 1941 года Джордж Маршалл, начальник Генерального штаба Вооруженных сил США, строго конфиденциально сообщил журналистам, что, «мы ведем подготовку войны против Японии» с использованием размещенных на Филиппинах бомбардировщиков B-17, которые должны будут сбросить зажигательные бомбы на «бумажные города» Японии, с тем, чтобы испепелить их вместе с их гражданским населением. Ождалось, что этого будет достаточно для того, чтобы якобы трусливые «япошки» капитулировали.

Американская экономическая, политическая и военная элита хотела войны против Японии, и президент Рузельта – чье семейное состояние в значительной степени было сделано за счет торговли опиумом с Китаем – готов был исполнить это желание. Но Рузельт не мог себе позволить начать эту войну сам, потому что только оборонительная война была бы приемлема для Конгресса и американского общественного мнения, не проявлявшего особого аппетита к вооруженным конфликтам. Кроме того, американское объявление войны Японии заставило бы Германию прийти ей на помощь. Союз между Берлином и Токио требовал взаимной помощи в случае нападения на одного из партнеров со стороны третьей страны. Но это обязательство было недействительным в случае, если один из партнеров первым объявил бы войну третьей стране. Для того, чтобы развязать эту «оборонительную» войну, необходимо было подтолкнуть Японию к войне, спровоцировать ее. Президент Рузельт принял решение, что «это должно выглядеть так, как будто Япония первая потянулась за оружием».

Таким образом, «подтолкнуть [Токио] так, чтобы он был вынужден начать войну», стало основной целью его политики в отношении

Японии в течение 1941 года. С этой целью военные корабли были посланы находиться вблизи от и даже в японских территориальных водах, в надежде на инцидент, который сможет стать спусковым крючком для войны. Якобы строго конфиденциальное раскрытие планов по воздушной войне против Японии, от которого можно было ожидать, что оно привлечет внимание японцев, скорее всего, тоже составляло часть этой стратегии.

Однако более эффективным было бескомпромиссное экономическое давление, оказываемое США на Японию с лета 1941 года. После того, как гитлеровский Вермахт обрушился на Советский Союз, англичане смогли вздохнуть свободнее. Это позволило американцам перенести внимание на Тихий океан, а не на Атлантику. Правительство Рузвельта заморозило все японские счета в США и наложило на Японию, в сотрудничестве с англичанами и голландцами, строгие экономические санкции, включая эмбарго на жизненно важные нефтепродукты. Японии позарез требовалось иностранное сырье, и она считала подобные методы крайне провокационными. Кроме того, эти санкции подталкивали японцев к тому, чтобы они еще больше захотели получить богатую нефтью Индонезию, отняв ее у голландских колонизаторов. Ситуация еще ухудшилась осенью 1941 года, главным образом потому, что Вашингтон взялся и за монопольную политику Токио в отношении Китая, потребовав там открытую дверь для американских бизнесменов. Токио ответил предложением применять к Китаю принцип недискриминационных торговых отношений, при условии, что американцы сделали бы то же самое в Латинской Америке. Однако Вашингтон хотел этого для самого себя в сфере влияния других империалистических держав, но не пускал их на свой задний двор и поэтому отклонил предложение японцев.

Непрекращающиеся американские провокации должны были толкнуть Токио на объявление войны США, и такая возможность становилась все реальнее, как предупреждал американский посол в Японии. «Тем, что мы постоянно кололи иголками гремучих змей, – позже доверительно говорил Рузвельт своему другу, – наша страна в конце концов добилась того, что была укушена». 26 ноября 1941 года Вашингтон направил Японии ноту из десяти пунктов. В ней содержался призыв к немедленному выводу сил Японии из Китая. Госсекретарь США знал, что это «подразумевало» войну, – пишет

американский историк Марк А. Столер. И действительно, «гримучие змеи» в Токио сочли это достаточным и готовились «укусить».

Уже в конце октября в Маниле в американских кругах циркулировали слухи, что японский флот направляется к Перл-Харбору. Это было (на тот момент пока еще) неверным. И только месяц спустя, 26 ноября 1941 года, японский военный флот направился на Гавайи, чтобы нанести удар по впечатляющей коллекции военных кораблей, которые Рузвельт в 1940 году послал туда, что одновременно выглядело для Токио и провокацией, и было похоже на приглашение. Японцы надеялись, что разрушительный удар против этой военно-морской базы в середине Тихого океана воспрепятствует эффективному американскому вмешательству на Дальнем Востоке в течение неопределенного периода времени. Тем временем Япония надеялась воспользоваться созданными таким образом широкими возможностями для установления своей гегемонии путем оккупации как Индонезии, так и Филиппин. Япония надеялась поставить американцев перед свершившимся фактом того, что без своего филиппинского плацдарма Соединенные Штаты больше не смогут изменить существующее положение. Однако американцы раскодировали японские шифровки, в результате чего как президент, так и армейское командование точно знали, где находится японский флот и что он планирует сделать.

Однако командующие судами на Гаваях не были уведомлены об этом, и вот тогда дело и дошло до так называемого «внезапного нападения» на Перл-Харбор в воскресенье, 7 декабря 1941 года. На следующий день Рузвельту ничего не стоило заставить Конгресс объявить войну Японии. Американская публика, потрясенная тем, чтоказалось трусивым нападением. Она не могла знать, что нападение это было спровоцировано и ожидалось его собственным правительством, и тоже поддержала вступление в войну.

США были готовы вести войну против Японии, и перспектива сравнительно легкой победы совсем не была скомпрометирована потерями, понесенными в Перл-Харбore. Эти потери казались впечатляющими, но в реальности они были далеко не катастрофическими. Потопленные корабли были устаревшие, «в основном реликвии времен Первой мировой войны», и вовсе не обязательные для ведения войны с Японией. В то же время

современные военные корабли, в том числе авианосцы, роль которых была самой главной, не пострадали. Они были в Перл-Харборе, служа в качестве приманки, но как только японский флот вышел в путь, из Вашингтона им было приказано покинуть базу. Они были далеко и в безопасности в море, когда произошло японское нападение.

Однако не все шло по плану. Причина этого заключалась в том, что через несколько дней после Перл-Харбора, 11 декабря 1941 года, Гитлер совершенно неожиданно объявил войну США, как мы рассказали в предыдущей главе. Хотя у Гитлера были веские причины не вступать в войну против Соединенных Штатов, ибо в Советском Союзе его армии находились во все более тяжелом положении. Американская элита тоже не была заинтересована в этом вооруженном конфликте с нацистской Германией. Так что война против Рейха не была ни желанной, ни запланированной. В Белом Доме поэтому объявление войны немцами было воспринято как самый неприятный сюрприз. Таким образом Соединенные Штаты против воли оказались втянутыми в войну с Германией.

В связи с этим возникает интересный вопрос: когда Вашингтон вступил бы в войну с нацистской Германией, если бы Гитлер не объявил войну США? Может быть, никогда? В любом случае, Соединенные Штаты внезапно оказались в состоянии войны с двумя врагами вместо одного. И конфликт, в котором они теперь оказались завязшими по уши, был гораздо серьезнее, так как он предполагал войну два фронта, как в Европе, так и в Азии, то есть, это была настоящая мировая война, а не «великолепная маленькая война» против Японии, которая, кроме того, оказалась гораздо более жестким противником, чем того ожидали американцы.

Глава 10

Хиросима и Нагасаки

Миф

Кровавый конфликт на Дальнем Востоке завершился только летом 1945 года, когда у американцев не было другого выхода, кроме как заставить фанатичных и упрямых японцев согласиться на безоговорочную капитуляцию путем нанесения ядерных ударов по Хиросиме и Нагасаки.

Реальность

Хиросима и Нагасаки были уничтожены атомными бомбами, чтобы не дать СССР выиграть войну на Дальнем Востоке, так как в результате Вашингтону пришлось бы позволить Москве сыграть определенную роль в послевоенной оккупации и восстановлении Японии. Кроме того, США хотели демонстрацией этого оружия запугать Советы и этим добиться от них уступок в переговорах о послевоенном устройстве Германии и Восточной Европы.

В Европе война закончилась в мае 1945 года, с капитуляцией Германии. Три великих победителя – Англия, США и Советский Союз, поскольку Франция еще не присоединилась к ним официально в то время, теперь должны были решить сложную и деликатную проблему послевоенного переустройства Европы. Соединенные Штаты вступили в войну поздно, а именно в декабре 1941 года и фактически только с высадкой десанта в Нормандии в июне 1944 года – менее чем за год до конца военных действий! – начали вносить важный вклад в победу союзников над нацистской Германией. Но когда с нацистской Германией было покончено, Вашингтон твердо и уверенно сел за стол

победителей, будучи преисполнен решимости достичь американских целей.

Страной, которая внесла самый большой вклад и понесла самые большие потери в войне с фашистами, был Советский Союз. Он ожидал репараций от Германии, а также давал ясно понять, что не станет больше терпеть враждебные Москве правительства в Германии, Польше и других странах Восточной Европы. Москва также ожидала компенсации за территориальные потери, понесенные Россией в ходе начавшейся после Октябрьской революции гражданской войны. Пройдя через такое ужасное испытание, выпавшее на их долю, теперь, когда война закончилась, Советы также ожидали, что их больше никто не потревожит, и что они теперь спокойно смогут заниматься строительством социалистического общества.

Американские и британские лидеры были осведомлены об этих целях Советов и явно или неявно признавали их легитимность, как это было, например, во время встреч Большой Тройки (Рузвельт, Черчилль и Сталин) в Тегеране и Ялте. Но это не означало, что Вашингтон и Лондон были довольны перспективой того, что Советский Союз получит эти награды за все его усилия и за принесенные им жертвы. Это было трудно примирить с собственными целями Вашингтона, например, свободным доступом для экспортной продукции и инвестиций США не только на рынки потерпевшей поражение Германии и остальной Западной Европы, которую они сами помогали освободить, но и Восточной Европы, освобожденной Красной Армией. Американские политические и промышленные лидеры – включая Гарри Трумэна, который сменил Франклина Д. Рузвельта на посту президента весной 1945 года – испытывали мало понимания и еще меньше сочувствия даже к самым скромным ожиданиям Советов. Они были против немецких репараций Советскому Союзу потому, что такое «кровопускание» Германии не позволило бы ей стать потенциально прибыльным рынком для американских продуктов и инвестиций. Кроме того, репарации Советам, учитывая их коммунистическую модель общества, позволили бы ей дальше развиваться, возможно, даже успешно. Такая соперничающая, «противовесная» система в отношении международной капиталистической системы, в которой США благодаря войне стали лидером и великим победителем, была неприемлема для них. Американская политическая и экономическая

элита прекрасно понимала, что эти репарации будут означать, что немецкие дочерние компании таких американских компаний как Ford и GM, которые во время войны производили все виды оружия для нацистов и на этом заработали огромное количество денег, должны будут в обозримом будущем трудиться на благо советских коммунистов вместо американских капиталистов.

Было ясно, что при переговорах членов Большой Тройки на равных, западные участники никогда не добьются того, чтобы Красная Армия вышла из Германии и Восточной Европы без хотя бы частичного достижения советских целей в области репараций и безопасности. Но 25 апреля 1945 года Трумэн был проинформирован о секретной операции «Манхэттенский проект», или С-1, кодовое название для создания атомной бомбы. Это новое и мощное оружие, над которым американские ученые работали уже в течение нескольких лет, было почти готово и вскоре могло быть протестировано и затем развернуто. Трумэн и его советники в определенной степени начали себя чувствовать после этого «всемогущими», писал американский историк Уильям Эпплман. Атомная бомба была «молотом», который он мог держать «над головами этих ребят в Кремле», как выразился Трумэн. Внезапно стало казаться, что вести трудные переговоры с Советами больше не нужно: обладание атомной бомбой, казалось бы, давало возможность заставить Сталина, несмотря на предыдущие договоренности, вывести Красную Армию из Германии, не давая ему слова в послевоенных делах этой ключевой страны, и привести прозападные и даже антисоветские правительства к власти в Польше и других странах Восточной Европы. В Вашингтоне даже начали мечтать о том, чтобы открыть Советский Союз для американского инвестиционного капитала и политического и экономического влияния, с тем, чтобы вернуть «коммунистического еретика» в лоно «всеобщей капиталистической церкви». Обладание таким военным сверхизырем, кроме того, давало различные возможности для войны на Дальнем Востоке и установления там послевоенного порядка. Но оставалось еще немного подождать, когда же бомбу, наконец, можно будет использовать.

На Потсдамской конференции, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. Трумэн получил долгожданную новость: первая атомная бомба была успешно испытана 16 июля в Аламогордо, штат Нью-Мексико.

Теперь американский президент почувствовал себя достаточно сильным. Он больше не делал предложений Сталину, но только выдвигал перед ним ряд требований. В то же время он просто отвергал все предложения Советов, в том числе и те, которые делались на основе ранее достигнутых договоренностей между союзниками.

Сталин, однако, не был готов капитулировать, даже когда Трумэн попытался запугать его, прошептав ему на ухо, что Соединенные Штаты теперь имеют в своем распоряжении ужасное новое оружие. Советские разведчики уже предупредили своего лидера об этом, и ни один мускул на его лице не дрогнул. Трумэн сделал вывод из такой реакции Советского Сфинкса, что только подлинная демонстрация атомной бомбы в деле остановила бы Советский Союз. В результате этого в Потсдаме не было достигнуто общего соглашения. Там на самом деле было решено мало или вообще ничего.

Тем временем японцы продолжали воевать на Дальнем Востоке, хотя их положение было совершенно безнадежным. Они не были готовы безоговорочно капитулировать, как того требовали американцы. Это подразумевало возможность того, что их император Хирохито уйдет в отставку и, возможно, будет привлечен к уголовной ответственности за военные преступления. Такое унижение было для японцев неприемлемо, и американские лидеры были хорошо осведомлены об этом. Например, морской министр Джеймс Форрестол считал, что американского заявления о том, что император не будет низложен и предан суду, вероятно, будет достаточно, чтобы положить конец войне. И действительно, было вполне возможно уговорить японцев капитулировать, несмотря на их условие об иммунитете Хирохито.

Требование американцев о безоговорочной капитуляции было далеко не неприкасаемым: капитуляция Германии в генеральском штабе Даайта Эйзенхауэра в Реймсе тремя месяцами ранее тоже была не совсем безоговорочной^[36]. Кроме того, условия Токио были совсем не такими уж существенными, как позднее оказалось: даже после безоговорочной капитуляции Японии американцы так ничего и не предприняли против Хирохито.

С благословения Вашингтона он продолжал оставаться императором еще долгие годы.

Почему японцы считали, что все еще могли позволить себе такую роскошь, как добавлять свои условия к сделанному им предложению сдаться? Их основная армия в Китае все еще была цела, и с этой армией они могли возможно, защищать сами Японские острова, и поэтому янки все еще пришлось бы дорого заплатить за заведомо неизбежную американскую победу. Но это могло бы произойти только в том случае, если бы Советский Союз не был вовлечен в войну на Дальнем Востоке и не выступил бы против японских войск на материковой части Китая. Нейтралитет Советов оставлял Токио небольшую надежду на американское одобрение их условия, касающихся императора.

В каком-то смысле, таким образом, война с Японией продолжалась, потому что Советский Союз не вмешивался. Однако уже в 1943 году Сталин в Тегеране пообещал объявить войну Японии через три месяца после капитуляции Германии. Он подтвердил это обещание 17 июля 1945 г. в Потсдаме. Вашингтон рассчитывал на то, что Советы в середине августа нападут на Японию. «С япошками будет покончено, если это случится», – признался Трумэн в своем дневнике, имея в виду ожидаемое вступление СССР в войну на Дальнем Востоке. Также американский военно-морской флот заверил Вашингтон, что они помешают японской армии отступить из Китая в Японию, чтобы противостоять там американскому вторжению. На самом деле было сомнительно, что американское вторжение в Японию будет необходимо. Мощный американский флот мог бы с помощью блокады заставить это островное государство выбирать между капитуляцией или голодом.

Так что, чтобы закончить войну против Японии без дальнейших жертв, у Трумэна было несколько особенно привлекательных вариантов. Он мог бы согласиться на незначительное японское условие в отношении их императора, он мог подождать, пока Красная Армия разгромит японцев в Китае и тем самым принудить их к безоговорочной капитуляции, или он мог бы добиться этой безоговорочной капитуляции через морскую блокаду. Однако Трумэн и его советники не выбрали ни одну из этих альтернатив, они решили разбомбить Японию атомным оружием. Это решение, которое будет стоить жизни сотням тысяч людей, в основном гражданских лиц и особенно женщин и детей, предоставляло Соединенным Штатам

огромные преимущества. Начнем с того, что применение атомной бомбы, возможно, могло заставить Токио сдаться еще до того, как Советы вступят в войну в Азии. В этом случае США не пришлось бы привлекать Москву к участию в принятии решений по послевоенной Японии и территорий, оккупированных Японией (таких, как Корея и Маньчжурия), да и на Дальнем Востоке и в Тихом океане в целом. США могли бы сыграть там роль «единственного рыцаря». И эта гегемония была целью, достижение которой для Вашингтона фактически было причиной его войны против Японии, как мы видели в предыдущей главе. Попытка поставить Японию на колени через блокаду означала бы, что японская капитуляция почти наверняка наступила бы только после вступления в войну Советского Союза^[37]. А советское вмешательство в войну на Дальнем Востоке угрожало – по мнению американских лидеров – теми же преимуществами для СССР, которые получили для себя США в Европе в связи с их относительно поздним вмешательством в войну там – место за столом победителей, которые навязут побежденному противнику свою волю, выкроют из его территории зоны оккупации, изменят границы, а также определят послевоенные политические и социально-экономические структуры с несомненной большой выгодой и престижем для себя. Вашингтон не хотел допустить к этому Советский Союз. Американцы подошли близко к победе над Японией, своим главным соперником в этой части мира. Теперь им не нужен был новый потенциальный соперник, соперник, чьи «мерзкие коммунистические идеи» уже стали очень влиятельными в Китае и других азиатских странах. Американцы надеялись, что, сбросив атомную бомбу, они добьют Японию без лишних слов и таким образом возьмутся за Дальний Восток без преследований советскими наблюдателями.

Бомба дала Вашингтону второе важное преимущество. Опыт работы в Потсдаме убедил Трумэна в том, что только действительная демонстрация этого нового оружия заставит Сталина стать достаточно уступчивым. Использование атомного оружия, чтобы стереть с лица Земли японский город – желательно такой, который пока не сильно пострадал от войны, чтобы ущерб был особенно впечатляющим – казался идеальным средством запугивания Советов и принуждения их к уступкам в Германии, Польше и остальной Центральной и Восточной Европе. Министр иностранных дел Трумэна, Джеймс Ф.

Бирнс, когда-то признал, что использование атомной бомбы было необходимо, чтобы через эту демонстрацию американской мощи сделать Советы в Европе более сговорчивыми.

Атомная бомба была готова как раз вовремя: до вступления Советов в действие на Дальнем Востоке. И все же ядерное уничтожение Хиросимы 6 августа 1945 года не смогло предотвратить вступление советских войск в войну с Японией. Японское правительство не выбросило немедленно белый флаг, как надеялись американцы, а 8 августа 1945 года – ровно через три месяца после капитуляции Германии в Берлине – Советский Союз объявил войну Японии. На следующее утро Красная армия атаковала японские войска в Северном Китае, в Маньчжурии. Японские лидеры не капитулировали сразу после сбрасывания атомной бомбы на Хиросиму, вероятно, потому, что разрушения, какими бы ужасными они ни были, были ничуть не хуже разрушений после обычных взрывов, которые ранее превратили ряд японских городов в пепел. Например, при атаке тысяч бомбардировщиков на японскую столицу 9 и 10 марта 1945 года было еще больше жертв, чем в Хиросиме. Как бы то ни было, потребовалось еще некоторое время до того, как, наконец, была объявлена безоговорочная капитуляция, и таким образом Советский Союз все еще воевал против Японии. Соединенные Штаты теперь должны были как можно скорее закончить войну, чтобы ограничить ущерб для своих целей, причиненный советским вступлением в войну. На следующий день после объявления войны Советами, 9 августа, США сбросили вторую атомную бомбу на Японию, на этот раз на город Нагасаки. Об этой бомбежке, в которой погибло много японских католиков, сказал американский военный священник позже: «Я думаю, что это была одна из причин, по которой сбросили вторую атомную бомбу, – потому надо было срочно заставить японцев сдаться до прихода русских». Но прошло еще пять дней, до 14 августа, прежде чем японцы сдались безоговорочно, что они, кстати, сделали больше из-за вступления в войну Советского Союза, чем из-за атомной бомбардировки. Тем временем Красная армия добилась больших успехов, к сильному сожалению Трумэна и его сообщников, и из Маньчжурии начала освобождение Кореи от зловещего японского колониализма.

Казалось, что американцам на Дальнем Востоке все еще придется иметь дело с советским партнером. Или все же нет? Трумэн продолжал

действовать. Он вел себя так, словно союзники не создали прецедента в войне в Европе, и отверг 15 августа 1945 года предложение Сталина о создании советской зоны оккупации в побежденной стране Японии. А затем, 2 сентября 1945 г. генерал Дуглас Макартур официально принял капитуляцию Японии на американском линкоре «Миссури» в Токийском заливе, где представители Советского Союза (и других союзников на Дальнем Востоке, например, Великобритании и Нидерландов) только присутствовали в качестве незначительных фигурантов. Япония не была разделена на зоны оккупации, подобно Германии. Соединенные Штаты оккупируют землю своего поверженного соперника в одиночку, и генерал Макартур в качестве американского «вице-императора» в Токио добился того, чтобы никто из союзников не принял участие в этом процессе, каким бы ни был их вклад в общую победу. Советы, конечно, вступили в действие только в конце войны с Японией, но разве сами Соединенные Штаты также не вступили относительно поздно в борьбу с нацистской Германией, а именно, только после того, как ход военных событий уже был переломлен на Восточном фронте, начиная с декабря 1941 года?

Не было нужды применять атомную бомбу для того, чтобы поставить Японию на колени. Но Трумэн хотел использовать это ужасное новое оружие, а для этого у него были, как мы увидели, различные собственные неотложные причины. Хиросима и Нагасаки были принесены в жертву на алтарь империалистических амбиций Америки и ее враждебности к Советскому Союзу. Но такие цели нельзя было откровенно высказать вслух, и вот почему были выдуманы различные ложные причины. Сам Трумэн лицемерно заявил в то время, что цель двух атомных бомбардировок состояла, якобы, в том, чтобы быстро закончить войну без дальнейших потерь для американских войск, чтобы «вернуть мальчиков домой». Вот так и возник миф, который американские СМИ, Голливуд и большинство американских и западных историков продолжают пропагандировать.

Один из преемников Трумэна, Барак Обама, в мае 2016 года нанес визит в Хиросиму. Там он описал атомную бомбардировку этого города хладнокровно, как «смерть, падающую с неба», как будто это было стихийное бедствие, которое не имело никакого отношения к его стране. Но он отказался выразить свое сожаление от имени дяди Сэма. Позднее был опубликован полный похвал доклад об этом

президентском «достижении» в престижной газете New York Times, о том, что «многие историки верят, что бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, которые в совокупности унесли более 200 000 человеческих жизней, в конечном счете помогли спасти еще большее количество жизней, потому что вторжение на Японские острова вызвало бы еще большее кровопролитие».

Не было сказано ни слова о том, что суровые факты противоречат этой «версии», и о том, что многочисленные историки имеют противоположное мнение. Вот как это делается – чтобы ложные мифы продолжали жить.

Глава 11

Соединенные Штаты в крестовом походе за демократию?

Миф

С энтузиазмом выступая за дело демократии и свободы, Соединенные Штаты Америки, с небольшим запозданием, в 1941 году вступили в борьбу с диктатурой и несправедливостью, олицетворением которых стала нацистская Германия. После самоотверженного освобождения ими большей части Европы традиционно изоляционистски настроенные американцы хотели вернуться домой, но волей-неволей им пришлось остаться в Европе, чтобы противостоять новой угрозе – Советскому Союзу. Так началась «холодная война», в которой в конечном итоге демократия под руководством Соединенных Штатов в очередной раз восторжествовала над диктатурой.

Реальность

Вторая мировая война была одновременно конфликтом между империалистическими государствами и между империализмом и антиимпериализмом, которые соответственно представляли нацистская Германия и Советский Союз. Ирония истории в том, что победа Советов над фашистами позволила США после из войны, превратиться в гегемона империализма, а потом, через новую, долгую и «холодную» войну, именно они осуществили заветную империалистическую мечту, которую напрасно лелеял Гитлер (она же была и давней мечтой американских промышленников и банкиров): разрушение Советского Союза.

Первая мировая война была конфликтом между двумя блоками империалистических держав за обладание областями, власть над которыми должна была сделать страны победоносного альянса – или, по крайней мере, их элиты – еще богаче и могущественнее, чем они уже были. Но эта гнусная реальность была скрыта под покровом мифа о том, что это была «война за демократию», «война за то, чтобы положить конец всем этим военным игрищам». Для амбиций Германии, единственного уцелевшего государства проигравшего империалистического блока, результат войны был, конечно, тяжелым ударом, но это был не конец. На международной арене эта страна по-прежнему оставалась одним из ведущих действующих лиц, со все еще немалым империалистическим аппетитом, как стало очевидно, когда Гитлер пришел к власти в 1933 году.

С другой стороны, Великобритания и Франция действительно одержали победу, но обе эти страны вышли из войны очень ослабленными. А тем временем на горизонте появились США и Япония, новые амбициозные империалистические бандиты. В этом смысле война 1914–1918 годов, глобальный Армагеддон, в ходе которого были убиты миллионы людей, была фактически бессмысленной. Борьба за власть между империалистическими державами по-прежнему не была решена. Рано или поздно битва должна была повториться, и это произойдет в 1939 году. Годы с 1918 по 1939 были лишь передышкой в том, что некоторые историки окрестили «тридцатилетней войной XX века».

Для США такое развитие событий было серьезным вызовом, но это была также и беспрецедентная возможность. Империалистическое соперничество с Германией обладало потенциалом вылиться в войну, но США могли также извлечь и выгоду из тесного сотрудничества – если не между обоими правительствами, то, по крайней мере, между основными компаниями и банками этих двух стран.

Во время Великой войны в сейфах и на банковских счетах корпоративной Америки накопилось огромное количество капитала. Поэтому крупный бизнес с нетерпением ждал инвестиционных возможностей, не только в своей собственной стране, но и особенно за границей. Германия, казалось, была землей обетованной до этого, потому что она должна была выплачивать существенные репарации Франции и Бельгии, и, таким образом, ей мог понадобиться

дополнительный капитал. Так в 1920-е годы поток американского инвестиционного капитала хлынул в Германию.

General Motors (GM), например, в 1929 году взяли в свои руки Opel AG в Рюссельсхайме, крупнейшего немецкого производителя автомобилей. В том же году Форд открыл гигантский завод в Кельне, который стал называться Ford – Werke. Таким образом большая часть немецкой автомобильной промышленности попала под американский контроль. Другие американские компании сформировали партнерские отношения с немецкими фирмами, которые были в форме совместных предприятий, соглашений о приобретении дефицитного сырья, о фиксировании цен и т. д. Ярким примером этого является сотрудничество, которое осуществляла «Стандард Ойл» с тогдашним гигантом немецкой нефтехимической промышленности, известным IG Farben. В начале 1930-х годов около 20 крупных американских компаний имели те или другие формы инвестиций в Германии. Ряд крупных американских банков также участвовал в этом инвестиционном наступлении. Например, J.P. Morgan & Co, банк, который, как мы видели, заработал огромные состояния благодаря Великой войне. У всех этих банков был свой немецкий партнер, например, Deutsche Bank. Адвокатские конторы США помогали осуществлению инвестиций в Германию и также сумели извлечь из них для себя выгоду. Так, крупным специалистом в этой области была компания Sullivan & Cromwell, престижный член сообщества Уолл-стрит, возглавляемая братьями Алленом и Джоном Фостером Даллесами. К числу их клиентов с немецкими связями принадлежали Рокфеллеры, владельцы «Стандард Ойл».

Однако в начале 1930-х годов дела с инвестициями в Германию пошли совсем из рук вон плохо. Причиной этого стал глобальный экономический кризис, Великая депрессия, характеризующаяся большим преобладанием предложения над спросом. Этот кризис затронул все капиталистические страны, но особенно сильно пострадала Германия. Производство и прибыль немецких дочерних компаний американских корпораций резко упали. Кроме того, политическая ситуация в стране стала очень нестабильной. Симптоматичными для этого времени были уличные бои между нацистами с одной стороны и социал-демократами и коммунистами с другой. Немецкие промышленники и банкиры и их американские

коллеги с инвестициями в Германии опасалась, что страна эта созрела для красной революции, такой, какая произошла в 1917 году в России.

Но тут случилось «чудо»: благодаря щедрой политической и финансовой поддержке этих промышленников и банкиров в январе 1933 Гитлер пришел к власти. И уже скоро политическая, социальная и экономическая ситуация капитальным образом изменились. Немецкие филиалы Ford, GM и другие фирмы восстановили свою прибыльность. Причина этого заключалась в том, что Гитлер сделал то, что от него ожидали капиталисты, которые привели его к власти –бросив бесчисленное множество коммунистов в застенки концлагерей, он ликвидировал революционную угрозу, а путем роспуска всех рабочих партий и профсоюзов он преобразовал ранее боевой немецкий рабочий класс в стадо бессильных овец, которые вынуждены были работать все большее количество часов за все более низкую зарплату.

В компании Ford-Werke, например, расходы на заработную плату упали с 15 % оборота в 1933 году до 11 процентов в 1938 году. Когда рабочие осмеливались протестовать или бастовать, на сцене появилось гестапо, которое железной рукой преподало им урок, как на заводе Opel GM в Рюссельсхайме в июне 1936 года. Владельцы и менеджеры американских компаний и банков, инвестирующих в Германию, были на седьмом небе и тоже пели хвалу Гитлеру в Соединенных Штатах. Среди горячих поклонников Гитлера были Уильям Кнудсен, большой шеф в «Дженерал Моторс», Сосфенес Бен, глава ITT и адвокат Джон Фостер Даллес.

Гитлер придумал еще одно средство для восстановления сильно пострадавшей экономики Германии. Его лекарство было по своей сути кейнсианским: он стимулировал спрос через государственные заказы. Но гитлеровское кейнсианство был военным по своей природе: немецкое государство заказывало огромное количество танков, пушек, грузовиков, самолетов и так далее. Большая амбиция Гитлера, амбиция, которую разделяли с ним немецкие промышленники и банкиры, состояла в том, чтобы перевооружить страну до зубов, с целью через новую войну наконец-то добиться великих империалистических целей, в борьбу за которые Германия уже выступала в войне 1914 года. Немецкий историк Фриц Фишер продемонстрировал эту преемственность в своей известной книге *Griff nach der Weltmacht* («Схватка за мировую власть»).

Конечно, Германии потребовалось несколько лет подготовки, чтобы успешно вести войну. В ожидании этого гитлеровская программа вооружения приносила немецким компаниям и банкам беспрецедентные прибыли. И немецкие дочерние компании американских корпораций воспользовались этим «взрывом прибылей». «Форд-Верке», например, который в начале 1930-х годов понес тяжелые потери, поставлял огромное количество грузовиков нацистскому режиму, и между 1935 и 1939 годами его прибыль резко возросла. У завода General Motors Opel, который также является убыточным в начале 1930-х годов, дела шли еще лучше благодаря заказам гитлеровского режима. Другие американские фирмы, работавшие в Германии в 1930-х годах, IBM и ITT, тоже заработали много денег. Немецкое отделение IBM называлось Dehomag и поставляло нацистам системы перфокарт, что облегчало промышленное производство. Немецкое отделение ITT, «Лоренц АГ» поставляло все виды средств связи, особенно для Люфтваффе.

Гитлеровская Германия была не только раем для американского инвестиционного капитала, но это был также важный рынок для готовой продукции американской промышленности. Форд не только производил в Кельне, но также импортировал в Германию запчасти для грузовиков. Другие американские компании, например Pratt & Whitney, Boeing и Sperry Gyroscope (ныне известный как Unisys), обеспечили Третьему Рейху значительные количества всевозможного оборудования для авиационной промышленности, такого, как «автопилоты и оборудование для использования в артиллерии ПВО». Американские компании ввозили в Германию также стратегически важное сырье, в том числе медь и особенно резину. Немецкая армия очень нуждалась в ней из-за того, что планировался блицкриг с использованием десятков тысяч самолетов и транспортных средств. Германия также скопила огромные запасы нефти, большая часть которой поставлялась американскими трестами. Доля США в немецком импорте нефтепродуктов с 1933 по 1939 год выросла в четыре раза. Компания, которая заработала кучу денег на этом – Техасская нефтяная компания, которая в 1959 году была переименована в «Техасо». Германский военно-морской флот закупил большое количество горючего у техасского нефтяного магната Уильяма Родса Дэвиса.

Прибыль немецких филиалов американских компаний в основном реинвестировалась в модернизацию существующей инфраструктуры, строительство новых заводов и покупку государственных облигаций Рейха. GM, например, создала новый завод Opel в Бранденбурге, недалеко от Берлина. Это был самый современный завод грузовиков в мире. Общая стоимость инвестиций в США в Германии выросла до небес. «Форд-Верке» и «Дехомаг» IBM удвоились в цене между 1933 и 1939 годами. В 1939 году стоимость Opel оценивалась в 86,7 миллиона долларов, что более чем в два с половиной раза превышало стоимость тех 33,3 миллиона долларов, которые General Motors первоначально инвестировала в Германию. При гитлеровском режиме общая стоимость американских инвестиций в Германии выросла до 450 миллионов долларов к началу вступления в войну Соединенных Штатов в декабре 1941 года.

Тот факт, что Гитлер был расистом и фанатичным антисемитом, совершенно ничего не значил и не представлял собой никакой проблемы для владельцев и менеджеров американских компаний с филиалами в Германии. Многие из них сами были сторонниками идей превосходства белых и антисемитизма. В 1920 году Генри Форд опубликовал *The International Jew* – антисемитскую книгу, которая вскоре будет переведена на немецкий язык и окажет большое влияние на Гитлера. Как и подавляющее большинство антисемитов по обе стороны Атлантики, Гитлер и Форд верили в теорию иудео-большевизма.

Они рассматривали марксистский социализм с его интернационализмом как изобретение «международного еврейства», как хитрую стратегию, разработанную якобы неполноценными людьми, чтобы уничтожить естественное (читай: данное Богом) господство превосходящей их «нордической», или «арийской» расы. Русская революция была в их видении мира делом рук евреев, а Советский Союз они презрительно именовали «Россией под властью евреев. И евреи, согласно им, не успокоятся, пока не разрушат весь мир своим социализмом и особенно коммунизмом. Многие американские бизнесмены восхищались Гитлером, как архангелом мести, который пылающим мечом репрессий изгнал эту «красную опасность» из Германии. Они надеялись, что он как можно скорее достигнет реализации самой большой амбиции его жизни, описанной в

«Майн Кампф», а именно уничтожения Советского Союза. Ведь это «коммунистическое государство» было источником вдохновения и руководства для «красных» во всем мире, в том числе и в самих США. Там политические левые в 1930-е годы были настолько активны и воинственны, что историки позднее окрестили то десятилетие как «красные тридцатые».

Гитлер действительно до весны 1939 года намеревался атаковать советское государство, как это показал немецкий историк Рольф-Дитер Мюллер в своей книге «Feind steht im Osten». Он был убежден, что Запад не будет возражать против такой войны, и поэтому останется нейтральным, и как смеющаяся третья сторона будет наблюдать за тем, как он покончит с социалистическим экспериментом, который сами они тщетно пытались уничтожить в 1918–1919 годах своей вооруженной интервенцией. Британская и французская элиты своей печально известной политикой умиротворения агрессора поощряли его и способствовали осуществлению его планов, отдав на растерзание Чехословакию, чтобы обеспечить ему трамплин для прыжка на восток.

У американских и немецких промышленников и банкиров была и еще одна причина с нетерпением ждать войны, которую хотел развязать Гитлер. Фюреру пришлось занять большие суммы денег, чтобы профинансировать свою программу вооружения. Поэтому государственный долг Рейха взлетел до небес, и было совершенно ясно, что расплатиться с кредиторами он сможет только благодаря беспощадной грабительской войне. Среди этих кредиторов были также многие американские компании и банки^[38].

Американское деловое сообщество также надеялось, что уничтожение Советского Союза позволит ему вернуть капиталы, которые американские компании вроде «Зингер» вложили в царскую Россию, но потеряли в 1917 году в связи с Русской революцией.

Гитлер был, конечно, диктатором конкурирующей империалистической державы, но американские капиталисты были довольны им в той же степени, как они довольны любым диктатором в странах Центральной и Южной Америки (где Вашингтон уже тогда завел обычай приводить к власти проамериканских диктаторов). Гитлер был «хорош для бизнеса», – шептали они друг другу в залах заседаний совета директоров американских компаний и банков. Американские и немецкие империалисты смотрели на мир через одни

и те же очки, делали «хороший бизнес» вместе и были по сути своей партнерами – это было не формальное политическое партнерство на правительственном уровне, но деловое партнерство на уровне компаний и банков. Эти отношения были практически незаметны для широкой публики и позже для большинства историков, которые просто акцентируют внимание на роли государства, на политических и военных событиях. Американское правительство держалось на почтительном расстоянии от берлинского режима, который большинство простых американцев презирало. Но Вашингтон не увидел никаких причин даже после немецкого вторжения в Польшу в 1939 году для того, чтобы воевать со страной, в которой процветали американские инвестиции^[39].

То, что в 1939 году Гитлер развязал войну против Польши и западного мира – Франции и Британии, а не Советского Союза, несомненно, расстроило американский крупный бизнес. Но они быстро утешились, потому что эта война открыла новые возможности, чтобы накопить больше прибыли. Когда началась война, 1 сентября 1939 года, Нью-Йоркская фондовая биржа ответила на это крупнейшим ростом курса акций за многие годы. «Американские инвесторы знали, кто должен был извлечь выгоду из этого конфликта, и ожидали экономического бума», – написано в книге американского журналиста Рона Черноу о банке «Дж. Пи Морган».

Без того огромного количества оборудования и топлива, которое американцы поставляли в Германию, блицкриг Гитлера был бы невозможен. Ford-Werke и Opel выпускали для всех видов немецких вооруженных сил не только грузовики, но и авиационные запчасти. Филиалы ITT поставляли немецко-фашистским войскам радиостанции, а также радары и высококачественные истребители типа FW-190, немецкая дочерняя компания IBM Dehomag внесла свой вклад в технологии, позволившие нацистской военной машине действовать «крупномасштабно, быстро и эффективно», а немецкое отделение Зингера, известного своими швейными машинами, перешло на массовое производство пулеметов. Texaco и Standard Oil продолжали в 1939 и 1940 годах поставлять Германии нефть, главным образом через нейтральные порты Испании. А нефтяной барон Уильям Родс Дэвис продолжал поставлять в Германию нефть из Мексики.

Военные успехи нацистов, таким образом, оказались настоящим Эльдорадо не только для немецких крупных компаний и банков, как мы уже видели, но и для американских тоже. Ведь империализм как проявление капиталистической системы был – и остается – нацеленным на доминирование крупного бизнеса и максимизацию его прибыли через войну и завоевания. Триумфы германского империализма означали также триумфы американского империализма. Поэтому неудивительно, что американские и немецкие бенефициары войны 26 июня 1940 года совместно отпраздновали эти победы Вермахта торжественным обедом в Нью-Йорке, в отеле «Уолдорф Астория». Организатором был Герхард Вестрик, немецкий юрист таких фирм, как «Форд», «Дженерал Моторс», «Дженерал Электрик», ITT, Standard Oil и ряда других американских компаний, у которого был свой офис в Третьем Рейхе. На этом обеде присутствовали многие из высших руководителей банковского и корпоративного секторов США. Пять дней спустя немецкие победы отпраздновали еще раз, на вечеринке, устроенной Торкильдом Рибером, большой «шишкой» из «Техасо», и в качестве гостей снова присутствовала целая подборка больших людей из американского делового мира, таких, как Эдсель Форд, сын и наследник Генри Форда.

Фактический союз американских и германских империалистов также нашел отражение в откровенных и оптимистичных комментариях американских бизнесменов, таких как Рибер, Томас Уотсон, большой босс из IBM, и Уильям Родс Дэвис. Они охотно пели дифирамбы Гитлеру, нацистскому режиму и фашизму и выражали надежду, что их выгодное сотрудничество с нацистами и другими фашистами продолжит приносить плоды, например, в виде прибыльного бизнеса в оккупированных Германией странах. Гитлер уже ранее выразил свою благодарность таким американским бизнесменам, как Форд и Уотсон, которые внесли значительный вклад в его оружейную программу, наградив их престижными наградами. Типичным является также комментарий Альфреда П. Слоуна, шефа GM, который в июне 1940 года выразил свое удовлетворение тем фактом, что наконец-то закончилась эпоха демократии с «ее неразумными, даже глупыми и отсталыми лидерами», и что будущее принадлежит нацизму и другим формам фашизма», альтернативной

системе «...с лидерами, которые сильны, умны и агрессивны и заставляют народ работать дольше и усерднее».

Эффектная демонстрация энтузиазма и поддержки фашизма большим бизнесом Америки в 1940 году является одним из многих исторических фактов, которые противоречат идеи о том, что демократия якобы является естественным партнером капиталистической социально-экономической системы, которую эвфемистически именуют системой «свободного рынка». В 1930-е годы лидеры американского капитализма во всяком случае предпочитали диктатуру в Германии демократии в Америке. В 1933 году некоторые из них даже поддержали

оставшуюся в зародышевом состоянии попытку государственного переворота, в ходе которого планировалось отстранение от власти президента Рузвельта и замена его диктатором. Эти планы просочились наружу, и проект был отменен. Это дело было прикрыто, в том числе и с помощью президента Рузвельта, потому что в нем были замешаны слишком многие высокопоставленные фигуры из кругов промышленности, политики и армии.

Война была выгодна не только американским компаниям и банкам с филиалами в Германии, но и для всех компаний, которые выпускали самолеты, танки и другую военную технику. США уже долгое время были заняты расширением и модернизацией своей армии – стратегические бомбардировщики и авианосцы появились не только после начала войны, их спланировали и построили раньше! Увеличение военных расходов государства стимулировало экономический спрос до такой степени, что наконец-то Великая депрессия подошла к концу. Кроме того, американская промышленность в рамках знаменитой программы президента Рузвельта о ленд-лизе также поставляла военную технику для Великобритании, что позволило этой стране продолжать войну даже после поражения Франции. Вопреки распространенному мнению, «помощь» по ленд-лизу – это не бесплатный подарок. Это была сложная система займов и кредитов, которые не случайно принесли огромные прибыли (почти исключительно крупным) американским компаниям и банкам, в ней участвовавшим.

Ленд-лиз обещал быть выгодным для американского крупного бизнеса и в перспективе. Одним из условий его реализации было то, что

Лондон после войны обязался отменить свою протекционистскую политику, известную как «имперское предпочтение». Эта система делала американский экспорт в Великобританию и ее владения и колонии очень сложным. Ленд-лиз использовался, таким образом, как оружие, с помощью которого американские продукты могли завоевать британский рынок, — другими словами, с помощью которого американский империализм смог вторгнуться на рынок своего империалистического соперника, ослабить его и, в конечном счете, сделать зависимым. В конечном итоге ленд-лиз оставил Соединенное Королевство с колоссальным долговым бременем, которое было полностью погашено только 29 декабря 2006 года! Война, развязанная германским империализмом, с которым неофициально и сдержанно, но все же очень тесно были связаны Соединенные Штаты, позволила американскому империализму превратить своего британского соперника в империалистической «крысины гонке» в вассала. В ходе Второй мировой войны английский империализм, некогда самый сильный в мире, но очень ослабленный уже Первой мировой войной, был беспощадно низведен до статуса младшего партнера империализма американского.

Еще до войны Гитлер был «хорош для бизнеса», но война, которую он начал, оказалась гораздо более прибыльным делом. Она позволила получить беспрецедентные прибыли и укрепила международные позиции американского империализма. Соединенным Штатам долго не пришлось самим участвовать в этой войне, а лидеры крупного бизнеса хотели, чтобы она длилась как можно дольше, в чем в какой-то момент открыто признался Генри Форд.

Был только один фактор, который мешал американским промышленникам и банкирам в войне в Европе, а именно, — что Советский Союз, воплощение антикапитализма и антиимпериализма, тогда еще не стал жертвой германской агрессии. Когда это наконец произошло, 22 июня 1941 года, фашисты пересекли советскую границу на танках и грузовиках, выпущенных заводами Ford и GM, с топливными баками, заполненными бензином, поставленным компанией «Техасо» и другими американскими нефтяными трестами.

Когда нацистская Германия напала на Советский Союз, многие американские промышленники и банкиры желали, чтобы не победила ни та, ни другой. Они надеялись, что конфликт на Восточном фронте

затягивается надолго, до тех пор, пока оба противника не рухнут в изнеможении. Однако ядро американских бизнесменов оставалось настроенными решительно профашистски и антисоветски, и они надеялись, что Гитлер сможет уничтожить Родину коммунизма. Вполне вероятно, что так думало большинство владельцев и менеджеров американских компаний с немецкими филиалами, потому что это они создали военную машину, которая смогла позволить нацистским легионам продвинуться к Москве.

Когда 5 декабря 1941 года Красная армия у ворот Москвы внезапно перешла в контратаку, которая была столь же разрушительной, как и удивительной, Гитлер и командиры его войск поняли, что блицкриг на Востоке не даст ожидаемой молниеносной победы, и что Германия обречена проиграть войну. Тот день, как мы уже видели, стал поворотным моментом Второй мировой войны. Однако американские промышленники и банкиры не имели никакого представления о фиаско блицкрига в Советском Союзе. Было также ясно, однако, что у немцев все еще долго будут связаны руки на далеком и бескрайнем Восточном фронте. Это позволит британцам продолжать войну, а это означало, что прибыльные дела, связанные с ленд-лизом, не закончатся в обозримом будущем. Другими словами, успехи Красной армии пошли на пользу бизнесу.

Таким образом, осенью 1941 года курсы на фондовой бирже Нью-Йорка росли по мере того, как все невероятнее становилось, что нацистский крестовый поход на Востоке закончится триумфом еще в этом же году. Ситуация стала еще более радужной, когда стало ясно, что в будущем и с Советами можно будет вести бизнес, после того, как в ноябре 1941 года Вашингтон и Москва подписали соглашение о ленд-лизе.

Чудесная война в Европе, таким образом, открыла новые двери для американского имперализма. Но были и проблемы, вызовы и дилеммы.

Экономическая политика нацистского режима привела к упадку энтузиазма по отношению к Гитлеру в Соединенных Штатах. Американский имперализм хотел открыть двери по всему миру для своей экспортной продукции и инвестиционного капитала. Начиная с конца 1930-х годов и даже в первые военные годы, однако, нацисты все больше ограничивали доступ к рынкам Германии и завоеванных ею

европейских стран для всего, кроме самых необходимых импортных товаров, особенно стратегического сырья вроде нефти. Большая часть Европы стала такой закрытой экономикой, в которую для американских бизнесменов практически невозможно было проникнуть. Для американских компаний с филиалами в Германии это была не такая уж проблема, но промышленников, которые не пользовались этим преимуществом, и многих политиков, которые были убеждены, что процветание страны зависело от внешней торговли, это очень сильно беспокоило. Еще хуже была успешная агрессивная торговая политика, которую Берлин проводил в Латинской Америке, рассматриваемой Дядей Сэмом как его задний двор. В 1930-е годы доля Германии в объеме импорта таких стран как Бразилия и Мексика увеличилась настолько, что это стало угрожать ранее не имевшей тут никакой конкуренции торговле американской. Нацистская Германия быстро стала «самым жестким конкурентом» Соединенных Штатов в этой части мира, как выразился германский посол в Мексике в 1938 году в своем донесении в Берлин. Таким путем нацистский режим потерял большую часть поддержки, которой он ранее наслаждался со стороны корпоративной Америки. Дружба между американскими и немецкими империалистами быстро остыла.

Поражение Франции и Нидерландов в 1940 году снова подняло на повестку дня вопрос, что будет с их колониями на Дальнем Востоке, Индокитаем и Индонезией, которые, соответственно, были богаты каучуком и нефтью. Как мы видели в главе 9, Япония стала грозной империалистической державой и конкурентом на Востоке, и Вашингтон уже давно строил планы будущей войны против этой нее. Это привело, как мы видели, к спровоцированному нападению японцев на Перл-Харбор и к объявлению Соединенными Штатами войны против Японии, но также и к неожиданному и нежелательному объявлению войны Гитлером Соединенным Штатам.

Таким образом, империалистические США вдруг оказались вместе со своим младшим партнером Британией на стороне коммунистов, антиимпериалистов Советского Союза в своей борьбе против Германии и Японии. Теперь Советский Союз был союзником и даже другом Соединенных Штатов Америки. И Великобритании, в соответствии с принципом «враг моего врага – мой друг». Эта дружба была обречена быть похороненной, как только общий враг будет

повержен, так же как и гитлеровско-сталинский пакт действовал лишь до тех пор, пока он устраивал обе стороны. Так что американцы и англичане придумывали всевозможные оправдания тому, чтобы не открывать второй фронт в Западной Европе.

Западный фронт принес бы значительное облегчение Красной Армии на Восточном фронте. Но западные союзники стояли в сторонке и наблюдали, пока советские солдаты массово шли в ожесточенные бои. Они сражались с немцами в титанической битве под Сталинградом и других местах и нанесли им там гигантские потери. Из общего числа 13,5 миллиона немецких потерь, раненых, убитых и пропавших без вести во время Второй мировой войны, не менее десяти миллионов полегли на Восточном фронте. Самый большой вклад в победу союзников над нацистской Германией внесли Советы, но заплатили за это они невиданно высокой ценой. В общей сложности в войне погибло более 13 миллионов советских солдат, по сравнению с 300.000 американцев и столько же британцев. Советский Союз также потерял десятки миллионов мирных граждан, а материальный ущерб, который понесла страна, был просто невероятен. Это было чрезвычайно выгодно американцам и британцам, которые надеялись, что Германия и Советский Союз истощат друг друга в борьбе на востоке, а Соединенные Штаты и Великобритания затем смогут появиться как черт из табакерки и решить послевоенную судьбу Европы^[40].

Неформальное партнерство между американским и германским империализмом никогда не существовало на уровне правительства, но всегда – на уровне частного предпринимательства. Это проявилось в прибыльном сотрудничестве между компаниями и банками с обеих сторон. Когда в декабре 1941 года внезапно и неожиданно наступило военное противостояние между этими странами, это, однако, ни в коем случае не означало конца для выгодных деловых отношений. Бизнес был важнее патриотизма, а получать прибыли – важнее, чем выиграть войну. Все оставалось по-прежнему, «бизнес как обычно». Немецкие филиалы американских компаний после Перл-Харбора не были конфискованы нацистским режимом, как это часто считают. Вмешательство нацистов в их управление оставалось минимальным, штаб-квартиры в США сохраняли значительную степень контроля с помощью надежных и преданных своему делу немецких менеджеров и

в некоторых случаях филиалов в нейтральных странах, как в Швейцарии. Эти филиалы продолжали выпускать военную технику, которая срочно была нужна Гитлеру, чтобы продолжать вести свою кровавую войну, даже после того, как он потерял уже всякую надежду на победу. Американские дочерние компании были специализированы в области массового производства такой продукции, и нацистские бонзы хорошо понимали, к чему привело бы вмешательство в политику таких компаний, как Opel, – это могло поставить под угрозу производство.

К материалам, которые американские компании и филиалы поставляли воюющей Германии, принадлежала полноприводные грузовики, радиолокационные системы, двигатели для Messerschmitt ME-262, самого первого реактивного истребителя, и турбины для печально известных ракет Faу-2. Дочерняя компания IBM Dehomag предоставила сложные вычислительные машины, используемые нацистами для создания списков евреев и других жертв для их депортации. Также продолжались и поставки горючего от некоторых американских компаний в Третий Рейх. Через порты Карибского бассейна и Испании Standard Oil поставляла Германии не только нефть, но и другое сырье, необходимое для продолжения войны, например вольфрам и хлопок.

Это правда, что у американских филиалов в Германии не было другого выбора, что им пришлось тогда выпускать товары для нацистского режима, как твердят различные историки-апологеты. Но этот аргумент явно не относится к компаниям, которые искали и находили способы поставить нефть и другие продукты на экспорт в Германию. Кроме того, ни менеджеров компаний, ни филиалы в Германии, ни их боссов в США никто не вынуждал продолжать производить продукцию для нацистов. Напротив, они сами все без исключения очень хотели продолжать в том же духе. Ведь производство для нацистского режима до самого конца войны оставалось чрезвычайно рентабельным. Кстати, до самого конца нацисты аккуратно оплачивали свои счета, а именно деньгами, украденными у их жертв, золотом, украденным из национальных банков оккупированных стран, как в Бельгии, и другими видами капитала, попавшего в их руки в результате завоевательной войны, грабежей и преступлений.

Швейцарские и международные банки, базирующиеся в Швейцарии, были к ним достаточно дружелюбны, чтобы помогать в осуществлении этих платежей.

Высокая рентабельность предприятий Германии в годы войны была обусловлена не только регрессивной заработной платой и социальной политикой нацистского государства, но и массовым использованием принудительного труда иностранцев. Например, Ford-Werke широко использовала «остарбайтеров», насильно угнанных из Советского Союза и Восточной Европы, а также в какой-то момент даже узников концлагеря Бухенвальда. Это помогло обеспечить то, что прибыль Ford-Werke почти удвоилась между 1939 и 1943 годами. Как это было еще до начала войны, филиалы американских компаний полученную прибыль реинвестировали, в основном, в самой Германии. Это увеличило стоимость инвестиций. Таким образом, стоимость Ford-Werke официально возросла с 60,8 миллиона рейхсмарок в 1938 году до 68,8 миллиона в 1945 году, но на самом деле более вероятно, что стоимость компании во время войны выросла вдвое.

Иногда прибыль вывозилась через швейцарские банки, например, Банк международных расчетов (БМР) в Базеле. Об этом финансовом учреждении, в котором доминировали и управляли американские и немецкие банкиры (даже во время войны!), известно, что оно помогло нефтяному магнату Уильям Родсу Дэвису в вывозе части прибыли, полученной его немецкой дочерней компанией. Даже после Перл-Харбора он продолжал работать с представителями немецких, а также американских компаний. С американской стороны в это был вовлечен Аллен Даллес, базировавшийся в Берне представитель Секретной службы США (Управления стратегических служб (OSS), предшественника ЦРУ). По словам немецкого историка Юргена Брюна, это управление представляло собой «собрание представителей ведущих компаний, инвесторов и адвокатов с Уолл-стрит». Даллес действительно подпадал под это описание, потому что, как мы видели, он вместе с своим братом Джоном Фостером Даллесом был партнером в юридической фирме «Салливан и Кромвелл». Начальником Даллеса в управлении был Уильям Джозеф Донован, также бывший адвокат с Уолл-стрит. Донован дружил с Герхардом Вестриком, немецким юристом компаний Ford и Standard Oil, который в июне 1940 года организовал в Нью-Йорке одну из вечеринок в честь немецких побед.

Во время войны Вестрик был менеджером немецких филиалов ITT и Kodak. Бернский банк действовал как своего рода частный клуб, в котором немецкие и американские бизнесмены, их адвокаты и их коллеги, банкиры могли незаметно встретиться для ведения бизнеса – в то время как их страны вели войну друг с другом. Французский писатель Поль Валери сразу после Первой мировой войны заявил, что «во время войны люди, которые не знают друг друга, убивают друг друга из-за людей, которые очень хорошо знают друг друга, но не убивают друг друга».

В Соединенных Штатах общественность не знала, что дочерние компании известных американских корпораций поставляли все виды вооружения и другой техники врагу. Администрация США знала о том, что происходит, но делала вид, как будто беспокоиться было не о чем. Это имело самое непосредственное отношение к тому факту, что экономические лидеры страны, собственники и менеджеры крупных банков и компаний, долгое время имели огромное влияние на политических лидеров в Вашингтоне. Они делали это с конца девятнадцатого века, когда крупные производители оттеснили мелких, и страна стала брать империалистический курс. Во время Второй мировой войны влияние крупного бизнеса стало еще больше. Его представители, в том числе бизнесмены с громкими именами, роем слетались в Вашингтон, чтобы занять там важные посты в государственной администрации, якобы, потому, что во времена войны она «нуждалась в их опыте». Среди этих «экспертов» был и Уильям С. Кнудсен, президент General Motors с 1938 по 1940 год, и поклонник Гитлера, Эдвард Стеттиниус-младший, бывший топ-менеджер «Дженерал Моторс», и Чарльз Уилсон, большой босс в «Дженерал Электрик», еще одной компании со значительными инвестициями в Германии.

Большинство из них «самоотверженно» шли на эту работу за символический один доллар в год. Но они пользовались этой возможностью для продвижения интересов своих компаний, для получения выгодных государственных заказов и для того, чтобы обеспечить их филиалы в Германии, чтобы они могли продолжать вести дела без помех.

Однако из этого общего правила есть исключения. Против небольшого количества компаний, о чьих связях с нацистами стало

известно общественности, таких, как «Стандард Ойл» и «Ай-би-эм», было начато судебное разбирательство. Но в обоих случаях это привело лишь к дружескому шлепку по рукам.

Тот факт, что крупный бизнес был невидимо, но сильно представлен внутри правительства США также объясняет, почему бомбардировщики союзников никогда или почти никогда не бомбили и не обстреливали немецкие дочерние предприятия американских компаний – даже гигантскую фабрику «Форд-Верке» совсем рядом с часто бомбившимся Кельном, хотя они были жизненно важны для нацистской военной промышленности.

Фиаско блицкрига в Советском Союзе в декабре 1941 г. было настоящим переломным моментом войны, но после боев под Сталинградом и Курском в 1943 году уже весь мир знал, что Красная армия находится на пути к Берлину – возможно, медленно, но верно. В Вашингтоне и Лондоне это вызвало тревогу. Если ничего не будет сделано, то Советы сами разгромят нацистов, оккупируют Германию и освободят остальную Европу. Такой триумф Советского Союза означал бы конец германского капитализма. И это было бы особенно болезненно для американского империализма, который так много инвестировал в Германию и был полон решимости сохранить эти прибыльные деловые связи с нею также и в постнацистское время.

США планировали использовать Германию в качестве плацдарма для экономического проникновения – в сочетании с косвенным политическим контролем – в остальную Европу. Американцы хотели, таким образом, победить германский империализм, но не уничтожить его, как и планировали Советы. Они хотели, чтобы эта страна была передана под американский контроль вместо нацистского, под новое управление, и чтобы она стала младшим партнером для обслуживания американского большого бизнеса. В сочетании с приближающейся реализацией устранения своего сильного империалистического конкурента на Дальнем Востоке, Японии, США тогда достигли бы того, что издатель журнала «Лайф» Генри Люс предсказал в 1941 году: что XX век станет американским веком, веком, в котором, как выразился американский писатель Льюис Лэфем, «Америка унаследует мир».

И напротив, они всерьез опасались, что американскому империализму грозят большие трудности, если Германия и Европа не

будут интегрированы в него. Война стимулировала спрос и помогла американской экономике восстать из Великой депрессии как феникс из пепла. Но конец войны был уже близок, и экономисты, журналисты и политики опасались, что страна может снова скатиться в экономический кризис, с безработицей и другими социальными проблемами – и, возможно, даже, как в «красных» тридцатых годах, с растущим требованием радикальных, даже революционных перемен. Посредством нахождения новых рынков сбыта для американской промышленности они надеялись избежать этого ужасного сценария. Рупоры американской элиты даже резко заявляли, что сохранение капиталистической системы в США зависело от значительного расширения заморской торговли и инвестиций.

На этом фоне Вашингтон выступил с инициативой создания глобальной системы свободной торговли. Это привело к Бреттон-Вудским соглашениям и к учреждению Международного Валютного Фонда (МВФ) и Всемирного банка, так сказать, международных организаций, в которых, однако, с самого начала доминировали США. Предполагалось, что отныне все страны будут допускать к себе американскую экспортную продукцию и инвестиционный капитал через широко открытую «дверь». Правительства, которые охотно сотрудничали с этой системой, с тех пор пользовались благосклонностью Вашингтона. Правительствам, которые этого не делали, слишком часто приходилось платить за это высокую цену. В странах, которые были освобождены от нацистского ига американцами, таких как Италия и Франция, левое движение Сопротивления, которое планировало радикальные, антикапиталистические реформы в интересах трудящихся, было выведено из строя и заменено деятелями и партиями, либеральными в области экономики, и консервативными в политике. В том числе и бывшими фашистами, такими, как итальянский маршал Пьетро Бадольо. Американцы также надеялись, что в других странах Европы, в частности, в еще не освобожденной Германии и в восточноевропейских странах, в которые вступила для их освобождения Красная Армия, после войны к власти придут правительства, благосклонно относящиеся к либеральной экономической политике, от которой США ожидали такого большого преимущества для себя.

Хотя после лета 1943 года Красная Армия и двинулась на Берлин, но ей приходилось еще сражаться и глубоко в самой России со значительными немецкими силами. Чтобы конкурировать с Советами в необъявленной «гонке на Берлин», американцы теперь, наконец-то, совместно с англичанами, начали планировать высадку войск во Франции. Этот проект, операция «Оверлорд», привел в июне 1944 года к высадке десанта в Нормандии, которую на Западе должно прославляют как поворотный пункт Второй мировой войны. В конце лета 1944 года была проведена операция «Маркет Гарден» – смелое предприятие с намерением переправиться через Рейн, а затем провести быстрое наступление, чтобы взять Берлин до того, как это могли сделать Советы и таким образом занять большую часть Германии еще до конца года. Тогда Москву можно было бы поставить перед свершившимся фактом. Аналогичные сценарии, выгодные для западных держав в ущерб Советам и местным коммунистам и другим антифашистским и антиимпериалистическим силам, планировавшим радикальные или даже революционные реформы, также имели место в Италии в 1943 году и во Франции и в Бельгии летом 1944 года.

Однако операция «Маркет Гарден» закончилась фиаско, и союзные войска, высадившиеся в Нормандии, остановились на западной границе Германии. В декабре 1944 года немецкое контрнаступление в Арденнах даже временно вынудило американцев к обороне, и западные союзники не без труда в конце концов одержали победу в этой битве. Но в начале 1945 года союзники все еще находились более чем в 500 километрах от Берлина, в то время как Красная Армия наступала и через несколько недель достигла Франкфурта-на-Одере, расположенного совсем недалеко от столицы Германии.

Пришлось отказаться от надежды на то, что можно будет занять почти всю Германию под носом у Советов. Вашингтон и Лондон были рады, что Сталин на Ялтинской конференции, состоявшейся с 4 по 11 февраля 1945 года, согласился временно разделить Германию на три зоны оккупации, по одной на каждую из «большой тройки» (Франция позже получит четвертую оккупационную зону). Это соглашение выделило Советам меньшую и экономически гораздо менее важную восточную треть страны плюс только восточную треть Берлина. В последние месяцы войны немецкое сопротивление на Западном фронте, однако, растаяло подобно снегу от весеннего солнца. Это

позволило американцам устремиться на восток, нарушив договоренности и выйдя за рамки оговоренной демаркационной линии, оккупировать район, который принадлежал к Советской зоне. Позже им пришлось уйти с этой территории, оставив ее в пользу Советов. Именно так был создан миф о том, что Рузвельт – якобы вопреки совету Черчилля – в Ялте пошел на слишком много уступок Сталину.

В любом случае, казалось, что Вашингтону придется позволить Советскому Союзу получить свою долю от плодов общей Победы, Победы, в которую Советы внесли величайший вклад, и для которой они принесли беспрецедентные жертвы. Например, Советский Союз рассчитывал на существенные репарации от Германии и на установление в восточноевропейских странах правительств, которые не были бы враждебны Советскому Союзу. Это стремление вовсе не было необоснованным и, безусловно, было оправданным, но оно ставило перед американским империализмом неприятную для него перспективу. Это в действительности означало, что СССР – антиимпериалистическая страна – сможет восстановиться после нацистской агрессии и, возможно, успешно развивать и далее социалистическую «контрсистему» в противовес капитализму. Также немецкие репарации Советскому Союзу означали, что будущие прибыли немецких дочерних фирм американских компаний пошли бы на пользу Советам вместо того, чтобы пополнить кошельки американских акционеров. Вашингтон рассматривал ряд способов предотвращения того, чтобы Советы добились своего. Одним из них был проект «Юнкер». Этот проект предусматривал изменение режима в Берлине, при котором Гитлера заменила бы хунта из, якобы, «респектабельных» генералов Вермахта, преимущественно консервативных прусских аристократов, известных как юнкеры. Затем они должны были предоставить германские вооруженные силы в распоряжение союзников для совместного выступления против Советов. Генерал Паттон был одним из американских сторонников этого курса, который с радостью принял бы участие в таком крестовом походе и был бы счастлив двинуть свои танки на Москву. Черчилль тоже был «за». Он приказал оставить сотням тысяч немецких солдат, которые сдались в плен англичанам или американцам, их оружие и оставить их под командованием их офицеров, с целью возможного

совместного нападения на Красную Армию под кодовым наименованием операция «Немыслимое». Для этой же цели бесчисленные нацистские шпионы и другие ветераны войны против Советского Союза, в том числе многие военные преступники и украинские и другие восточноевропейские коллаборационисты нацистов, сдавшиеся в плен, допрашивались об их опыте. После этого им выдавали поддельные документы, позволявшие им ускользнуть от возмездия, уехав в Южную или даже в Северную Америку. Паттон так и не получил «зеленый свет» на марш на Москву. Главная причина этого была в том, что американские солдаты и мирные жители через демонстрации и даже забастовки ясно давали понять, что они не поддержат такой разворот альянсов. После Первой мировой войны западным державам пришлось свернуть свое вмешательство в Русскую революцию и гражданскую войну по той же причине.

Когда в мае 1945 года в Европе закончилась война, американский империализм находился на вершине мира. Это была оглушительная победа над германским империализмом, первоначально неофициальным партнером, который, в результате перипетий войны, непреднамеренно стал формальным врагом. Германский империализм непременно стал бы очень грозным соперником, если бы он не был побежден, по иронии судьбы, Советами, с минимальной помощью со стороны США. Благодаря победе Советов Соединенные Штаты смогли осуществить экономическое проникновение во всю Западную Европу и косвенное политическое господство над ней. В послевоенные годы американский контроль над Западной Европой будет закреплен через международные организации, такие как МВФ, НАТО и даже Европейский Союз (ЕС).

Появление ЕС как американского инструмента косвенного контроля почти над всей Европой через надежного немецкого младшего партнера, который с самого начала возглавлял ЕС, подробно описано в книге французского историка Анни Лакруа-Ри, *Aux origines du carcan européen* («У истоков европейских уз»). Лакруа-Ри также объясняет как французский империализм, все еще очень могущественный до войны, между 1940 и 1944 г. при режиме Виши был разжалован в лакеи немецкого империализма, а после войны стал охотно прислуживать американскому империализму. Причина: только с американской помощью можно было бы предотвратить планы радикальных

политических и социально-экономических перемен, которые намеревалось осуществить леворадикальное движение Сопротивления. По той же причине немецкие промышленники, банкиры, клерикальные и консервативные элементы удовольствовались подчиненной ролью на стороне американского империализма. Однако эта пиллюля была подслащена – сначала Федеративная Республика Германия, а затем воссоединенная Германия в Европе, и в ЕС в частности, играла роль, которая заключалась в том, чтобы стать своего рода вице-королем американского гегемона, – роль, связанную со значительной властью и привилегиями^[41].

К весне 1945 года Соединенные Штаты стали бесспорным победителем в крысиной гонке между западными империалистическими державами. Кроме того, недалек уже был тот день, когда и японский империализм – это было лишь вопросом времени – падет на колени и перейдет под американскую опеку. Соединенные Штаты вышли из войны как непобедимая сверхдержава международного капитализма. Великая битва за гегемонию внутри империалистического лагеря, начавшаяся в 1914 г., было определено решена.

Но сама империалистическая капиталистическая система продолжала сталкиваться с вызовом, который также восходит к датам Первой мировой войны: это был Советский Союз, государство, созданное революцией, с которой элита пытается справиться еще с 1789 года. Это ненавидимое ею государство не только бросало свою тень на относительно небольшую часть Германии и Восточную Европу, но и отказалось США в «открытой двери» для их экспортной продукции и инвестиционного капитала. После страшного испытания пережитой войны Советский Союз превратился в самую могущественную страну в мире после Соединенных Штатов. Поскольку Советы, безусловно, внесли самый большой вклад в победу над нацистской Германией, и об этом в те времена знали все, то и эта страна, следовательно, пользовалась большими симпатиями и уважением, даже в западном мире. Поэтому она оставалась также и источником вдохновения для антиимпериалистических движений в Европе и во всем мире. Движениям за свободу во многих колониях и полуколониях западных держав Москва обеспечила не только моральную, но и материальную поддержку. Вдохновленные этим

советским примером, национальные и революционные движения в Китае, Вьетнаме и Корее не позволили даже американцам отобрать у них все плоды, которые они ожидали от своей победы над Японией. Так Соединенным Штатам было отказано в полной гегемонии на Дальнем Востоке, которая была их невысказанной целью, тем, ради чего Вашингтон спровоцировал войну против Японии.

Конфликт с Японией закончился атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, но в них не было никакой необходимости, как мы уже видели ранее. Япония, конечно, капитулировала бы и без атомной бомбы, потому что с объявлением ей войны Советским Союзом 8 августа 1945 года Токио лишился надежды на то, что он сможет протащить еще какие-то, по существу, ничтожные условия, привязанные к его неизбежной капитуляции. Атомная бомба была фактически использована для того, чтобы запугать Советы и заставить их покинуть Восточную Германию и Восточную Европу^[42], но эта «атомная дипломатия», о которой детально написал американский историк Гар Альперовиц, была контрпродуктивной. Советские лидеры не были запуганы, но отреагировали тем, что Красная армия в Европе была размещена как можно западнее и как можно ближе к американской и британской линиям. Применение ядерных бомб в таком случае нанесло бы большой сопутствующий ущерб западным войскам. А для того, чтобы добраться до Москвы и других крупных советских городов бомбардировщикам пришлось бы пролететь большее расстояние. Еще одним последствием ядерной политики стало то, что Советы в Восточной Европе стали гораздо менее терпимыми в вопросах безопасности, чем это было изначально. Они теперь везде поддерживали режимы у власти, которые безоговорочно поддерживали Советский Союз.

«Холодная война» родилась в пылающем аду Дрездена, Хиросимы и Нагасаки. В глазах американской империалистической элиты Вторая мировая война велась против ненастоящего врага, нацистской Германии и фашизма вообще, и на стороне ненастоящего союзника – Советского Союза. «Холодная война» была войной против подлинного врага империализма – антифашистского, антикапиталистического и антиимпериалистического Советского Союза.

В этом конфликте США позаботились о том, чтобы на их стороне был верный союзник, так называемая «новая» и «демократическая»

Германия, которой правили консервативные личности, в том числе многочисленные бывшие нацисты, чья прокапиталистическая и антисоветская идеология разделялась США.

«Холодная война» затянулась надолго и закончилась в начале 1990-х с падением Берлинской стены, распадом Советского Союза и триумфом американского империализма. Соединенные Штаты, начиная с 1945 г. бесспорный лидер капиталистического империалистического лагеря, отныне стали единственной сверхдержавой в однополярном мире.

И все же с тех пор возникли новые вызовы: становление Китая как мощной экономической, политической и военной державы, антиимпериалистические движения в Венесуэле и других странах Латинской Америки, и, наконец, не в последнюю очередь, огромные социальные, экономические и финансовые проблемы в метрополиях капиталистической системы, в том числе и в самих США.

Глава 12

С 1945 года по сегодняшний день

Миф

После победы над нацистской Германией в 1945 году она вновь стала процветающей. Запад под самоотверженным американским руководством вел «холодную войну», чтобы защитить свободу и демократию от новой угрозы, которой стал тоталитарный Советский Союз. Крушение этого коммунистического государства в начале 1990-х стало триумфом демократии и связанного с ней свободного рынка.

Реальность

Победа Советского Союза над нацистской Германией была триумфом для демократии в том смысле, что именно она обеспечила «государство всеобщего благодеяния» в Европе и независимость для бесчисленного множества колоний. И наоборот, исчезновение Советского Союза стало катастрофой для демократии: в странах бывшего СССР и бывшего Восточного блока восторжествовали капиталистические эксплуататоры, в то время как пролетариат платит за этот их «банкет»; в Третьем мире попытки добиться действительно независимого экономического курса подавляются при помощи агрессивных войн, и, наконец, в Западной Европе происходит демонтаж «государства всеобщего благосостояния».

Нападение Гитлера на Советский Союз было контрреволюционным проектом, который провалился. Победа Советского Союза была победой революции над контрреволюцией. Но означала ли эта победа также прогресс в деле демократии?

Это зависит от того, о какой демократии вы говорите. О политической демократии, по западному образцу либо нет, но с выборами, основанными на всеобщем избирательном праве и системой многочисленных политических партий? Или о социальной демократии, с важными достижениями для жизни народа в форме обширных социальных услуг? Также это зависит от того, о какой стране или регионе идет речь, ведь если речь идет о гражданах стран Западной Европы, например, то их демократические потребности очень сильно отличались от демократических потребностей населения их колоний.

Демократический прогресс, о котором мечтали последние, – это конец колониальной эры угнетения и эксплуатации, а следовательно, и независимость. Но такого рода демократический прогресс не был включен в список желаний демократов в метрополиях. Имея это в виду, мы можем исследовать, чем на самом деле стала триумфальная победа Советского Союза над нацистской Германией – не только для Европы, но и в интересах демократии в остальном мире тоже.

В Восточной Европе, освобожденной от фашистского ига Красной армией, и в Восточной Германии, при покровительстве Советов произошли революционные изменения. Они нанесли большой урон обоим крыльям «феодальной» элиты – аристократическим землевладельцам и церкви, особенно католической церкви, а также капиталистическому крылу элиты – промышленникам и банкирам из кругов высшей буржуазии. За так называемым «железным занавесом» были созданы социалистические системы, которые были далеки от совершенства: это были так называемые «народные демократии», которые с политической точки зрения, с западной точки зрения, может быть и оставляли желать много лучшего, но в социальной сфере они были демократичны. Социальное обеспечение в этих странах многое предлагало их гражданам, например, обеспеченное законом право на труд, а также дешевое или даже бесплатное здравоохранение и образование, в том числе и высшее образование.

В Западной Европе в 1945 году благодаря триумфу Советского Союза возник сильный интерес и желание революционных перемен и перехода от капитализма к социализму. Те движения сопротивления, которые боролись против нацистских оккупантов, и после войны, например, во Франции и Италии, были очень популярны и влиятельны.

Ими были намечены масштабные и очень радикальные квази-революционные реформы. Они включали, среди прочего, и экспроприацию компаний и банков, которые сотрудничали с нацистами. Чтобы предотвратить дальнейшие радикальные изменения и чтобы избежать возможной революции, правящая элита отреагировала так же, как и после Первой мировой войны – она везде по-быстрому проводила умеренные, но все же важные демократические реформы в политике и особенно в социальной сфере. Например, Великобритания, наконец-то, ввела всеобщее и прямое голосование, а в Бельгии право голосования на выборах было, наконец, предоставлено женщинам. С введением более высокой зарплаты, оплачиваемого отпуска и целого ряда мер социального обеспечения было создана европейская модель «государства всеобщего благосостояния». В Соединенных Штатах Америки социального государства не существовало, но заработная плата была значительно повышена. В Канаде, с другой стороны, заработная плата выросла меньше, но была введена относительно всеобъемлющая система социального обеспечения, включающая здравоохранение.

Эта волна реформ не создала «демократической нирваны», ибо элита оставалась у власти. Но она была вынуждена предоставить простым людям больше прав на политическое участие, и прежде всего, значительное повышение уровня жизни. Таким образом западный мир достиг невиданно высокой степени демократии и процветания. Этот высокий уровень продолжал существовать до тех пор, пока продолжал существовать Советский Союз. Элита была вынуждена все эти годы стараться успешно конкурировать со странами Центральной и Восточной Европы, странами коммунистического блока с их разветвленными системами социальной защиты. Именно благодаря победе Советов над нацистской Германией и исходившему от СССР революционному давлению демократия в Западной Европе после окончания Второй мировой войны – как политическая, так и социальная – достигла очень примечательного прогресса.

Теперь давайте посмотрим, как повлиял триумф СССР 1945 года на колонии западных держав. Эти колонии были частью капиталистического, так называемого «свободного» мира, который считает себя колыбелью свободы, процветания и демократии. Типичными для колоний, однако, были угнетение и эксплуатация. А

население в них вовсе не наслаждалось ни свободой, ни процветанием, за исключением небольшой, обычно крайне коррумпированной и клептократической элиты. В пределах колониальных рамок для подавляющего большинства колониальных народов не было никакой надежды на улучшение их судьбы. Улучшение было возможно достичь единственным способом – через революцию, через свержение власти колониальной системы. Надежда на такие перемены возникла после того, как антиимпериалистический Советский Союз одержал победу над нацистской Германией. Если уж даже этот, казалось бы, несокрушимый империалистический Голиаф потерпел поражение, то также должна быть и возможность освободиться от колониальных держав вроде Франции или Нидерландов, тем более что война против Германии и Японии привела к тому, что эти колониальные державы очень ослабли.

В дополнение к вдохновению, Советский Союз предоставил и материальную поддержку, не только коммунистам, но и некоммунистическим освободительным движениям, выступавшим за свободу и независимость колоний. Это позволило добиться того, что после окончания Второй мировой войны во многих колониях смогли одержать победу национальные революции, как социалистической ориентации, так и остальные, а соответствующие страны смогли стать независимыми. Это тоже можно рассматривать как великое демократическое достижение. Как продемонстрировал итальянский философ и историк Доменико Лосурдо в своей книге *La non-violenza: Una storia fuoridal mito* («Ненасилие: подлинная история»), Британия была вынуждена предоставить независимость Индии вовсе не благодаря широко расхваленному, но на практике совершенно неэффективному ненасильственному сопротивлению Ганди, а потому, что вооруженные борцы за свободу в этой стране получали поддержку от Советского Союза. А что касается Вьетнама, то из него были вынуждены бесславно бежать сначала французские колониальные хозяева, а потом и неоколониалисты – американцы – из-за твердого сопротивления со стороны вооруженных борцов за свободу, которые, помимо поддержки своего собственного народа, пользовались также и поддержкой Москвы. Без триумфальной победы Советского Союза над нацизмом были бы невозможны и эти триумфы демократических и

антиимпериалистических сил в Азии – как коммунистических (во Вьетнаме), так и некоммунистических (в Индии).

Каким бы ни было отношение к коммунистическим или некоммунистическим режимам, которые возникли после обретения независимости в бывших колониях, избавление от колониального ярма – это, без сомнения, большой шаг вперед в деле освобождение народа и, следовательно, в борьбе за демократию. Во Вьетнаме антиколониальная, антиимпериалистическая революция, которую возглавил коммунист Хо Ши Мин, и которая была вдохновлена коммунистическими идеями, позволила совершить этот шаг вперед к свободе и демократии. Однако господствующая на Западе мифология осуждает Хо Ши Мина и коммунизм как недемократические силы. Революция, ставшая источником свободы и демократии Вьетнама, также в течение десятилетий подвергалась упорному подавлению через беспощадную войну, которую в этой многострадальной стране вели США – страна, которая, несмотря на это, постоянно превозносит себя как поборника демократии. Союзники США внутри НАТО и вне его, которые на словах поддерживают свободу и демократию, на деле тоже поддерживали эту антидемократическую войну.

Так что в целях борьбы с послевоенной революционной угрозой их интересам западные элиты использовали не только пряник демократических уступок, но и кнут войны, хотя и проводящейся немного не ортодоксально. Соединенные Штаты, ставшие лидером-гегемоном капиталистического империалистического лагеря, немедленно после Второй мировой войны развязали так называемую «холодную войну». При этом целью являлась поддержка американской экономики, которая смогла выбраться из Великой депрессии 1930-х гг. только благодаря Второй мировой войне. Ей был необходим новый конфликт, чтобы продолжать такое экономическое развитие. Ибо, как мы видели в предыдущей главе, война – это хорошо для бизнеса. Однако «холодная война» также давала возможность демонизировать Советский Союз, очаг революции и антиимпериализма, и таким образом заставить «добропорядочных граждан» отвернуться от всего, связанного с Советским Союзом, от всех форм радикализма и, прежде всего, коммунизма. Из Советского Союза сделали страшное пугало. Чтобы противостоять этому врагу, любой стране предлагалась возможность спрятаться за американско-натовским щитом и

оснащаться новейшим вооружением, которое – какое совпадение! – выставлялось на продажу американскими компаниями. С созданием НАТО американская оружейная промышленность приобрела, таким образом, центр продаж и рекламное агентство в Европе.

Любой, кто осмеливался говорить о революции или радикальных переменах, рисковал быть заклейменным как предатель, что означало множество проблем, например, конец карьеры в качестве журналиста или университетского профессора. Радикальным элементам затыкали рот, в США, например, с помощью «охоты на ведьм», развязанной по указке сенатора Джозефа Маккарти. В Западной Германии коммунисты, которые были главными противниками нацистского режима, подвергались преследованиям со стороны правительства, которое при канцлере Конраде Аденауэре было полно нераскаявшихся и оставшихся безнаказанными нацистов.

«Холодная война» имела сильное антидемократическое измерение. Через «холодную войну» западная элита надеялась, наконец, покончить с революционным экспериментом, начатым в России в 1917 году, который продолжал успешно развиваться в Советском Союзе. Несмотря на огромные трудности, великие кровопролития, через которые он прошел, и как внутренние, так и внешние конфликты, этот эксперимент добился огромного прогресса. Это нашло свое впечатляющее отражение в победе над мощной нацистской Германией, а затем и в успехе советской космической программы. Но «холодная война» вызвала гонку вооружений, с которой Москва, в отличие от Вашингтона и остальной части Запада, оказалась не в состоянии справиться финансово в долгосрочной перспективе. Также Советский Союз был ослаблен внутренними противоречиями. Результатом всего этого стало то, что Советский Союз в начале 1990 годов внезапно рухнул.

Таким образом, благодаря «холодной войне» международная элита наконец добилась того, что она пыталась сделать с 1917 года, а именно, уничтожения Советского Союза, воплощенной на практике революции. По иронии судьбы, этот контрреволюционный триумф приписывают серии так называемых «бархатных революций», начавшихся с падения Берлинской стены в 1989 г., и закончившихся 1993 годом, когда Борис Ельцин приказал войскам расстрелять российский парламент. Чтобы увидеть, что это на самом деле были

контрреволюционные и потому принципиально недемократичные события, надо задать вопрос: кому они были выгодны?

В России – основной стране бывшего Советского Союза – от этих событий сильно выиграла православная церковь, вернувшая себе господствующие позиции. Теперь она получила во владение почти всю недвижимость, которая была национализирована после революции 1917 года.

Кроме того, российское государство восстановило щедрое финансирование старых и новых церквей – естественно, за счет всех российских налогоплательщиков, как верующих православных, так и атеистов, и нехристиан. Драматическим символом реабилитации старого режима, краеугольным камнем которого была православная церковь, стала канонизация царя Николая II в августе 2000 года.

Среди бенефициаров революций в Восточной Европе были в первую очередь дворянство и церковь, самые контрреволюционные силы. В 1945 году они потеряли вместе с политической властью и свои дворцы, замки и обширные земли, которыми они до тех пор пользовались. Однако в годы после 1990 года не только знатные семьи бывших германской и австро-венгерской империй, такие, как династия Шварценбергов, но также и католическая церковь в Восточной и значительной части Центральной Европы вернула себе большую часть своей огромной по масштабам недвижимости^[43]. В результате католическая церковь вновь стала крупнейшим землевладельцем в Польше, Чехии, Венгрии, Хорватии и др. И этому владельцу, например, польские фермеры-арендаторы теперь вынуждены платить гораздо более высокую арендную плату, чем они платили в так называемые «плохие старые времена» до 1990 года.

Западные СМИ ни словом не обмолвились об этой реальности. Они хранят свои мифы о «героизме» Гавела, Валенсы или Кароля Юзефа Войтылы, более известного, как Папа Иоанн Павел II. Согласно этому мифу, Иоанн Павел II сотрудничал с президентом Рональдом Рейганом и с ЦРУ против Советов, чтобы «восстановить демократию» в Восточной Европе. Что глава католической церкви может быть апостолом Евангелия демократии – это уже само по себе абсурдное понятие. Ибо церковь – это особенно недемократический институт, в котором папа имеет абсолютную власть, а миллионы простых священников и верующих – никакой. Если бы Иоанн Павел II

действительно хотел что-то сделать для дела демократия, он мог бы начать прежде всего с самой своей церкви. Что он на самом деле не очень-то поддерживал истинную демократию, становится ясно из того, как он противостоял храбрым и преимущественно обычным священникам и монахиням, которые старались добиться демократических перемен в Латинской Америке со своей освободительной теологией. Демократизация там была нужна гораздо больше, чем в Восточной Европе. В большинстве стран Латинской Америки люди никогда не могли пользоваться бесплатным образованием, здравоохранением и многими другими социальными услугами, которые имели в реальности люди в коммунистической Восточной Европе. В Латинской Америке католическая церковь остается одним из крупных землевладельцев, чьи привилегии и богатство – плоды кровавого завоевания этого континента испанскими конкистадорами, и подлинная демократизация в интересах крестьян и других трудящихся, как того требовали приверженцы освободительной теологии, лишила бы ее этой власти и богатства. Несомненно, именно поэтому Папа Римский, который предпринимал такие усилия для перемен в Восточной Европе, так сопротивлялся переменам в Латинской Америке.

Иоанн-Павел II не выразил протеста даже тогда, когда в Сальвадоре ряд монахинь и епископ Ромеро за их демократические убеждения и деятельность были убиты контрреволюционными «партнерами» президента Рейгана.

Изменения в Восточной Европе, которые сопровождались уничтожением Советского Союза, были драматичными, и очень многие люди встретили их с энтузиазмом и оптимизмом, но они вовсе не продвинули вперед дело демократии, как это делают подлинные революции. В Польше после падения коммунизма, отделение церкви от государства – одно из величайших достижений Французской революции – все еще существует в теории, но не на практике. Эта страна в некотором роде вернулась в эпоху до Французской революции, когда почти в каждой стране определенная религия была государственной религией и не существовали религиозные свободы и терпимость. Некатоликам, различным меньшинствам и феминисткам там теперь очень нелегко.

То, что лидеры посткоммунистических государств Восточной Европы не слишком-то поддерживают демократию, становится ясно также из того факта, что слишком много среди них сторонников крайне правого национализма, который идет рука об руку с одной конкретной религией, с ксенофобией, расизмом, антисемитизмом и т. д. Они часто прославляют крайне недемократичных и иногда откровенно фашистских элементов 1930-х годов в своих странах, многие из которых сотрудничали с нацистами во время войны и совершили чудовищные преступления. Это сделало возможным возрождение неофашистских движений и даже, как в Украине, таких неофашистских групп, которые нагло и открыто выражают свой неонацизм перед лицом всего мира – факельными шествиями, нацистским салютом и свастикой.

Кроме дворянства и церкви есть еще один выгодоприобретатель уничтожения СССР: небольшая группа спекулянтов. Слишком часто это – бывшие лидеры коммунистических партий, которые смогли разграбить общественную собственность своих стран, на базе чего возникли капиталистическая мафия и так называемые «олигархи».

Победа Советского Союза над нацистской Германией имела положительные последствия для демократии, поэтому ясно, что уничтожение Советского Союза имело негативные последствия для нее. Подавляющее большинство населения и, конечно же, те обычные люди, которые не смогли набить свои карманы благодаря «революциям» 1990-х годов, в «новой» Восточной Европе вовсе не процветают, скорее наоборот.

Опросы общественного мнения показывают снова и снова, что в таких странах как Румыния большинство считает, что при коммунизме жизнь была лучше.

Эта ностальгия понятна: возвращение капитализма принесло только небольшому спекулятивному меньшинству те богатства, которые сулили в годы «холодной войны» радио «Свободная Европа» и другие западные пропагандистские службы. Обширные социальные достижения, которыми раньше пользовалось большинство населения, растворились в воздухе. Вместо этого вернулось многое из того, что обычно ассоциируется с грубым капитализмом XIX века – такие вещи как детский труд, снова появившийся в некоторых бывших советских республиках, например, в Узбекистане. Да и женщины в Восточной

Европе и бывшем Советском Союзе потеряли многие из предоставленных им социализмом достижений, например, в сфере занятости, экономической независимости и доступного ухода за детьми.

В бывшем Советском Союзе возвращение капитализма было, конечно, вовсе не триумфом демократии. Наоборот, для рядовых людей оно стало катастрофой. На политическом уровне ничего из истинной демократии тоже не появилось, ни при Борисе Ельцине, ни при Владимире Путине. А для социального измерения демократии результаты стали еще хуже. Миллионы людей были лишены всевозможных форм социальной поддержки и были ввергнуты в нищету. Также и в бывших восточноевропейских «сателлитах» Советского Союза жизнь стала очень тяжелой. Они были индустриализированы так, что в их жизнь вошел давно уже неизвестный там бич – безработица, и в то же время все виды социальных льгот, которые раньше считались само собой разумеющимися, были ликвидированы.

Сегодня Восточная Европа пустеет. Молодые люди не видят будущего в своей собственной стране и отправляются искать счастья в Германии и в других странах Запада. Эти восточноевропейские эмигранты голосуют против новой системы «своими ногами», как на Западе любили торжествующе заявлять в годы «холодной войны» по поводу диссидентов, уезжавших из коммунистических стран.

Так что рядовые граждане – 99 процентов населения – определенно не получили для себя никаких преимуществ от падения коммунизма, скорее наоборот. Вся выгода досталась знати, церкви и олигархам. Но основными выгодополучателями от уничтожения коммунизма стали собственники и менеджеры крупных банков и корпораций, высшие слои буржуазии международной элиты^[44]. Эти люди в основном проживают в США, Западной Европе или Японии, хотя их компании являются транснациональными корпорациями. ТНК триумфально вошли в бывший коммунистический мир, чтобы продавать там гамбургеры, колу, оружие и другие предметы; чтобы за гроши скупить там государственные предприятия; чтобы высасывать оттуда полезные ископаемые; чтобы нанимать за низкие зарплаты там людей, которые за государственный счет получили отличное образование и профессиональную подготовку.

Западная финансово-промышленная элита тоже знала, как воспользоваться исчезновением с карты мира Советского Союза. Когда Вторая мировая война закончилась, и началась «холодная война», элита быстро провела демократические реформы в политике и особенно в социальной сфере, чтобы избежать революции. Политическая демократизация, в основном в форме дальнейшего расширения права голоса, никогда не доставляла элите большой головной боли. С помощью средств массовой информации и политических партий, где и те, и другие находятся под контролем элиты, было не всегда легко, но все же возможно «производить» победы на выборах для надежных, с точки зрения элиты, консерваторов, либералов или, при необходимости, социал-демократических партий. Таким образом в Западной Европе могли формироваться все новые и новые правительства, на которые элита могла рассчитывать в деле поддержки истеблишмента и продвижения его интересов как дома, так и за рубежом.

С социальными реформами, однако, дело обстояло совсем по-другому. Они были проблемой для элиты, потому что подъем и развитие «государства всеобщего благосостояния» ограничивал возможности максимизации ее прибыли. Поэтому элита с нетерпением ждала возможности для отмены этих реформ, с тем, чтобы вынудить рядовых граждан потерять как можно больше из приобретенных ими за послевоенные годы социальных завоеваний. Другими словами, чтобы повернуть вспять прогресс, достигнутый на пути к демократии. Неолиберальные интеллектуалы и политики осудили государство всеобщего благосостояния с самого начала его существования как «вредную форму государственного вмешательства в так называемую стихийную и выгодную игру свободного рынка». В 1980-х годах Рональд Рейган в США и Маргарет Тэтчер в Великобритании начали наступление на государство всеобщего благосостояния во имя неолиберализма – заново разогретой версии либерализма 19-го века с его либеральными взглядами «пусть все идет естественным путем».

Но только после окончания «холодной войны» стало возможным действительно демонтировать государство всеобщего благосостояния. Советского Союза больше не существовало, и поэтому уже не нужно было ублажать свою собственную рабочую силу обширными мерами социальной защиты. Это было началом социального распада, который

все еще находится в самом разгаре. Совершенно очевидно, что скоро от государства всеобщего благосостояния ничего не останется. Мы стали свидетелями возврата к жесткому капитализму девятнадцатого века.

К проигравшим при распаде СССР и ликвидации коммунизма, таким образом, принадлежат не только простые люди, жившие за бывшим железным занавесом, но рабочие и другие трудящиеся западных стран. Относительно высокий уровень заработной платы и благоприятные условия труда, введенные там после двух мировых войн, сделали их все менее и менее конкурентоспособными, и социальные блага, которыми они пользовались, вдруг внезапно стали «невозможными». Наемным работникам сказали, что в будущем им будут платить меньше, и им придется довольствоваться этим. Но даже если бы они согласились на снижение заработной платы и сокращение социальных выплат в контексте новой политики жесткой экономии, их рабочие места все равно исчезли бы, переместившись в страны с низкими заработными платами в Восточной Европе и в странах Третьего мира. Крупные немецкие компании, например, которые получали впечатляющие прибыли благодаря их сотрудничеству с нацистским режимом с 1933 по 1945 год, смогли после падения Берлинской стены начать экономическое расхищение Восточной Германии. У западногерманских рабочих, напротив, их заработка плата сначала была уменьшена нацистами, но поднята после 1945 года вместе с подъемом государства всеобщего благосостояния, но сейчас стремительно падает, и их рабочие места уходят в Польшу или даже дальше на восток, в такие страны как Таиланд. В дополнение к этому, существует конкуренция за все меньшее и меньшее количество рабочих мест, которые остались в самой Германии, с эмигрантами из Восточной Европы, беженцами из других стран, в частности, из Сирии и Афганистана. Этих новоприбывших беженцев, к тому же, журналисты и политики сейчас обвиняют во всех существующих бедах, скрывая при этом истинные причины проблем, и в то же время это льет воду на мельницу всевозможных неофашистов и прочих крайне правых движений.

Мы задали вопрос: «Кому это выгодно?». Каков ответ на него, вполне понятно. По обе стороны бывшего «железного занавеса» лишь «немногие», 1 %, получили большую выгоду от уничтожения

коммунизма, в то время, как «многие», 99 % простых людей, заплатили за эту высокую цену. Наши политические лидеры и средства массовой информации называют большие перемены в России и Восточной Европе «революциями», но в действительности это контрреволюции с крайне недемократическими последствиями.

В странах Третьего мира ликвидация коммунизма также принесла выгоды для меньшинства, но тяжелые последствия для большей части общества. После 1945 года дело демократии там продвинулось вперед, ибо в бесчисленных колониях жители смогли реализовать на практике свою мечту о независимости. Зачастую это происходило вопреки жестокому сопротивлению колониальных держав, вылившемуся в кровожадные войны. Франция старалась изо всех сил уничтожить революцию в Индокитае и Алжире, и США во Вьетнаме переняли у Франции факел контрреволюции и противодействия демократии. В других новых независимых государствах через интриги, убийства, взяточничество и перевороты международный империализм добился того, что не были проведены никакие социалистические эксперименты, и к власти пришли режимы, которые и раньше были на службе у бывших колониальных правителей. Хрестоматийный пример этого неоколониального подхода – Конго, где бельгийцы в сотрудничестве с ЦРУ физически уничтожили демократически избранного премьер-министра Патриса Лумумбу и привели к власти коррумпированного военного Жозефа Мобуту в качестве диктатора.

Однако было не так легко осуществить на практике неоколониальные проекты, пока существовал Советский Союз. Москва предоставила важную поддержку революционным силам, стремившимся к подлинной независимости, особенно если силы эти выступали за советскую модель развития.

Но после распада Советского Союза появилась возможность реализации воли империалистических держав, и в особенности их главаря, Соединенных Штатов, чтобы, если потребуется, путем войны навязать ее бывшим колониям. Это означало не только то, что бывшим колониям больше не разрешалось, следуя примеру Советского Союза, идти по пути социализма, что изначально планировалось значительным числом бывших колоний. Это означало в дальнейшем и то, что этим странам было запрещено проводить собственную экономическую политику, например, «закрытие дверей» для

иностранных экспортных товаров и использование инвестиций или сырья, такого как нефть, на благо собственного народа, а не американских и прочих международных инвесторов. Именно в этом «великом грехе» обвиняли сначала Саддама Хусейна в Ираке, а сегодня и Башара Асада в Сирии, и Николаса Мадуро в Венесуэле.

Исчезновение Советского Союза было также болезненным поражением демократии, потому что это была катастрофа для сотен миллионов людей в бывших колониях. Империалистические державы, под руководством Вашингтона, с ликвидацией Советского Союза смогли добиться своих неоколониальных целей в результате войн, таких как в Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии, и экономической войны против Кубы, Ирана и Венесуэлы.

Ясно, что эти войны являются крайне недемократичными. Миллионы людей в результате них потеряли свои работу, дома жизни и даже свою страну. И режимы, которые привели там к власти победители, были все без исключения недемократичными, непопулярными и иногда даже вообще не могли править, как в Ливии.

Для миллионов людей эти войны стали катастрофой, но для меньшинства они стали выгодными. Американские и британские нефтяные бароны сейчас делают огромные деньги на иракской нефти. И все эти конфликты принесли огромные выгоды для производителей военного снаряжения и бесчисленных компаний, занимающихся военным аутсорсингом для американцев, например, Halliburton, компании, связанной с бывшим вице-президентом Диком Чейни. Цена войны, таким образом, возлагается на счет государственных органов, и тем самым на счет всего населения, через налоги, а прибыль от нее идет компаниям, которые поставляют очень дорогое оружие или же нефть и сырье, присвоенное в завоеванных странах, или другими способами обогащаются на ведении войн. Так богатые становятся все богаче, а бедные – все беднее. Войны также укрепляют власть богатой элиты, потому что они являются предлогом для еще большего ограничения свободы простых людей, якобы, во имя национальной безопасности и патриотизма. Президент Джордж Буш-младший сделал это, например, с помощью репрессивного Патриотического акта. Интернет и другие цифровые технологии также все больше и больше используется для слежки и запугивания (собственных) граждан.

Благодаря ликвидации Советского Союза и войнам, которые вел Запад беспрепятственно после этого для борьбы с правительствами в Третьем мире, западная элита вернулась туда, где она на самом деле всегда оставалась, а именно, она прочно закрепилась на самой вершине социальной пирамиды во всех странах. Американская элита находится «на вершине мира». 1 % теперь богаче и могущественнее везде, чем они когда-либо были прежде, а 99 % – беднее и беспомощнее, чем когда-либо прежде.

Однако, несмотря на это, у элиты сейчас серьезные проблемы. Ее контрреволюционные и антидемократические войны, дестабилизация, бойкоты и другие проекты уже в течение многих лет не достигают успеха. Куба несколько десятилетий успешно сопротивляется давлению на нее, тяжелая война в Афганистане продолжается уже много лет, сирийская авантюра, похоже, тоже приближается к фиаско. «Холодная война», которая, якобы, была выиграна, снова продолжается, а наличие мощной в военном отношении России усложняет навязывание их воли странам с революционными амбициями и осуществлению «смены режима» в этих странах.

Возможно, самая большая проблема Запада – это успех Китая. «Бархатная» революция – на самом деле контрреволюция – была предотвращена там в 1989 году, и, руководители этой страны продолжают идти по пути революции своей особой дорогой. «Свободные выборы» по-западному там не существуют, и небольшая элита смогла обогатиться беспрецедентным образом. Но это не помешало жизни значительно улучшиться и все еще продолжать улучшаться для сотен миллионов китайцев, которые ранее жили в глубокой нищете. У этих людей нет гипотетической роскоши время от времени выбирать между кандидатами в президенты от двух партий, между которыми нет почти никакой разницы, как в США. Но теперь они процветают в экономическом отношении, и даже пользуются большей свободой, что отражается в тысячах китайских туристов, которые в наши дни вы можете встретить в любой точке мира. Благодаря революции, вдохновленный русским примером 1917 года Китай преобразился из большой, но слабой полуколонии Запада в экономически сильную и все более процветающую страну, сверхдержаву, против которой даже могучий дядя Сэм, к его великому неудовольствию, в долгосрочной перспективе вряд ли устоит.

Таким образом, и в случае Китая можно сказать, что революция способствовала эмансипации рядовых граждан. И, конечно же, это как заноза в боку у элиты западных стран, где демократия резко ухудшилась после падения Берлинской стены, к большому неудовольствию населения. Несомненно, ликвидация государства всеобщего благосостояния на Западе привела к растущему обнищанию большинства населения. Все больше и больше людей становятся все менее процветающими и даже бедными, а потому – все более беспокойными и даже мятежными. Симптомами этого являются забастовки и другие профсоюзные мероприятия и демонстрации, даже школьников. В прошлом обнищание всегда приводило к революциям. В Париже Французская революция началась с демонстраций и массовых беспорядков. И вот уже несколько месяцев французская столица сейчас тоже еженедельно становится свидетелем демонстраций «желтых жилетов», сопровождавшихся массовыми беспорядками. Повторяется ли история снова, и начнется ли революция опять в Париже?

Библиография

Alleg Henri, Le grand bond en arrière. Reportage dans une Russie de ruines et d'espérance, Parijs, 2011.

Alperovitz Gar, Atomic Diplomacy. Hiroshima and Potsdam. The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power, Harmondsworth, 1985 (originele uitgave 1965).

Anderson Perry, Lineages of the Absolutist State, Londen en New York, 1979 (originele uitgave 1974).

Aptheker Herbert, The Nature of Democracy, Freedom and Revolution, New York, 1981.

Bourgeois Daniel, Business helvétique et troisième Reich. Milieux d'affaires, politique étrangère, antisémitisme, Lausanne, 1998.

Bruhn Jurgen, Der Kalte Krieg, oder die Totrüstung der Sowjetunion. Der US-militar-industrielle Komplex und seine Bedrohung durch Frieden, Giessen, 1995.

Canfora Luciano, Intervista sul Potere, Bari, 2013.

Canfora Luciano, La democrazia. Storia di un'ideologia, Bari, 2008.

Carley Michael Jabara, 1939: The Alliance That Never Was and the Coming of World War II, Chicago, 1999.

Carroll Peter N. en David W. Noble, The Free and the Unfree. A New History of the United States, New York, 1988 (tweede uit-gave).

Chernow Ron, The House of Morgan. An American Banking Dynasty and the Rise of Modern Finance, New York, 1990.

Commiedad, ‘Popular support for the Soviet-Union’, 16 december 2016, <http://writetorebel.com/2016/12/16/popular-support-for-the-soviet-union>.

Cope Zak, Divided World Divided Class. Global Political Economy and the Stratification of Labour Under Capitalism, Montreal, 2012.

Englund Peter, The Beauty and the Sorrow. An Intimate History of the First World War, Londen, 2012.

Ferguson Niall, The Pity of War, New York, 1999.

Finkel Alvin en Clement Leibovitz, The Chamberlain-Hitler Collusion, Toronto, 1997.

Fischer Fritz, Griff nach der Weltmacht: die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18, Dusseldorf, 1967.

Furr Grover, Khrushchev Lied. The Evidence that Every ‘Revelation’ of Stalin’s (and Beria’s) ‘Crimes’ in Nikita Khrushchev’s Infamous ‘Secret Speech’ to the 20th Party Congress of the Communist Party of the Sovjet-Unie on February 25, 1956, is Provably False, Kettering, Ohio, 2011.

Furr Grover, Blood Lies. The Evidence that Every Accusation against Joseph Stalin and the Sovjet Unie in Timothy Snyder’s Bloodlands Is False, New York, 2014.

Furr Grover, The Mystery of the Katyn Massacre. The Evidence, The Solution, Kettering, Ohio, 2018.

Gatzkr Hans, Germany and the United States: A ‘Special Relationship’? Cambridge, Massachussets en Londen, 1980.

Geiss Imanuel, ‘Origins of the First World War’, in H. W. Koch (ed.), The Origins of the First World War. Great Power Rivalry and German War Aims, Londen en Basingstoke, 1972, p. 36–78.

Gillingham John, Belgian Business in the Nazi New Order, Gent, 1977.

Gossweiler Kurt, Aufsatze zum Faschismus, Berlijn, 1986.

Gowans Stephen, ‘We lived better then’, What’s Left, 20 december 2011, <https://gowans.wordpress.com/2011/12/20/we-lived-better-then>.

Gowans Stephen, ‘Seven myths about the USSR’, What’s Left, 13 december 2013, <https://gowans.wordpress.com/2013/12/23/seven-myths-about-theussr>.

Guillemin Henri, Silence aux pauvres! Parijs, 1989.

Guillemin Henri, 1789–1792/1792-1794. Les deux Révolutions françaises, Bats, 2013.

Hazan Eric, A People’s History of the French Revolution, Londen en New York, 2014.

Heideman Paul, ‘The Black Bolsheviks’, Socialist Worker, 25 november 2015.

Hobsbawm Eric, The Age of Empire 1875–1914, Londen, 1994.

Jersak Tobias, ‘Ol fur den Fuhrer’, Frankfurter Allgemeine Zei-tung, 11 februari 1999.

Keeran Roger en Thomas Kenny, Socialism Betrayed. Behind the Collapse of the Soviet Union 1917–1991, New York, 2004.

Kergel Sabine, ‘Ce qu’ont perdu les femmes de l’Est’, Le Monde Diplomatique, mei 2015.

King Gilbert, ‘What Paul Robeson said’, Smithsonian.com, 13 september 2011, www.smithsonianmag.com/history/what-paul-robesonsaid-77742433.

Lacroix-Riz Annie, *Le choix de la défaite: les élites françaises dans les années 1930*, Parijs, 2006.

Lacroix-Riz Annie, *De Munich à Vichy. L'assassinat de la 3e République 1938–1940*, Parijs, 2008.

Lacroix-Riz Annie, *Industriels et banquiers français sous l'occupation*, Parijs, 2013 (oorspronkelijke uitgave 1999).

Lacroix-Riz Annie, *Aux origines du carcan européen (1900-1960): la France sous influence allemande et américaine*, Parijs, 2014.

Lacroix-Riz Annie, ‘Le débarquement du 6 juin 1944, du mythe à la réalité’, Réseau Voltaire, 4 juni 2014, <http://www.voltairenet.org/article184071.html>.

Lacroix-Riz, Annie, *Les Élites françaises entre 1940 et 1944. De la collaboration avec l'Allemagne à l'alliance américaine*, Parijs, 2016.

Lacroix-Riz Annie, ‘Le rôle de l'URSS dans la deuxième guerre mondiale (1939–1945)’, Le Grand Soir, 9 mei 2015, <https://legrandsoir.info/le-role-del-urss-dans-la-deuxieme-guerre-mondiale-1939-1945.html>.

Lagorio Carlos, *Pensar la modernidad. Una historia cultural de las revoluciones*, Buenos Aires, 2012.

Lieberman Sanford R., ‘Crisis Management in the USSR. The Wartime System of Administration and Control’, in Linz Susan J. (ed.), *The Impact of World War II on the Soviet-Union*, Totowa, 1985, p. 59–76.

Losurdo Domenico, *Democrazia o bonapartismo. Trionfo e decadenza del suffragio universale*, Turijn, 1993.

Losurdo Domenico, *Controstoria del liberalismo*, Rome en Bari, 2006 (eerste uitgave 2005).

Losurdo Domenico, *Le révisionnisme en histoire. Problèmes et mythes*, Parijs, 2006.

Losurdo Domenico, *Fuir l'histoire? La révolution russe et la révolution chinoise aujourd'hui*, Parijs, 2007.

Losurdo Domenico, *Il linguaggio dell'Impero. Lessico dell'ideologia americana*, Bari, 2007.

Losurdo Domenico, *La non-violenza. Una storia fuori al mito*, 2010.

Mayer Arno J., *De hakenkruistocht. Tegen jood en rood*, EPO, Berchem, 1999.

Mayer Arno J., *The Persistence of the Old Regime. Europe to the Great War*, Londen en Brooklyn, 2010 (oorspronkelijke uitgave 1981).

Mayer Arno J., *The Furies. Violence and Terror in the French and Russian Revolutions*, Princeton en Oxford, 2000.

Moraze Charles, *The Triumph of the Middle Classes. A Political and Social History of Europe in the Nineteenth Century*, Garden City, NY, 1968.

Muller Rolf-Dieter, *Der Feind steht im Osten. Hitlers geheime Plane für einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahr 1939*, Berlijn, 2011.

Parenti Michael, *The Anti-Communist Impulse*, New York, 1969.

Parenti Michael, *Zwarthemden & Roden. Rationeel fascisme en de omverwerping van het communisme*, EPO, 2001.

Pauwels Jacques R., *Het Parijs van de sansculotten. Een reis door de Franse Revolutie*, EPO, Berchem, 2007.

Pauwels Jacques R., *Big business met nazi-Duitsland*, EPO, Berchem, 2009.

Pauwels Jacques R., *De groote klassenoorlog 1914–1918*, EPO, Berchem, 2014.

Pauwels Jacques R., ‘American Imperialism and Nazi Germany’, in Immanuel Ness en Zak Cope (eds.), *The Palgrave Encyclopedia of Imperialism and Anti-Imperialism*, volume II, Basingstoke, 2016, p. 777–791.

Pauwels Jacques R., *De mythe van de goede oorlog. Amerika en de Tweede Wereldoorlog*, EPO, Berchem, 2017 (volledig herz-iene uitgave).

Pauwels Jacques R., ‘Verwachtingen en verwezenlijkingen van de Oktoberrevolutie’, DeWereldMorgen.be, 7 november 2017, <http://www.dewereldmorgen.be/long-read/2017/11/07/verwachtingen-en-verwezenlijkingen-van-de-oktoberrevolutie>.

Pauwels Jacques R., ‘1918: How the Allies Surfed to Victory on a Wave of Oil’, Counterpunch, 1 oktober 2018, <https://www.counterpunch.org/2018/10/01/1918-how-the-allies-surfed-to-victory-on-a-wave – of-oil>.

Pauwels Jacques R., ‘Imperialism and the First World War’, in de nieuwe uitgave van Immanuel Ness en Zak Cope (eds.), *The Palgrave Encyclopedia of Imperialism and Anti-Imperialism*, ver-wacht najaar 2019.

Petras James, ‘The Western Welfare State: Its Rise and Demise and the Soviet Bloc’, Global Research, 4 juli 2012, <https://www.globalresearch.ca/thewestern-welfare-state-its-rise-and-demise-and-the-soviet-bloc/31753>.

Reed John, Tien dagen die de wereld deden wankelen, EPO/ Schokland, Berchem/ De Bilt, 2017.

Roberts Geoffrey, Stalin's Wars. From World War to Cold War, 1939–1953, New Haven en Londen, 2006.

Sakai J., Settlers. The Mythology of the White Proletariat from Mayflower to Modern, Montreal, 2014.

Soboul Albert, A Short History of the French Revolution 18891799, Berkeley, 1977 (oorspronkelijk uitgave: La Révolution française, 1965).

Soboul Albert, Understanding the French Revolution, New York, 1988.

Soete Lieven, Het Sovjet-Duitse niet-aanvals pact van 23 augustus 1939. Politieke zeden in het interbellum, EPO, Berchem, 1989.

Spitaels Guy, Jean-Marie Chauvier en Vladimir Caller, ‘Why minimizing the ‘Red’ victory?’, Voltaire Network, 11 mei 2005, <http://www.voltairenet.org/article30327.html>.

Stannard David E., American Holocaust. Columbus and the Conquest of the New World, New York en Oxford, 1992.

Stinnett Robert B., Day of Deceit. The Truth about FDR and Pearl Harbor, New York, 2000.

Stokes Brown Cynthia, Big History. Van de oerknal tot van-dag, EPO, Berchem, 2009.

Stoler Mark A., Allies in War. Britain and America against the Axis Powers 1940–1945, Londen, 2007 (oorspronkelijke uitgave 2005).

Tauger Mark, Famine et transformation agricole en URSS, Parijs, 2017.

Treue Wilhem (red.), Deutschland in der Weltwirtschaftskrise in Augenzeugenberichten, München, 1976.

Trudell Megan, ‘The Women of 1917’, Jakobin, 24 mei 2017, <https://www.jakobinmag.com/2017/05/women-workers-strike-russian-revolutionbolshevik-party-feminism>.

Ueberschar Gerd R. en Wolfram Wette (eds.), Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion: «Unternehmen Barbarossa» 1941, Frankfurt am Main, 2011.

Ueberschar Gerd R., ‘Das Scheitern des «Unternehmens Barbarossa»’, in: Gerd R. Ueberschar en Wolfram Wette (eds.), Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion: «Unternehmen Barbarossa» 1941, Frankfurt am Main, 2011, p. 85–122.

Williams Appleman William, The Tragedy of American Diplomacy, New York, 1962 (herziene uitgave).

Woronoff Denis, *La République bourgeoisie de Thermidor à Brumaire 1794–1799*, Parijs, 2004.

Zinn Howard, *Geschiedenis van het Amerikaanse volk*, EPO, Berchem, 2007-2010-2017.

ЖАК ПАУЭЛС

**ПРАВДА И ЛОЖЬ
ИСТОРИИ**

**МИФЫ И ТАЙНЫЕ
СМЫСЛЫ XX ВЕКА**

Примечания

1

Для изучения возникновения капитализма вы должны вернуться еще дальше, а именно, к истокам капитализма, к раннему Новому времени, когда Европа – Запад с ее так называемыми «великими открытиями» – начала завоевывать мир, и началось накопление невидимой массы капитала, так что историки связывают это время с зарождением капитализма.

[Вернуться](#)

2

Это нанесло также огромный и, возможно, даже непоправимый ущерб нашей природной среде, но об этом речь в данной книге не идет.

[Вернуться](#)

3

Достаточно примечательно, что этого не случилось в трансатлантической колонии, основанной в самом начале семнадцатого века и получившей название Nouvelle France, а именно, в нынешней канадской провинции Квебек. Франция потеряла эту территорию в ходе Семилетней войны 1756–1763 годов, еще до Французской революции. После революции в Квебеке все осталось по-прежнему, потому что англичане, захватившие колонию у Франции, практически передали власть там в руки католической церкви, которая проклинала Революцию как дело рук дьявола. Даже сегодня флаги, которые можно увидеть по всему Квебеку, – французско-королевские, сине-белые с лилией и крестом.

[Вернуться](#)

4

Термин «пролетариат» происходит от латинского «пролетарий». Это буквально означает «человек, у которого нет ничего, кроме своих детей» («пролес»).

[Вернуться](#)

5

Обратите внимание на то, как это накопление промышленного и финансового капитала было тесно связано с почти непрерывным рядом войн, которые велись сначала Директорией, а потом Наполеоном, в то время как накопление коммерческого капитала стало возможным благодаря не в последнюю очередь работорговле. В этом смысле Бальзак был прав, когда писал, что «за каждым большим состоянием скрывается преступление».

[Вернуться](#)

6

Атрехт на голландском языке.

[Вернуться](#)

7

Массовая резня французских протестантов в Париже в ночь с 23 на 24 августа 1572 года, в день Святого Варфоломея. В течение следующих месяцев волна насилия распространилась по всей Франции, в конечном счете от 5000 до 30 000 протестантов были убиты.

[Вернуться](#)

8

Этот геноцид позже вызвал восхищение Гитлера и вдохновил его на создание собственных планах геноцида евреев и других так называемых «недочеловеков».

[Вернуться](#)

9

Дело Дрейфуса было печально известным скандалом с участием еврейского офицера во французской армии. Альфреда Дрейфуса несправедливо обвинили в шпионаже в 1890-х годах. Он был осужден, но потом оправдан.

[Вернуться](#)

10

Социальные дарвинисты адаптировали биологические концепции, такие как естественный отбор и выживание, к людям, народам, расам и странам. Они рассматривали конкуренцию как основной принцип всей жизни. Самый сильный побеждает в борьбе за выживание, и поэтому он и самый лучший, а в ходе процесса выживания он становится еще сильнее и лучше. С другой стороны, проигравшие – это слабаки, которые останутся позади в гонке выживания, и они обречены на вымирание.

[Вернуться](#)

11

В течение Первой мировой войны Артур Конан Дойл активно участвовал в создании антигерманской пропаганды; он рассматривал войну как «здравое слабительное», «очищение огнем».

[Вернуться](#)

12

До этого экономические кризисы были вызваны недостаточным уровнем производства, а именно: спрос превышал предложение.

[Вернуться](#)

13

Британские и голландские королевские семьи приобрели крупные пакеты акций в компаниях, которые рыскали по всему миру в поисках нефти, таких, как BP и Shell.

[Вернуться](#)

14

Этот план был назван в честь Альфреда фон Шлиффена, начальника германского Генерального штаба с 1891 по 1906 год. Он предусматривал быстрое продвижение во Францию через нейтральную Бельгию.

[Вернуться](#)

15

Англичане называли это соперничество «великой игрой».

[Вернуться](#)

16

В Британии существовала фракция внутри элиты, особенно среди промышленников и банкиров, с хорошими контактами в Германии, которые были готовы «умиротворить» Германию, конечно, не за счет хотя бы одного квадратного километра собственной империи, но за счет бельгийских и португальских колоний.

[Вернуться](#)

17

Именно в этом контексте Берлин начал разделять антипатию Вены к Сербии – «камню преткновения».

[Вернуться](#)

18

Аналогично вывод о том, что многие нацисты лично не были антисемитами, вовсе не говорит о том, что нацизм не был антисемитским, и уж тем более о том, что нацизм, якобы, не сыграл никакой роли в холокoste.

[Вернуться](#)

19

Гитлер во время подготовки ко Второй мировой войне распорядился построить десятки тысяч грузовиков для немецкой армии и начать производство синтетических нефти и каучука.

[Вернуться](#)

20

Нынешний Exxon Mobil.

[Вернуться](#)

21

Гитлер и его генералы извлекли из этого опыта решение о том, что Германия, для того, чтобы выиграть новую войну, должна ее выиграть быстро. Они выработали концепцию «молниеносной войны», блицкрига. Формула блицкрига была успешно применена в 1939–1940 годах против Польши, Франции и других противников, но потерпела сокрушительное поражение в Советском Союзе в 1941 году. Следовательно, Германия снова оказалась втянутой в длительную войну, в которой она победить не могла из-за отсутствия сырья, такого как резина и нефть.

[Вернуться](#)

22

Имеется в виду Тридцатилетняя война 1618–1648 годов, которая особенно отразилась на Германии, но она шла также и в Соединенном Королевстве, и в других европейских странах тоже, и даже в их колониях, и привела к огромному количеству жертв. Иногда ее описывают как самую первую мировую войну.

[Вернуться](#)

23

В октябре по Юлианскому календарю, который тогда еще был принят в России. Согласно Григорианскому календарю, который был введен в России в начале 1918 года, это были март и ноябрь соответственно. Вот почему День Октябрьской революции после этого ежегодно отмечался 7 ноября.

[Вернуться](#)

24

Крушение Советского Союза частично произошло из-за его втягивания в гонку вооружений, которой эта страна не хотела и не могла себе позволить, а также из-за разногласий внутри руководства компартии, о чем хорошо рассказано в книге Роджера Кирана и Томаса Кенни «Преданный социализм».

[Вернуться](#)

25

Эти две книги Гровера Ферра называются *Blood Lies: The Evidence that Every Accusation against Joseph Stalin and the Soviet Union in Timothy Snyder's Bloodlands Is False*» и «*Khrushchev Lied: The Evidence that Every 'Revelation' of Stalin's (and Beria's) 'Crimes' in Nikita*

Khrushchev's Infamous 'Secret Speech' to the 20th Party Congress of the Communist Party of the Soviet Union on February 25, 1956, is Provably False»

[Вернуться](#)

26

Интересная книга на эту тему: J. Sakai's *Settlers. The Mythology of the White Proletariat from Mayflower to Modern.*

[Вернуться](#)

27

Предшественница нынешнего ХДС (Христианско-демократического союза).

[Вернуться](#)

28

Однако это не помешало американскому историку Генри Эшби Тернеру утверждать, будто бы взносы членов партии являлись основным источником дохода НСДАП, а случаи промышленной и банковской поддержки были относительно несущественными. За это Тернер был вознагражден огромной поддержкой в средствах массовой информации, где доминировал крупный бизнес, а также среди академических кругов США и Запада.

[Вернуться](#)

29

Консервативные историки часто ставят это под сомнение. Один из них – Вольфганг Моммзен, впрочем, признался, что слова Гитлера произвели на присутствующих промышленников большое впечатление, и что эта встреча означала «своего рода прорыв», в

позитивном смысле этого слова, в отношениях Гитлера с немецкими промышленниками и банкирами.

[Вернуться](#)

30

Цитируется по: Treue, Wilhem (red.), Deutschland in der Weltwirtschaftskrise in Augenzeugenberichten, Munchen, 1976, с. 329. Никербокер был иностранным корреспондентом международной службы новостей пресс-магната и поклонника Гитлера Уильяма Рэндольфа Херста.

[Вернуться](#)

31

Во время войны государственный долг достиг ошеломляющих высот: 52 млрд. РМ в 1940 году, 89 миллиардов – в 1941 году и 142 миллиарда – в 1942 году.

[Вернуться](#)

32

Этот миф потом будет возрожден во время Холодной войны и сформируется окончательно в ходе создания независимого Украинского государства, возникшего на руинах Советского Союза. (Для объективного взгляда на этот голод мы ссылаемся на многочисленные статьи американского историка Марка Таугера, специалиста по истории советского сельского хозяйства; они были опубликованы во французском издании Famine et transformation agricole en URSS.)

[Вернуться](#)

33

Действительно, можно задаться вопросом, смогли бы англичане и американцы когда-нибудь победить нацистскую Германию, если бы Гитлер уничтожил Советский Союз? Ведь высадка союзников в Нормандии в июне 1944 года прошла очень тяжело, и это притом, что им пришлось воевать с небольшой частью германской армии, потому что большинство немецких вооруженных сил были прикованы к Восточному фронту. Как бы прошла битва в Нормандии, если бы вся немецкая армия была бы размещена там, потому что она больше не была бы необходима на востоке?

[Вернуться](#)

34

Японские лидеры также не были обязаны помочь Гитлеру, когда он развязал нападения на Польшу, Францию и Советский Союз – кстати, тоже без предварительного уведомления Токио.

[Вернуться](#)

35

Из 13,5 миллионов убитых, раненых и военнопленных, Германией на советском фронте было потеряно не менее 10 миллионов.

[Вернуться](#)

36

США тайно уступили требованию немецких переговорщиков отложить перемирие как можно дольше, чтобы дать шанс большой части их войск ускользнуть за американскую линию фронта, чтобы не попасть в советский плен.

[Вернуться](#)

37

После войны был проведен тщательный анализ воздушной войны, US Strategic Bombing Survey, который позволил сделать вывод, что Япония капитулировала бы уже до 31 декабря 1945 г., даже если бы атомные бомбы не были сброшены.

[Вернуться](#)

38

Например, нью-йоркская Union Banking Corporation продавала облигации Рейха людям в США и получила на этом большие прибыли. Директором этого банка был Прескотт Буш, отец президента Буша-старшего и дед президента Дж. У. Буша-младшего.

[Вернуться](#)

39

Вашингтон вовсе и не планировал воевать. В 1930-х годах в столах американского армейского командования хранились планы войн с Мексикой, с Японией (как мы уже видели), даже с Британией и Канадой, но не было ни одного плана войны с гитлеровской Германией.

[Вернуться](#)

40

В Перовую мировую войну США тоже вступили намного позднее и поэтому понесли гораздо меньшие потери, чем Франция и Англия, их союзники, но также и империалистические соперники. Таким образом, после этой войны США находились в самом выгодном положении изо всех великих держав.

[Вернуться](#)

41

Вуаль дискреции, которой эта реальность всегда была ненавязчиво прикрыта, несколько лет назад оказалась немного приподнятой, когда стало известно, что американские спецслужбы безнаказанно прослушивают телефон якобы могущественного канцлера Германии Ангелы Меркель.

[Вернуться](#)

42

То же самое относится и к бомбардировкам Дрездена в феврале 1945 года.

[Вернуться](#)

43

Они смогли сделать это благодаря благожелательному сотрудничеству таких президентов как Лех Валенса (Польша) и Вацлав Гавел (Чехия), – людей, которые были щедро вознаграждены за свои услуги и получили почетное место на Олимпе западной мифологии.

[Вернуться](#)

44

Один из них Джордж Сорос, не случайно он входит в число архитекторов «бархатных революций» в бывших коммунистических странах.

[Вернуться](#)